

ISSN 2307-6119



Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology

4' 2023

Выпуск 4 (42)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 4 (42) 2023

**ТОМСК
2023**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

- О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университета (зам. главного редактора);*
Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии, зам. главного редактора);
С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;
А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);
Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики, Университет Гамбурга (Германия);
Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашигтонского университета (США);
Т. А. Гончарова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;
Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);
Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);
Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;
Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;
З. Надь, доктор антропологии, профессор Университета г. Печ (Венгрия);
Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;
В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;
Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);
М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.
Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».
Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: vos2006@mail.ru.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 13.12.2023. Дата выхода в свет: 22.12.2023. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 21. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1268/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.
Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Е. В. Литвинова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 4 (42) 2023

**TOMSK
2023**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*
*N. A. Tuchkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the “Museum of Nature and Human” (Khanty-Mansiisk
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);*
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
T. A. Goncharova, candidate of historical sciences, associate professor of TSPU;
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;
M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 13.12.2023. Publication date: 22.12.2023. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1268/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: E. V. Litvinova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
Буркова С. И., Денисова Е. А. Религиозная терминология в русском жестовом языке DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-9-22	9
Кондратьева Н. В. Реализация признаков сравнения компаративных тропов с дендронимами в современном удмуртском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-23-33	23
Никаева Т. М., Печетова Н. Ю. Региональный топонимический словарь: методические принципы составления (на примере «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты») DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-34-44	34
Персидская А. С. Структурно-семантический анализ общих и обобщенных названий пищи в селькупском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-45-54	45
Тазранова А. Р. Половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке (в сравнительно-сопоставительном освещении) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-55-64	55
Филимонова Е. В. Цепочечный реципрок в русском жестовом языке DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-65-75	65
АНТРОПОЛОГИЯ	
Бадмаев А. А. Утка в мифологических воззрениях бурят DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-76-83	76
Барсуков Е. В., Идимешев А. А. Перспективы археологических исследований правобережных притоков реки Кети (на примере реки Орловки) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-84-94	84
Волдина Т. В. Трансформация фольклорных сюжетов и обрядовых традиций ненцев и хантов озера Нумто в первой четверти XXI в. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-95-102	95
Нилогов А. С. Документальная реконструкция родословной Кызласовых DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-103-114	103
Сагалаев К. А. Редкий кадр (кетская фото- и кинолетопись) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-115-126	115
Тучкова Н. А. Квэльджум (Küeldshut) – богатырские сказания селькупов: особенности повествования и ключевые моменты сюжета DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-127-148	127
СООБЩЕНИЯ	
Полякова Н. В. Современные научные исследования томской лингвистической школы А. П. Дульзона: результаты и перспективы	149
Ким А. А., Крюкова Е. А. Конференция «Дульзоновские чтения»: история и современность	159
НАШИ АВТОРЫ	163
AUTHORS	165

CONTENTS

<i>From the Editors</i>	8
LINGUISTICS	
<i>Burkova S. I., Denisova E. A. Religious Terminology in Russian Sign Language</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-9-22	9
<i>Kondratieva N. V. Implementation of Comparative Features in Comparative Tropes with Dendronyms in Modern Udmurt</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-23-33	23
<i>Nikaeva T. M., Pechetova N. Yu. Regional Toponymic Dictionary: Methodological Principles of Compilation (the Case of the Dictionary of Toponyms of the Sakha Republic (Yakutia): Settlements)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-34-44	34
<i>Persidskaya A. S. Structural and Semantic Analysis of Common and Generalized Food Names in the Selkup Language</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-45-54	45
<i>Tazranova A. R. Gender and Age Designations of Small Livestock in the Languages of Altai, Khakass, and Mongolia</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-55-64	55
<i>Filimonova E. V. Chaining Reciprocal in Russian Sign Language</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-65-75	65
ANTHROPOLOGY	
<i>Badmaev A. A. The Duck in the Mythological Views of the Buryats</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-76-83	76
<i>Barsukov E. V., Idimeshev A. A. Perspectives for the Archeological Exploration of the Right-Bank Tributaries of the River Keth (using the Example of the Orlovka River)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-84-94	84
<i>Voldina T. V. The Transformation of the Folklore and Ritual Traditions of the Nenets and Khanty of Lake Numto in the First Quarter of the XXI Century</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-95-102	95
<i>Nilogov A. S. Documentary Reconstruction of the Kyzlasov Family Tree</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-103-114	103
<i>Sagalaev K. A. A Rare Photo (Ket Photos and Film Chronicles)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-115-126	115
<i>Tuchkova N. A. Küeldshut – The Heroic Tales of the Selkups: Narrative Features and Central Plot Points</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2023-4-127-148	127
REVIEWS	
<i>Polyakova N. V. Modern Scientific Research of the Scientific School of Linguistics Founded by A. P. Dulzon: Results and Prospects</i>	149
<i>Kim A. A., Kryukova E. A. “Dulzon Readings Conference”: History and Modernity</i>	159
AUTHORS (in Russian)	163
AUTHORS (in English)	165

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

С. И. Буркова, Е. А. Денисова

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье обсуждается религиозная лексика в русском жестовом языке (РЖЯ). Показано, что в религиозных РЖЯ со всей очевидностью проявляются эффекты визуальной модальности, в которой существуют жестовые языки, – иконичность и возможность использования пространства. При этом наблюдается отчетливая тенденция распределения механизмов непосредственного иконического отображения, метонимических и метафорических переносов в различных подгруппах рассматриваемой группы лексики. Материальные объекты, такие как священнические одежды и облачения, утварь храмов и т. п., обозначаются преимущественно при помощи непосредственного иконического отображения, в то время как религиозные обряды, названия конфессий, религиозные праздники, а также некоторые религиозно-мифологические персонажи преимущественно передаются при помощи визуальной метонимии, когда в основу названия кладется иконическое отображение некоторого визуально воспринимаемого признака. Жесты, значения которых так или иначе связаны с понятием духовности, преимущественно базируются на визуальной метафоре. В исследуемой группе лексики также ощутимо проявляется влияние окружающего русского звукового языка. Оно представлено разными типами заимствований: дактильными словами, лексикализованными дактильными словами, инициализованными жестами и калькированием. Большое число заимствований можно объяснить как сложностью передаваемых значений, так и постоянным использованием в сфере религии людьми с нарушениями слуха письменных священных текстов на русском языке. В то же время РЖЯ и русский звуковой язык по-разному членят рассматриваемую семантическую зону. Некоторые явления, для которых в русском языке имеются разные обозначения, различающиеся оттенками значений, в РЖЯ выражаются одним и тем же жестом. С другой стороны, некоторые значения оказываются более дифференцированными в РЖЯ по сравнению с русским звуковым языком, когда одному русскому слову соответствуют несколько разных жестов, различающихся оттенками значений или контекстами употребления.

Ключевые слова: русский жестовый язык, религиозная лексика, эффекты визуальной модальности, иконичность, метонимия, метафора, заимствования

Введение

В статье речь пойдет о религиозной терминологии в русском жестовом языке (РЖЯ²). Систематическое лингвистическое исследование РЖЯ началось лишь около двух десятилетий назад, и по сравнению со многими другими жестовыми языками он остается недостаточно изученным. В частности, работы, посвященные лексике этого языка, пока немногочисленны. Область религиозного составляет значительную часть жизни общества, а религиозное мироощущение проникает глубоко в повседневную жизнь народа и отражается в языке (Мечковская, 1998). Русский жестовый язык принадлежит к языкам, существующим в визуальной модальности, в которых информация передается с помощью движений рук, головы, корпуса тела и мимики. Как и другие жестовые языки, РЖЯ характеризуется высокой степенью иконичности и возможностями использования трехмерного пространства. Изучение религиозной лексики в языке визуальной модальности представляет особый интерес, так как эта лексика сама

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

² РЖЯ – основное средство общения глухих и слабослышащих на территории Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. численность его носителей составляет около 121 тыс. человек, однако по оценкам Всероссийского общества глухих (ВОГ) она превышает 300 тыс. человек (Рухледев, 2014). Официальный статус РЖЯ получил в 2012 г., он отражен в статье 14 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

по себе обладает большой образностью, а жестовый язык располагает разнообразными возможностями для ее отражения.

Духовно-просветительская работа с людьми с нарушениями слуха с 1991 г. ведется в Российской Федерации более чем в 20 епархиях РПЦ. В некоторых духовных семинариях вводится в учебную программу изучение основ РЖЯ (Соколов, 2012: 3). Тем не менее работ, посвященных религиозной лексике в этом языке, пока еще очень немного. В абсолютном большинстве это работы, выполненные не лингвистами, а переводчиками РЖЯ, в том числе священниками, по переводу на РЖЯ священных текстов (см., например: Заварицкий, 2002, 2003, 2015; Соколов, 2012; Аристов 2013; Молоток, 2017, и др.).

Лексикографическое описание религиозной лексики в РЖЯ сейчас развивается достаточно активно, в основном в видеоформате. Это, например: Словарь по богослужебной тематике, 2012; Словарь библейских жестов, 2016; Словарь православной лексики, 2016–2018; Дятлова, Заварицкий, 2006. В международном онлайн-словаре (SpreadTheSign) имеется отдельный раздел, посвященный религии. Материал этих словарей показывает, что лексико-семантическая группа религиозизмов в РЖЯ достаточно полно описывает все аспекты религиозной сферы. Исключением является лексика, относящаяся к конфессиям, не столь распространенным на территории Российской Федерации, например, буддизму. Однако важно подчеркнуть, что в области религиозной лексики в РЖЯ наблюдается очень сильная вариативность. Многие жесты в разных словарях различаются. Отчасти это объясняется тем, что РЖЯ существует в виде многочисленных территориальных вариантов. Кроме того, варьирование жестов для обозначения одного и того же понятия зачастую обусловлено тем, к какой конфессии относится носитель языка или о представителе какой конфессии идет речь. Однако во многом вариативность религиозной лексики РЖЯ связана еще и с тем, что многие жесты искусственно создаются носителями языка и переводчиками для обслуживания религиозной сферы. Как отмечает К. С. Аристов: «Сурдопереводчик сталкивается с проблемой отсутствия словаря богослужебной лексики и, в зависимости от своих творческих способностей, уровня образования и воцерковленности, а также особенностей местного диалекта, переносит богослужебный язык на жестовый» (Аристов, 2013: 9). Поэтому в данной статье мы не претендуем на сколько-нибудь полное описание этого фрагмента лексической системы РЖЯ. Арсенал жестов, конечно же, далеко не исчерпывается приводимыми ниже примерами. Задача статьи – лишь кратко охарактеризовать систему религиозной лексики РЖЯ в целом.

Материал для настоящей статьи был собран путем элицитации и интервьюирования носителей РЖЯ³, выборки жестов из существующих словарей религиозной лексики РЖЯ, а также примеров их употребления в текстах в онлайн-корпусе РЖЯ (Корпус РЖЯ, 2012–2015)⁴. В процессе элицитации использовались лингвистическая анкета, составленная с опорой на семантический словарь (Шведова, 1998), и пересказы картинок и комиксов на теологическую тематику. Всего нами было собрано около 250 жестов, обозначающих объекты и явления религиозной сферы. Работа проводилась с представителями разных конфессий – православия, баптизма и ислама, однако большая часть собранного материала относится к православному течению.

Статья состоит из трех частей. В первой части религиозная терминология РЖЯ кратко характеризуется с точки зрения ее морфосинтаксических свойств. Во второй части рассматриваются исконные жесты-религиозизмы, прежде всего с точки зрения влияния на их форму

³ В число носителей РЖЯ, участвовавших в элицитации и интервьюировании, вошли глухие (семь человек), слабослышащие (два человека) и CODA (слышащие дети глухих родителей – три человека), мужчины и женщины в возрасте от 26 до 78 лет. Все они длительное время проживают в Новосибирске.

⁴ Корпус РЖЯ был создан в рамках проекта «Корпусное исследование морфосинтаксиса и лексики русского жестового языка» (грант РФФИ № 12-06-00231, 2012–2014 гг.). URL онлайн-версии корпуса: <http://rsl.nstu.ru>.

визуальной модальности. Третья часть посвящена заимствованиям из русского звукового языка, а также некоторым различиям между религиозизмами в РЖЯ и русском звуковом языке.

1. Морфосинтаксические особенности религиозной лексики РЖЯ

Объекты и явления религиозной сферы в РЖЯ обозначаются с помощью простых жестов, словосочетаний и жестов, образованных путем словосложения.

Достаточно большую часть исследуемой лексико-семантической группы составляют сочетания жестов. Как правило, это описательные конструкции для понятий, не столь распространенных в узусе носителей. Например, в значении ‘идолопоклонство’ в нашем материале встречается сочетание ИДОЛ⁵ УВАЖАТЬ; в значении ‘ад’ – сочетание ВНИЗ ОГОНЬ, кроме того, существует вариант сочетания дактильного слова⁶ А-Д с указательным жестом, направленным вниз; в значении ‘старообрядчество’ используется сочетание СТАРЫЙ ВЕРА; в значении ‘церковь’ (как форма организации верующих) – сочетание ЦЕРКОВЬ ВМЕСТЕ.

Словосложение представляет собой очень продуктивный способ образования новых слов в жестовых языках. Во многих чертах он сходен с одноименным процессом в звуковых языках⁷. От сочетаний жестов компаунды, в частности, отличает отсутствие паузы между компонентами жеста и часто встречающаяся ассимиляция по какому-либо параметру одного из компонентов жеста другому. Например, в значении ‘царь божий’ в нашем материале встречается компаунд ЦАРЬ^УПРАВЛЯТЬ. Компонент ЦАРЬ исполняется у виска говорящего, как и многие другие жесты, связанные с чем-то сакральным, священным. Жест УПРАВЛЯТЬ в словарной форме обычно исполняется на уровне груди или чуть ниже, однако в составе компаунда его локализация⁸ меняется, и он, как и жест ЦАРЬ, исполняется у виска. При помощи компаунда ПРОТИВ^ИИСУС передается значение ‘антихрист’: сначала руки в конфигурации «1» (вытянутый указательный палец)⁹ движутся навстречу друг другу на уровне груди и далее без паузы исполняется жест ИИСУС.

Наиболее распространенными в нашем материале являются простые жесты, которые, в свою очередь, можно разделить на исконные жесты и заимствования из окружающего русского звукового языка. Подробнее они описываются в разделах 2, 3 настоящей статьи.

Характерной особенностью жестовых языков, обусловленной эффектами визуальной модальности, является широкое использование средств несегментной морфологии (значимых модификаций параметров жеста) и редупликации (значимого повтора жеста или немануального компонента). И модификация параметров, и редупликация участвуют в выражении целого ряда словоизменительных и словообразовательных значений, в том числе и в рассматриваемой

⁵ В статье использованы следующие условные обозначения: жесты глоссируются малыми прописными буквами; если для перевода жеста нужно больше одного слова, такие жесты обозначаются через точку без пробела: СВЯТАЯ.ТРОИЦА; дактильные слова глоссируются побуквенно через дефис: К-А-Н-О-Н; глоссы разных жестов, соответствующих одному и тому же русскому слову, обозначены под номерами: КОЛОКОЛ₁, КОЛОКОЛ₂; # – лексикализованное дактильное заимствование: #СВЯТЕЙШИЙ; ^ – жест-компаунд: ПРОТИВ^ИИСУС ‘антихрист’; CLF(1-человек)-ВЫЙТИ – классификатор (КОНФИГУРАЦИЯ:значение)-ГЛАГОЛ.

⁶ Подробнее о дактильных словах см. в разделе 3 настоящей статьи.

⁷ Подробнее о словосложении в жестовых языках см., например, (Буркова, Киммельман, 2019: 173–175).

⁸ В структуре жеста выделяются четыре компонента (параметра): 1) конфигурация – форма кисти руки; 2) ориентация – положение ладони и пальцев в пространстве по отношению к корпусу тела говорящего и положение рук по отношению друг к другу; 3) локализация – место исполнения жеста; 4) движение – перемещение руки от одной локализации к другой и/или изменение конфигурации или ориентации. Некоторые жесты включают также в свою структуру немануальный компонент: определенное движение корпуса, головы или мышц лица. Подробнее см., например, (Буркова, Киммельман, 2019: 120–141).

⁹ В жестовой лингвистике распространенным способом обозначения конфигураций многих жестов, который используется и в данной статье, является отсылка к жестам дактильного алфавита или жестам-числительным.

здесь группе лексики. В настоящей статье мы не ставим целью описать их подробно, приведем лишь некоторые примеры.

Примерами использования модификаций параметров в словоизменении являются согласующиеся глаголы¹⁰. Так, в жестах ИСПОВЕДАТЬСЯ_{1, 2, 3} в значении, когда исповедуется говорящий, движение будет направлено от говорящего к адресату, а в случае, когда исповедуется кто-то другой говорящему, движение будет направлено на говорящего. Использование модификаций параметров в словообразовании представлено, например, в жестах ПОХОРОНЫ, ЛИЦЕМЕРИЕ и СВЯТАЯ.ТРОИЦА. Жест ПОХОРОНЫ образуется от жеста ГРОБ при помощи добавления движения, направленного вниз. Жест ЛИЦЕМЕРИЕ образуется от жеста МНЕНИЕ. В последнем рука в конфигурации «Ж» касается виска, а в жесте ЛИЦЕМЕРИЕ рука в той же конфигурации сначала касается виска, а затем отводится ближе к затылку и снова касается головы, при этом добавляется немануальный компонент: голова слегка поворачивается в сторону. Это морфологическое изменение жеста вводит метафорический компонент значения: мнение видимое и мнение скрытое. Жест СВЯТАЯ.ТРОИЦА образован путем модификации конфигурации от жеста БОГ. При сохранении тех же локализации, ориентации, движения и немануального компонента (направления взгляда вверх) вместо конфигурации дактильного «Б» в нем используется конфигурация числительного ТРИ.

Редупликация служит в РЖЯ, в частности, для образования форм множественного числа. Например, двуручная одновременная редупликация¹¹ жеста КОЛОКОЛ₁ (рис. 2, д) выражает значение дистрибутивной множественности¹².

Важно также отметить, что при обозначении Бога или обращении к нему употребляется указательный жест с «вежливой» конфигурацией «В». В РЖЯ, как и во многих других жестовых языках, в качестве личных местоимений 1, 2 и 3-го лица выступает указательный жест с конфигурацией «1». Однако в случае Бога его заменяет более вежливая форма ВЫ (рис. 1). При обращении к Богу или обозначении святого, божественного в жестах также часто присутствует немануальный компонент: взгляд направлен вверх.



Рис. 1. ‘Молитву мою, Господи, Тебе воздать’

2. Исконные жесты-религионизмы

подавляющее большинство исконных жестов-религионизмов РЖЯ характеризуются высокой степенью изобразительности. Некоторые из них непосредственно иконически отображают обозначаемое явление, другие – через характерную для жестовых языков визуальную метонимию или метафору.

¹⁰ Глагольные жесты, в которых путем изменения направления движения и/или ориентации руки выражается согласование глагола с его аргументами. Подробнее см., например, (Буркова, Киммельман, 2019: 204–207).

¹¹ Двуручная редупликация – это исполнение исходно одноручного жеста двумя руками. Руки при этом могут двигаться синхронно или поочередно. Подробнее о редупликации в РЖЯ см. (Буркова, Филимонова, 2014).

¹² Указания на «совокупность объектов, находящихся в разных точках пространства» (Мельчук, 1998: 96). Подробнее о выражении значений множественного числа в РЖЯ см. (Kimmelman, Burkova, Filimonova, 2022).

Непосредственное иконическое отображение встречается в жестах, обозначающих материальные объекты, доступные непосредственному зрительному восприятию. Например, это жесты, обозначающие священные одежды и облачения: ВЕНЕЦ, ВЕНЧИК (рис. 2, а), ВЕРИГИ, ЕПИТРАХИЛЬ (который также используется в значении ‘подрясник’), КАМИЛАВКА, КУКОЛЬ, МИТРА, ОРАРЬ, ПАНАГИЯ, ПОРУЧИ, ПОЯС, РИЗА, СКУФЬЯ, ФЕЛОНЬ и др. Аналогично устроены жесты, описывающие утварь храмов и церквей, например, АЛТАРЬ (рис. 2, б), ЧАША (рис. 2, в), КОЛОКОЛ₁ (рис. 2, г), КИОТ, ДИСКОС и др.

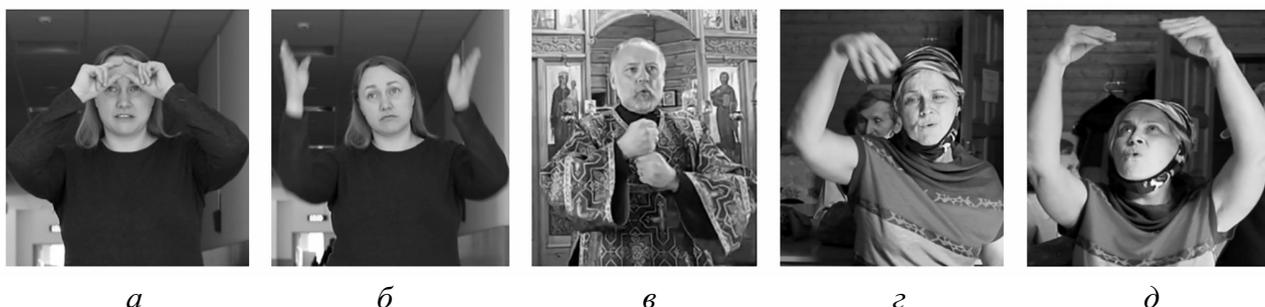


Рис. 2. Жесты, обозначающие материальные объекты, связанные с религиозными реалиями: ВЕНЧИК (а); АЛТАРЬ (б); ЧАША (в); КОЛОКОЛ₁ (г); КОЛОКОЛ₁ (д) с двуручной одновременной редупликацией

При обозначении более абстрактных понятий жест обычно строится на метонимическом или метафорическом переносе. При этом и метонимия, и метафора в жестовых языках обладают особой спецификой по сравнению со звуковыми языками, обусловленной эффектами визуальной модальности.

Метонимия обычно изображается иконически: перенос значения осуществляется от образа к значению в отличие от звуковых языков, где перенос базируется только на отношениях внутри семантической области (Wilcox, 2004; Wilcox et al., 2004). На метонимических переносах основаны многие жесты, обозначающие религиозные обряды. Как правило, жест иконически отображает действие, сопутствующее тому или иному обряду и доступное непосредственному зрительному восприятию. Например, в жесте КРЕСТИТЬ иконически изображается окунание в купель. В жесте ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ иконически изображается помазание маслом лба (рис. 3). В жесте ОБРУЧЕНИЕ изображается надевание кольца на безымянный палец. В значениях ‘рукоположение’ и ‘благословление’ используется жест, иконически повторяющий действие священника в церкви (рис. 4). При передаче значения ‘молиться’ у представителей разных конфессий соответствующие жесты отличаются. Например, в жесте, используемом православными и католическими христианами, руки сложены на уровне груди (рис. 5). У представителей баптизма ладони сжаты в кулаки на уровне груди большими пальцами вверх (рис. 9). Варианты передачи одноименного значения у представителей ислама – несколько жестов, тоже изображающих движения верующих во время молитвы (рис. 10, 11).



Рис. 3. ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ



Рис. 4. РУКОПОЛОЖЕНИЕ



Рис. 5. МОЛИТЬСЯ₁

Значения ‘Христос’, ‘распятие’, ‘Рождество’ часто обозначаются с помощью жеста ИИСУС (рис. 6), иконически изображающего стигматы. Жест СВЯЩЕННИК (рис. 7) представляет собой изображение процесса каждения. В значении ‘святейший’ используется жест, изображающий нимб или свечение вокруг головы святого. Жест КОЛОКОЛ₂ (используемый также в значении ‘воскресенье’)¹³ иконически изображает движение руки звонаря (рис. 8).



Рис. 6. ИИСУС



Рис. 7. СВЯЩЕННИК



Рис. 8. КОЛОКОЛ₂

На метонимическом переносе может быть основана целая семантическая группа, например названия конфессий. При обозначении религиозного направления выбирается мотивирующий, визуально воспринимаемый признак, и на его основе строится метонимический перенос. Например, жест БАПТИЗМ основан на изображении того, как представители данного направления молятся (рис. 9)¹⁴. Аналогичным образом строятся жесты со значением ‘ислам’: в ИСЛАМ₁ руки на уровне груди ладонями к говорящему несколько раз опускаются ладонями параллельно земле (рис. 10); в ИСЛАМ₂ ладони несколько раз сверху вниз опускаются на уровень груди и делают легкие хлопки (рис. 11); в ИСЛАМ₃ ладонями несколько раз одновременно проводится вниз по щекам – это иконическое изображение протирания лица руками после мольбы (дуа)¹⁵. В жесте БУДДИЗМ₁ (рис. 12) руки, скрещенные у груди, иконически изображают позу лотоса, в которой чаще всего изображается Будда. В нашем материале встречается и второй вариант передачи данного значения, жест БУДДИЗМ₂ – руки ладонями вверх с соединенными кончиками больших и средних пальцев, – соответствующий одному из ритуальных жестов (мудр) в буддизме.



Рис. 9. БАПТИЗМ



Рис. 10. ИСЛАМ₁



Рис. 11. ИСЛАМ₂



Рис. 12. БУДДИЗМ₁

В основу жестов ПРАВОСЛАВИЕ и КАТОЛИЦИЗМ и положены жесты осенения себя крестом, используемые верующими соответствующих конфессий: троеперстие или выпрямленные все пять пальцев. Кроме того, значения ‘православие’ и ‘христианство’ могут передаваться

¹³ Значение ‘воскресенье’, в свою очередь, тоже образовано у жеста КОЛОКОЛ₂ на базе метонимии, но уже по модели, типичной и для звуковых языков, от значения к значению: воскресенье – день, когда звонят в колокола.

¹⁴ Этот жест используется также в значении ‘молиться’ по отношению к представителям баптизма.

¹⁵ Все три жеста используются также в значениях ‘намаз’ и ‘молиться’ по отношению к мусульманам.

с помощью жеста ИИСУС или жеста, похожего на жест священника, осеняющего людей крестным знамением.

С помощью метонимического переноса также строятся жесты, описывающие некоторых антропоморфных существ из религиозных текстов, например, АНГЕЛ₁, АНГЕЛ₂ (рис. 13, 14), БЕС. В основе жестов со значением ‘ангел’ лежит иконическое изображение крыльев. При обозначении беса или черта используется жест, иконически изображающий рога.



Рис. 13. АНГЕЛ₁



Рис. 14. АНГЕЛ₂

Метафора в жестовых языках, как и метонимия, тоже предполагает взаимодействие между формой и значением: абстрактное понятие сопоставляется с более конкретным при помощи концептуальной метафоры, и это конкретное понятие затем кодируется иконически (Taub, 2001: 95). Так, в жесте ПРОРОК₁ (рис. 15) правая рука с расставленными в стороны пальцами движется по ладони левой руки в направлении от говорящего, а глаза прищурены: изображается видение сквозь что-то, всматривание в будущее. Жест-компаунд ПРОРОК₂, представленный в (Словарь библейских жестов, 2016), имеет другое исполнение, но в нем содержится та же метафора прозрения будущего: правая рука в конфигурации «П» подносится к глазу, а затем движется вперед под ладонью левой руки. В значении ‘исповедь’ в нашем материале обнаруживаются три жеста. В ИСПОВЕДЬ₁ (рис. 16) руки расположены у сердца, и изображается открытие сердца. В ИСПОВЕДЬ₂ (рис. 17) пальцы чуть согнуты, руки движутся от сердца говорящего, изображая процесс выкладывания чего-то из сердца. Жест ИСПОВЕДЬ₃, который, по свидетельству наших информантов, является региональным и распространен в Нижнем Новгороде, похож на жесты ИСПОВЕДЬ₁ и ИСПОВЕДЬ₂, но говорящий делает движение, словно стряхивает что-то с сердца.



Рис. 15. ПРОРОК₁



Рис. 16. ИСПОВЕДЬ₁

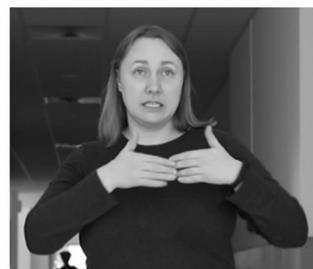


Рис. 17. ИСПОВЕДЬ₂

В значении ‘преставление’ используется жест УМЕРЕТЬ, однако в религиозном контексте к нему часто добавляется жест ВОЗНЕСЕНИЕ, в котором руки ладонями вверх медленно поднимаются в небо, а также добавляется немануальный компонент: взгляд следует за руками. Жест становится метафорически мотивированным, добавляется компонент значения вознесения души после смерти.

Другими примерами визуальной метафоры являются жесты ДУША и ДУХ. Жест ДУША исполняется как легкое похлопывание ладони по сердцу, т. е. душа – это нечто внутри, у сердца.

В жесте ДУХ руки движутся, раскрываясь, от рта в стороны и вверх, и это движение сопровождается выдохом.

Еще одним интересным примером метафорического переноса является описанный в (Словарь библейских жестов, 2016; Словарь православной лексики, 2016–2018) жест ИСКУШЕНИЕ, где кисть руки с быстро шевелящимися указательным и средним пальцами движется к виску: иконически изображается, как маленькие юркие существа (бесы) проникают в голову говорящего.

3. Религиозная лексика РЖЯ и русский звуковой язык

Русский жестовый язык существует в тесном и постоянном контакте с русским звуковым языком. Неслучайно в нем имеются многочисленные заимствования из этого языка, в том числе и в области религиозной терминологии. В силу особенностей устройства жестовых языков эти заимствования носят разный характер: дактильные слова, дактильные слова, прошедшие процесс лексикализации, инициализованные жесты и калькирование.

Дактильные слова – это передача слов звукового языка при помощи дактильного алфавита, в котором жесты соответствуют буквам звукового языка. Дактилизация обычно используется для передачи имен собственных, а также понятий, для которых нет устоявшегося жеста (например, специальной терминологии). В описываемой группе лексики дактильные слова в целом достаточно многочисленны. Например, некоторые конфессии или политеистические религии обозначаются с помощью этого типа заимствований: П-Р-О-Т-Е-С-Т-А-Н-Т-И-З-М, Я-З-Ы-Ч-Е-С-Т-В-О, П-О-Л-И-Т-Е-И-З-М. Понятия из религий, не распространенных на территории Российской Федерации, тоже часто передаются с помощью дактильных слов, например, А-Б-Б-А-Т-С-Т-В-О. В подгруппе «Церковные службы, сопровождающие их обряды и действия» дактильными словами выражаются такие понятия, как Е-К-Т-Е-Н-Ь-Я, Р-Е-К-В-И-Е-М, С-О-Р-О-К-О-У-С-Т, К-А-Н-О-Н и др. Кроме того, при помощи дактилирования обозначаются и некоторые более распространенные понятия: В-Е-Р-Б-Н-О-Е (в контексте ‘вербное воскресенье’), И-Н-О-К, С-А-Н, А-Д, Р-А-Й, Ч-И-Н, Е-Р-Е-С-Ь, К-Л-И-Р, и др. Дактильное слово может также использоваться для смыслового дублирования – уточнения значения жеста для адресата. Например, когда речь идет об евхаристии (освящении хлеба и вина особым образом и последующем их употреблении, причащении) обычно используется жест ПРИЧАЩЕНИЕ, но иногда в сочетании с дактильным Е-В-Х-А-Р-И-С-Т-И-Я.

Дактильные слова нарушают некоторые ограничения, свойственные жестам базового словаря РЖЯ. В частности, структура жеста базового словаря, как правило, может включать не больше двух конфигураций руки, а в дактильных словах их часто больше. Кроме того, дактильные слова не хранятся в ментальном лексиконе носителей языка, а создаются в момент речи (Буркова, Киммельман, 2019: 234). Однако впоследствии некоторые дактильные слова могут пройти процесс лексикализации, сопровождающийся выпадением дактилем: соответствующее понятие обозначается не всеми буквами, а только несколькими, как правило первыми. Например, в значении ‘святейший’ может использоваться жест #СВЯТЕЙШИЙ (буквально С-В), в котором сократилось количество конфигураций, и жест, таким образом, стал ближе к исконной лексике, частично утратив связь со звуковым языком.

Дальнейшим этапом адаптации заимствований являются инициализованные жесты. Конфигурация руки в них обусловлена звуковым языком: это конфигурации дактильного жеста, соответствующего, как правило, первой букве эквивалентного слова звукового языка. Однако при этом жест обычно приобретает движение и/или локализацию, не свойственные дактильному жесту. Например, в жесте БОГ (рис. 18) рука в конфигурации дактильного «Б» поднимается от виска вверх. Аналогично строится жест ГОСПОДЬ (рис. 19), только в данном случае рука имеет конфигурацию дактильного «Г».

В (Буркова, Киммельман, 2019: 236) отмечается, что инициализированные жесты могут формировать семантические группы, когда жесты, принадлежащие к одной семантической зоне, будут иметь схожие параметры, например, движение, но разные конфигурации. В религиозной лексике РЖЯ инициализированные жесты формируют, например, семантическую группу «наименования иерархов церкви». Так, в жесте ЕПИСКОП (рис. 20) рука в конфигурации дактильного «Е» прикладывается к груди говорящего. Жест МИТРОПОЛИТ (рис. 21) исполняется схожим образом, однако конфигурация руки – дактильное «М».



Рис. 18. БОГ



Рис. 19. ГОСПОДЬ

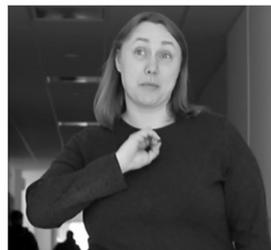


Рис. 20. ЕПИСКОП

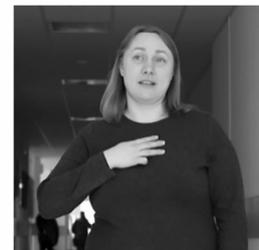


Рис. 21. МИТРОПОЛИТ

Еще одним примером могут служить жесты, обозначающие разные типы ангелов. Сам жест АНГЕЛ₁ (рис. 13) основан на метонимическом переносе: изображаются крылья ангела: руки скрещены на груди, а кисти в конфигурации дактильного «Л» лежат у плеч. Но в значениях 'серафим' (рис. 22) и 'херувим' (рис. 23) конфигурация рук меняется на «С» и «Х» соответственно.



Рис. 22. СЕРАФИМ



Рис. 23. ХЕРУВИМ

Инициализированные заимствования встречаются и в группе жестовых имен святых и библейских героев. Жестовые имена – это жесты, принятые в определенном сообществе глухих для обозначения конкретного человека, входящего в это сообщество либо представляющего собой релевантную для этого сообщества историческую личность, знаменитость и т. п. Например, в одном из вариантов жестового имени ЕВА рука в конфигурации «Е» дважды касается краешка губ. Важно, что в этой локализации также исполняются жесты МАТЬ и ЖЕНЩИНА. В жестовом имени АДАМ дактильная «А» переходит в жест ГЛАВНЫЙ. Другим примером может служить жестовое имя Даниила: дактильная «Д» переходит в классификаторный жест¹⁶ СЛГ(Л:человек)-ВВЕРХ, изображается вознесение. Аналогичным образом строится жестовое имя пророка Ильи: дактильная «И» переходит в жест ПРОРОК₂ (Словарь библейских жестов, 2016).

¹⁶ В классификаторных жестах конфигурация руки обозначает отнесенность референта к определенному классу: двуногих существ, плоских предметов, транспортных средств и т. д. Конфигурация в сочетании с разнообразными локализациями, ориентациями и типами движения может указывать на движение или местоположение определенного объекта, те или иные операции с определенными объектами, а также на размеры и форму объекта. Подробнее см., например, (Буркова, Киммельман, 2019: 188–190, 223–229).

Важно заметить, что инициализированные жесты могут быть не единственной составляющей определенной семантической зоны. Например, в группе «наименования иерархов церкви» жест ПАТРИАРХ основан не на инициализации, а на метонимическом переносе: говорящий обрисовывает патриарший куколь вокруг своей головы. В значении ‘бабушка’ используется композит ОТЕЦ^ЧЕЛОВЕК. Значение ‘апостол’ передается сочетанием дактильного А-П и жеста ЧЕЛОВЕК.

В группе религиозизмов РЖЯ также обнаруживаются многочисленные примеры калькирования сложных слов и словосочетаний из русского звукового языка. Можно предположить, что подобный тип заимствования распространен в данной группе лексики из-за постоянного обращения переводчиков РЖЯ, а также самих верующих носителей РЖЯ к религиозным текстам на звуковом языке во время службы в церкви или самостоятельного чтения священных текстов. Например, в значении ‘высокопреосвященный’ в нашем материале встречается сочетание жестов ВЫСОКО ОЧЕНЬ УВАЖАТЬ, а в значении ‘Успение пресвятой богородицы’ – сочетание УСНУТЬ СМЕРТЬ ОЧЕНЬ БОГ МЛАДЕНЕЦ. Значения ‘единобожие’ и ‘многобожие’ могут передаваться с помощью сочетаний ОДИН БОГ и МНОГО БОГ соответственно. Значение ‘грехопадение’ может передаваться при помощи композита ГРЕХ^СПАД, ‘сребролюбие’ как композит ДЕНЬГИ^ЛЮБИТЬ, а ‘антихрист’ как композит ПРОТИВ^ИИСУС.

Несмотря на тесное соседство РЖЯ и русского языка, лексический состав одного и того же лексико-семантического поля в этих языках совпадает не полностью, как и в любых других разных языках. Прежде всего это различие сказывается в объеме религиозной лексики. Например, в словаре (Шведова, 1998) представлено в общей сложности около 800 лексических единиц, связанных с понятиями религии, в то время как в ходе исследования нами обнаружено около 250 жестов, используемых в религиозной сфере носителями РЖЯ. Это не удивительно: РЖЯ до сих пор преимущественно функционирует как средство бытового общения, в то время как русский звуковой язык имеет широкий диапазон функциональных стилей.

Кроме того, в лексико-семантических группах «Религия» в русском языке и РЖЯ можно заметить разное членение данной семантической зоны. Часто разным лексемам русского языка, отличающимся значениями или тонкими оттенками значений, соответствует один и тот же жест. Например, значения ‘вера’, ‘верование’, ‘вероисповедание’, ‘исповедование (веры)’, ‘религия’ и ‘конфессия’ могут выражаться с помощью одного и того же жеста ВЕРА. В значениях ‘гнев’, ‘злость’, ‘ярость’ используется один и тот же жест ЗЛОСТЬ, а жест ГРЕХ может использоваться также в значении ‘порок’. Кроме того, то или иное значение из религиозной сферы может окказионально передаваться другим жестом. Например, ПРАВИЛЬНО в значении ‘аминь’, ПОТЕРЯТЬСЯ в значении ‘блуд’, СЧАСТЛИВЫЙ в значении ‘блаженный’ и т. п.

С другой стороны, одной лексеме русского языка могут соответствовать несколько жестов, отличающихся оттенками значений или контекстами, в которых они употребляются. Например, значение ‘Пасха’ может передаваться жестом ЦЕЛОВАТЬСЯ, который также может означать ‘христосоваться’. Кроме того, существует жест ПАСХА, иконически изображающий традиционное блюдо на этот праздник – пасху. Нами также обнаружено два жеста со значением ‘аллилуйя’: АЛЛИЛУЙЯ₁ и АЛЛИЛУЙЯ₂. В АЛЛИЛУЙЯ₁ руки в молитвенном жесте на уровне груди поднимаются и раскрываются в стороны. В жесте АЛЛИЛУЙЯ₂ руки хлопают на уровне груди, затем сжимаются в кулаки и проворачиваются в запястьях, поднимаясь вверх, где ладони раскрываются. При этом жест АЛЛИЛУЙЯ₁, в отличие от АЛЛИЛУЙЯ₂, употребляется также в значениях ‘хвала’ и ‘восхваление’ (Заварицкий, 2015: 15–16). В разделе 2 мы упоминали о двух жестах со значением ‘колокол’. Первый иконически изображает сам объект, а второй – метонимически, через изображение движения руки звонаря. По свидетельствам информантов, первый жест, скорее, будет использован в контексте, когда речь идет о колоколах или колокольне, которые говорящий видит, второй – когда речь идет о колокольном звоне как сигнале к службе. Как отмечалось в этом же разделе, значение ‘молиться’ передается разными

жестами в зависимости от того, о представителях какой конфессии идет речь. Кроме того, некоторые жесты, обозначающие одно и то же понятие, могут различаться у носителей РЖЯ, принадлежащих к разным конфессиям, как, например, жесты АНГЕЛ₁ и АНГЕЛ₂. Жест АНГЕЛ₁ является более распространенным и общепринятым, тогда как АНГЕЛ₂ чаще всего, по свидетельству наших информантов, используется представителями баптизма.

Заключение

РЖЯ, как и любой естественный человеческий язык, располагает всеми средствами для функционирования в религиозной сфере. Религиозная терминология представлена в нем достаточно полно, в ней отражаются все основные объекты и явления религиозной сферы.

В религиозной лексике РЖЯ очевидно проявляются эффекты визуальной модальности, в которой существуют жестовые языки – иконичность и возможность использования пространства. При этом наблюдается отчетливая тенденция распределения механизмов непосредственного иконического отображения, метонимических и метафорических переносов. Материальные объекты, такие как утварь храмов и т. п., преимущественно описываются при помощи непосредственного иконического отображения. Религиозные обряды, названия конфессий, религиозные праздники, а также некоторые религиозно-мифологические персонажи преимущественно передаются при помощи визуальной метонимии. Жесты, значения которых так или иначе связаны с понятием духовности, преимущественно базируются на визуальной метафоре.

В религиозной лексике РЖЯ достаточно многочисленны заимствования из окружающего русского звукового языка: дактильные слова, лексикализованные дактильные слова, инициализованные жесты и калькирование. Это можно объяснить прежде всего постоянным контактом верующих носителей РЖЯ с русским звуковым языком в виде священных текстов. При этом РЖЯ и русский звуковой язык по-разному членят рассматриваемую семантическую зону. Некоторые явления, для которых в русском языке имеются разные обозначения, в РЖЯ выражаются одним и тем же жестом. С другой стороны, некоторые значения оказываются более дифференцированными в РЖЯ по сравнению с русским звуковым языком.

Литература:

- Аристов К. С.** Сурдоперевод литургии святителя Иоанна Златоуста: выпускная квалификационная работа бакалавра. СПб.: Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2013. 57 с.
- Введение в лингвистику жестовых языков.** Русский жестовый язык / С. И. Буркова, О. А. Варинова, Д. А. Заварицкий, Р. С. Кадыргулова, В. И. Киммельман, М. В. Кюсева, К. В. Приставко, Е. В. Филимонова; ред. С. И. Буркова, В. И. Киммельман. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 356 с.
- Буркова С. И., Филимонова Е. В.** Редупликация в русском жестовом языке // Русский язык в научном освещении, 2014. № 28. С. 202–258.
- Дятлова Е., Заварицкий Д.** Словарь жестового языка: религиозная лексика. Киев: ГЛАС, 2006. URL: <http://surdonika.ru/metodics/video> (дата обращения: 15.07.2023).
- Заварицкий Д. А.** Учебное пособие по сурдопереводу Божественной литургии. СПб.: ГИПП «Искусство России», 2002. 63 с.
- Заварицкий Д. А.** Учебное пособие по сурдопереводу Всенощного Бдения. СПб.: ГИПП «Искусство России», 2003. 87 с.
- Заварицкий Д. А.** Анафора на русском жестовом языке. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2015. 100 с.
- Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. Т. II. М., Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
- Мечковская Н. Б.** Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
- Молоток А. М.** Особенности подбора лексических единиц при переводе текстов богослужений на жестовый язык и возможность предотвращения их богословского искажения // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 140–148.

Рухледев В. Н. Проблемы глухих людей: интервью с президентом Всероссийского общества глухих В. Н. Рухледевым от 30.10.2014. URL: <https://er.ru/interview/2014/10/29/problemy-gluhih-lyudej> (дата обращения: 25.05.2023).

Словарь библейских жестов. СПбБПООИПС «Ковчег», 2016. URL: <https://youtu.be/UlozSLd0wR0?list=PLJE5EgFisRhn7powfoeyB4E1wqsuzTfsF> (дата обращения 06.06.2023).

Словарь русского жестового языка по религиозной и богослужебной тематике. Новосибирский православный центр глухих, слепоглухих и слабослышащих во имя святителя Макария Алтайского, 2012. URL: <https://youtube.com/channel/UC0y8j6zHJyLKtt-uwFqGo9A/videos> (дата обращения: 25.05.2023).

Словарь православной лексики русского жестового языка: проект Всероссийской организации глухих, 2016–2018. URL: <https://voginfo.ru/lexicon/enter.html> (дата обращения: 25.05.2023).

Соколов Н. Н. Вопросы перевода божественной литургии святителя Иоанна Златоуста на русский жестовый язык: учебное пособие. Новосибирск: Свято-Макарьевский Новосибирский православный богословский институт, 2012. 142 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1998. 720 с.

Kimmelman V., Burkova S., Filimonova E. Number in Russian Sign Language. Number in the World's Languages: A Comparative Handbook. Daniel M., Acquaviva P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2022. P. 805–832.

SpreadTheSign: Sign Language Dictionary. URL: <https://www.spreadthesign.com/ru.ru/search/> (дата обращения: 25.05.2023).

Taub S. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 256 p.

Wilcox S., Wilcox P., Jarque M. Mappings in conceptual space: Metonymy, metaphor, and iconicity in two signed languages // Jezikosloviye. 2003. № 4 (1). P. 139–156.

Wilcox P. A Cognitive Key: Metonymic and Metaphorical Mappings in ASL // Cognitive Linguistics. 2004. № 15 (2). P. 197–222.

Буркова Светлана Игоревна.

Старший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации.

Институт языкознания РАН.

Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, Москва, 125009.

Доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент.

Новосибирский государственный технический университет.

Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073.

E-mail: burkova_s@mail.ru

Денисова Елизавета Андреевна, выпускник магистратуры.

Новосибирский государственный технический университет.

Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073.

E-mail: veta5897@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18 сентября 2023 г.

Burkova S. I., Denisova E. A.

RELIGIOUS TERMINOLOGY IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE¹⁷

The article describes the religious vocabulary in Russian Sign Language (RSL). It shows that the effects of visual modality in sign languages, namely iconicity and the use of space, are clearly expressed in RSL religious terms. There is also a clear tendency to distribute the mechanisms of direct iconic representation, visual metonymy, and metaphor to different subgroups of the lexemes studied. Material objects such as priestly vestments and ecclesiastical paraphernalia are primarily described by direct iconic representation. In contrast, religious rituals, denominations, holidays, and some religious and mythological figures are primarily described by visual metonymy, where a sign is based on an iconic representation of one of its visually perceived attributes. The signs whose meaning is in some way related to the concept of spirituality are mainly based on visual metaphor.

The influence of the surrounding Russian spoken language is also clearly felt in the religious vocabulary of the RSL. There are different types of borrowings: fingerspelled lexemes, lexicalized fingerspelled lexemes, initialized signs, and replication. A large number of borrowings can be explained both by the complexity of

¹⁷ The current research was a part of the research within the State Assignment “Kinetic and vocal aspects of communication: parameters of variation” (project No FMNE-2022-0015) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

the meanings expressed and by the constant use of sacred texts written in spoken Russian in this domain. At the same time, the article shows the differences between RSL and spoken Russian in the division of the religious semantic domain. Some terms for which there are several words in spoken Russian, differing in subtle nuances of meaning or contexts of use, are expressed with the same sign in RSL. On the other hand, some meanings in RSL are more differentiated than spoken Russian when a Russian word corresponds to several signs that differ in more subtle nuances of meaning or contexts of use

Keywords: *Russian Sign Language, religious vocabulary, effects of visual modality, iconicity, metonymy, metaphor, borrowings*

References:

- Aristov K. S.** Surdoperevod liturgii svyatitelya Ioanna Zlatousty: Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota bakalavra [Sign language translation of the liturgy of St. John Chrysostom: Bachelor's diploma]. St. Petersburg: St. Petersburg Orthodox Theological Academy, 2013. 57 p.
- Burkova S. I., Kimmelman V. I.** (eds.). Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkii zhestovyi yazyk [Introduction to Sign language Linguistics. Russian Sign Language]. Novosibirsk: NSTU, 2019. 356 p.
- Burkova S. I., Filimonova E. V.** Reduplikatsiya v russkom zhestovom yazyke [Reduplication in Russian Sign Language] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language and Linguistic Theory]. 2014. No. 28. P. 202–258.
- Dyatlova E., Zavaritskii D.** Slovar' zhestovogo yazyka: religioznaya leksika [Dictionary of sign language: religious vocabulary]. Kiev: TRK «GLAS», 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.surdonika.ru/metodics/video> (access: 15.07.2023).
- Zavaritskii D. A.** Uchebnoe posobie po surdoperevodu Bozhestvennoi liturgii [A textbook on sign language translation of the Divine Liturgy]. St. Petersburg: GIPP «Iskusstvo Rossii», 2002. 63 p.
- Zavaritskii D. A.** Uchebnoe posobie po surdoperevodu Vsenoshchnogo Bdeniya [A textbook on sign language translation of the All-Night Vigil]. St. Petersburg: GIPP «Iskusstvo Rossii», 2003. 87 p.
- Zavaritskii D. A.** Anafora na russkom zhestovom yazyke [Anaphora in Russian Sign Language]. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University. 2015. 100 p.
- Mel'chuk I. A.** Kurs obshchei morfologii. T. II [General morphology course. Vol. II]. Moscow, Vienna: Yazyki russkoi kultury; Venskii slavisticheskii al'manakh, 1998. 644 p.
- Mechkovskaya N. B.** Yazyk i religiya: posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov [Language and religion: a manual for students of humanities universities]. Moscow: FAIR, 1998. 352 p.
- Molotok A. M.** Osobennosti podbora leksicheskikh edinit pri perevode tekstov bogoslužhenii na zhestovyi yazyk i vozmozhnost' predotvrashcheniya ikh bogoslovskogo iskazheniya [On the selection of lexical units when translating the texts of divine services into sign language in order to prevent theological distortion] // Khristianskoe chtenie [Christian reading]. 2017. No. 2. P. 140–148.
- Rukhledev V. N.** Problemy glukhikh lyudei: interv'y u s prezidentom Vserossiiskogo obshchestva glukhikh V. N. Rukhledevym ot 30.10.2014 g. [Problems of the Deaf: An interview with the President of the All-Russian Society of the Deaf V. N. Rukhledev dated October 30, 2014]. [Electronic resource]. URL: <https://er.ru/interview/2014/10/29/problemy-gluhih-lyudej> (access: 25.05.2023).
- Slovar' bibleiskikh zhestov** [Dictionary of Biblical Signs]. SPBBPOOIPS «KOVChEG» [Electronic resource] URL: <https://youtu.be/UlozSLd0wR0?list=PLJE5EgFisRhn7powfoeyB4E1wqsuzTfsF> (access: 06.06.2023).
- Slovar' russkogo zhestovogo yazyka** po religioznoi i bogoslužhebnoi tematike [Dictionary of Russian Sign Language on religious and liturgical topics]. Novosibirskii pravoslavnyi tsentr glukhikh, slepoglukhikh i slaboslyshashchikh vo imya svyatitelya Makariya Altaiskogo [Novosibirsk Orthodox Center for the Deaf, Deaf-Blind and Hard of Hearing in the name of St. Macarius of Altai] [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC0y8j6zHJyLKt-uwFqGo9A/videos> (access: 25.05.2023).
- Slovar' pravoslavnoi leksiki russkogo zhestovogo yazyka:** Proekt Vserossiiskoi organizatsii glukhikh, 2016–2018 [Dictionary of the Orthodox vocabulary of Russian Sign Language: Project of the All-Russian Organization of the Deaf, 2016–2018]. [Electronic resource]. URL: <https://voginfo.ru/lexicon/enter.html>. (date of access: 25.05.2023)
- Sokolov N. N.** Voprosy perevoda bozhestvennoi liturgii svyatitelya Ioanna Zlatousty na russkii zhestovyi yazyk: uchebnoe posobie [Issues of translation of the Divine Liturgy of St. John Chrysostom into Russian Sign Language: A textbook]. Novosibirsk: St. Makaryevsky Novosibirsk Orthodox Theological Institute, 2012. 142 p.
- Shvedova N. Yu.** (ed.), Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistemativirovannyi po klassam slov i znachenii [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 1998. 720 p.

Kimmelman V., Burkova S., Filimonova E. Number in Russian Sign Language. Number in the World's Languages: A Comparative Handbook. Daniel M., Acquaviva P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2022. P. 805–832.

SpreadTheSign: Sign Language Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.spreadthesign.com/ru.ru/search/> (access: 25.05.2023).

Taub S. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 256 p.

Wilcox S., Wilcox P., Jarque M. Mappings in conceptual space: Metonymy, metaphor, and iconicity in two signed languages // Jezikosloviye. 2003. No. 4(1). P. 139–156.

Wilcox P. A Cognitive Key: Metonymic and Metaphorical Mappings in ASL // Cognitive Linguistics. 2004. No. 15(2). P. 197–222.

Burkova Svetlana Igorevna.

Senior Researcher at the Laboratory of Multichannel Communication.

Institute of Linguistics RAS.

Bolshoy Kislovsky lane 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

Associate Professor at the Department of Foreign Languages, PhD, Associate Professor.

Novosibirsk State Technical University.

K. Marx ave., 20, Novosibirsk, Russia, 630073.

E-mail: burkova_s@mail.ru

Denisova Elizaveta Andreevna.

Master's Graduate.

Novosibirsk State Technical University.

K. Marx ave., 20, Novosibirsk, Russia, 630073.

E-mail: veta5897@yandex.ru

Н. В. Кондратьева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ СРАВНЕНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ С ДЕНДРОНИМАМИ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Настоящая работа посвящена выявлению особенностей репрезентации признаков сравнения, характеризующих дендронимы, в структуре компаративных тропов современного удмуртского языка. На основе анализа лингвистических материалов, представленных в электронных корпусах удмуртского языка, были установлены семантические значения стереотипных признаков сравнения, содержащих в своей структуре компонент «название деревьев», а также выявлены устойчивые смысловые контексты дендронимов в указанном языке. Как показали результаты исследования, максимальным набором семантических значений обладают лексемы *бадяр* ‘клен’ и *тыты* ‘дуб’; большинство же названий деревьев используются для выражения единичных смысловых коннотаций. С точки зрения семантических характеристик компаративных тропов с дендронимами нами были выявлены следующие группы признаков сравнений, формирующих значительный фрагмент языковой и концептуальной картины мира носителя удмуртского языка:

а) представления о внешности, строении тела, росте и здоровье, физических характеристиках человека: *Тазалыкез тыты кадь юн*. ‘Его здоровье крепкое как дуб’; *Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризылы укшаны ёдъяз*. ‘Его тело, напоминавшее зеленый клен, стало похоже на раскидистую липу’ и др.;

б) представления о человеке как представителе общества, носителя социальных функций: *Мар со лыктэм нълмурт бордад сирпу кадь лякиське?* ‘букв. Почему эта приезжая девушка пристала к тебе как вяз (в знач. *назойлива*)?’ и др.;

в) на основе анализа собранного материала было выявлено, что компаративные конструкции с дендронимами очень редко используются для репрезентации представления о характере и моральных качествах человека: *Зэмос улон, кудзэ лэсьтйськом асьмеос, кытын уло пичиос но пересьес, кызыпу кадь чеберьес но ньылпу кадь зукыртысьес*. ‘Настоящая жизнь, которую мы сами строим; в которой живут дети и старики, как березы красивые и словно пихты брызжащие’. Между тем другие группы фитонимов гораздо шире представлены в компаративных конструкциях: *Сямыз зег нянь но тйни*. ‘Букв. По характеру он ржаной хлеб (в знач. *добрый*)’; *Небзэм губи тон, Аркаш. Ас кышнотэ но кияд кутэмед уг луы*. ‘Ты как сгнивший гриб, Аркадий (в знач. с мягким характером). Даже свою жену не можешь держать в руках’ и др.

На основе анализа признаков сравнения компаративных тропов, содержащих в своей структуре названия деревьев, можно сделать вывод о том, что данная группа лексических единиц имеет важный аксиологический статус, отражает многовековой жизненный опыт человека, его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы.

Ключевые слова: удмуртский язык, компаративные тропы, дендронимы, фитонимы, признаки сравнения

Введение

В условиях антропоцентричной парадигмы развития современного языкознания понятийная сфера «мир растений», в том числе и в рамках изучения метафорических и компаративных конструкций, становится объектом исследовательского внимания многих лингвистов, так как метафоры и сравнения, содержащие в своей структуре фитонимическую лексику, формируют символические значения, участвуют в выражении внешних и внутренних характеристик человека. Более того, как подчеркивает Э. Ф. Гафиятова, анализ фитонимической лексики в конкретных языках раскрывает особенности «познания номинативной деятельности человека, ее речемыслительных оснований» (Гафиятова, 2010: 231).

Несмотря на наличие целого ряда трудов, посвященных анализу лексических единиц понятийной сферы «мир растений» в традициях индоевропейского и тюркского языкознания, в финно-угорской лингвистике изучение фитонимической лексики активизировалось лишь в последние десятилетия. Так, проведены наблюдения (хотя и в разной степени) с точки зрения этимологических, словообразовательных и синтаксических моделей образования фитонимов

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

в прибалтийско-финских (И. В. Бродский (2007), Ю. Э. Коппалева (2007) и др.), волжских (А. С. Ефремов (1986), О. Е. Поляков, Н. В. Леткина (2021) и др.), пермских (А. Н. Ракин (1977, 1985), Т. Н. Меркушева (2007), А. С. Лобанова (2017), И. И. Русинов (2022) и др.), обско-угорских (Т. Н. Дмитриева (2019) и др.) языках. Более подробное описание истории изучения фитонимов в финно-угорских языках представлено в статье О. Г. Рубцовой (Рубцова, 2003: 79–83).

Что касается удмуртского языкознания, в нем присутствуют отдельные статьи, посвященные исследованию компонентного состава фитонимической лексики (М. Р. Насибуллина (2015; 2015)); анализу фитонимов как прецедентных текстов (Т. Р. Душенкова (2022)); выявлению культурологических аспектов фитонимических метафор (Т. Р. Душенкова (2021)) и др. Однако прагматические аспекты функционирования фитонимической лексики в структуре компаративных конструкций до сих пор не являлись предметом специальных научных изысканий. Учитывая вышесказанное, данная статья станет первой в цикле исследований, посвященных изучению особенностей реализации признаков сравнений в компаративных конструкциях удмуртского языка. Его основная цель заключается в выявлении и описании семантического потенциала дендронимической лексики в структуре компаративных конструкций современного удмуртского языка. При этом под сравнительной конструкцией понимаем конструкции, с помощью которых некоторый предмет, признак или ситуация Р (*объект сравнения* – то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (*стандарт сравнения* – то, с чем сравнивается). Критерием сопоставления является некоторый признак Z (*признак сравнения* – то, по чему сравнивается), принимающий значение V (*значение признака сравнения*) (Князев, 2007).

Выбор объекта исследования продиктован прежде всего важным значением культа дерева как в повседневной жизни финно-угорских народов, так и в обрядовых действиях. Как отмечает Н. И. Шутова, дерево являлось одним из маркеров сакрального центра на дохристианских святилищах удмуртов: «произрастающие на дохристианских святилищах деревья: ель, сосна, береза, дуб, клен, ольха, орешник – служили одним из главных маркеров сакрального центра родовой или территориальной группы удмуртов, символом мирового дерева» (Шутова, 2011: 64). Почитались и отдельно стоящие в поле деревья, наделяемые сверхъестественными магическими свойствами. По утверждению удмуртских исследователей Т. Г. Владыкиной и Л. Е. Кирилловой, дерево в контексте обрядов удмуртского народа символизировало природную лестницу как один из способов вознесения жертвы богам; оно обозначало границу «чужого» и «своего» пространства: здесь «встречали» (поезжан рода жениха) или «расставались» (с рекрутом). В рекрутских обрядах явны мифологические представления о дереве как заместителе души (Владыкина, Кирилова, 2017). Имеются «свои» деревья и удмуртского пантеона богов: «Инмару молились под сосной, Кылдысину – под березой, Куазю – под елью (Владыкин, 1994: 111).

Далее рассмотрим особенности лингвистической реализации компаративных тропов, содержащих в своей структуре дендронимическую лексику.

Материал и методы

При написании данной статьи основным источником исследования стал эмпирический материал, собранный методом сплошной выборки из языковой базы данных системы Lingvodoc 3.0, разработанной Институтом языкознания РАН, Институтом системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (рук. докт. филол. наук Ю. В. Норманская (<http://lingvodoc.ispras.ru>)), из Корпуса удмуртского языка (рук. Т. Архангельский (<http://udmurt.web-corpora.net>)), а также Национального корпуса удмуртского языка (рук. канд. филол. наук М. П. Безенова (<https://udmcorpus.udman.ru/home>)). В указанных корпусах удмуртский язык представлен материалами ранних письменных памятников, в том числе рукописных; диалектных материалов, произведений художественной литературы, текстов СМИ, социальных сетей.

Для решения поставленной научной задачи методом сплошной выборки нами были выбраны случаи употребления компаративных конструкций, содержащих в своей структуре названия деревьев и маркер *кадь* 'как'. Далее на основе контекстуально-ситуативного анализа определялись семантические возможности каждого словоупотребления. Для изложения результатов исследования использовался описательный метод.

Репрезентация дендронимической лексики в структуре сравнительных конструкций современного удмуртского языка

Территория современной Удмуртии расположена в лесной зоне, где северная часть относится к подзоне южной тайги, а южная – к подзоне широколиственных лесов. В таежной зоне произрастают ель, пихта; в подлеске – рябина, черемуха. Встречаются искусственные насаждения сибирского кедра. В подзоне широколиственных лесов распространены пихта, липа, клен, вяз, сосна, лиственница. В подлеске преобладают черемуха, рябина. На вырубках распространены дуб; часто встречаются осиновые и березовые леса; представлены ива, ольха и тополь. Как показывают результаты исследования, каждый из указанных видов деревьев в той или иной степени присутствует в структуре компаративных конструкций удмуртского языка. Важно подчеркнуть, что в рамках данной статьи в качестве объекта сравнения были отобраны лишь ситуации, наделенные антропоморфными характеристиками. Рассмотрим каждую лексему исследуемой группы слов подробнее.

Бадяр 'клен'

Традиционно основаниями для образных ассоциаций «клен – антропоним» является комплекс признаков: 'звук', 'поведение', 'состояние', 'возраст', 'форма', 'функция', 'цвет', мотивированных свойствами самого референта: яркое изменение цветовой палитры листьев деревьев осенью, красивый рисунок кленового листа, густота лиственного покрова и др. (см. об этом подробнее: (Соколова, 2020: 304–308)).

Как подчеркивают удмуртские исследователи Т. Г. Владыкина и Л. Е. Кириллова, в фольклорных традициях образ клена чаще всего выступает как символ молодости: *вож бадяр* 'зеленый клен', тогда как белые цветы черемухи сравниваются с поседевшей головой (Владыкина, Кириллова, 2017: 240). Ср. слова из народной песни: *Вож бадяр, ой, кадь ик, / Вож мугоры ой-а вал?* 'Словно зеленый клен / Не был ли мой стан?'

В современном удмуртском языке, как показывают примеры из электронных корпусов удмуртского языка, *бадяр* 'клен' присутствует в структуре компаративных конструкций, реализуя следующие признаки сравнения:

а) стройный стан: *Мугоры векчи бадяр кадь / Шонскылоз төлъя* (НКУЯ). 'Мое тело, как ствол тонкого клена, / будет качаться на ветру'; *Мынам нылъесы миськем сяртчы кадесъ, вож бадяр кадь весъкресъсь* (НКУЯ) 'Мои дочери красавицы (букв. как мытая репа), стройны как зеленый клен'; *Гранялэн чеберез – инкуазьлэн кузьымес: зарытмыт вож бадъymesь синъёсыз, вож бадяр кадь весъкрес мугорыз, лемлет намер кадь ымдуръесыз* (НКУЯ). 'Красота Грани – природная красота (букв. подарок природы): большие зеленоватые глаза, стройное как у клена тело, губы как костяника';

б) молодость: *Вож бадяр кадь мугорыз / Кӧс кыз кадь солэн куасьме* (НКУЯ). 'Его (молодое) тело как зеленый клен / сохнет словно сухая ель';

в) статный вид: *Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризьлы укишаны өдъяз* (КУЯ). 'Его тело, напомиравшее зеленый клен, стало похоже на раскидистую липу';

г) твердость духа, материальное благополучие: *Юн сыло музьем вылын та кык вынъес, бадяр кадь юн. Соос котыре огазаясько сыче ик юн мылкыдо адямиос* (НКУЯ). 'Твердо, как клен, стоят на ногах два брата. Их окружают такие же люди со стойким характером'.

Бадьпу 'ива'

Характерными особенностями ивы являются прозрачная и сквозистая крона, тонкие и гибкие побеги. Именно эти характеристики лежат в основе репрезентации образов сравнения в современном удмуртском языке:

а) гибкость тела: *Шур дуртй юмшась векчи бадьпу кадь, / Чеберен куасалляське кускыд* (НКУЯ). 'букв. Словно у прогуливающейся вдоль реки ивы, / грациозна и гибка твоя талия'; *Сылоз со эшъесыз азын, ѓжытак йырзэ мыкыртыса, пинал кызьпу кадь веськрес, возж бадьпу кадь лэйкыт* (НКУЯ). 'Стоит она перед друзьями, наклонив голову: словно молодая березка стройна и как зеленая ива, плавно покачиваясь';

б) стройный стан: *Мугорыз бадь кадь веськрес, / Адъыса вешам потэ* (НКУЯ). 'У нее стройная как у ивы фигура; как увидишь – так и хочется погладить'; *Нош ачиз со сыче мусо но векчи, бадьпу кадь* (КУЯ). 'А сама она такая милая и стройная, как ива'; *Валлян гинэ зарядкаен вырын кутски вал но, туннэ ик бадьпу кадь веськрес луиськем* (LD). 'Только вчера начала заниматься зарядкой, а сегодня уже стала стройной как ива'.

Беризь 'липа'

Во многих языках липа имеет важное символическое значение. Как отмечает Т. А. Агапкина, в славянской культуре «образ липы складывается как бы из двух составляющих: с одной стороны, липа – священное и доброжелательное по отношению к человеку дерево, с другой – слабое и мягкое, а потому также относительно безопасное для человека» (Агапкина, 2018: 369).

Между тем, как показали результаты анализа электронного корпуса удмуртского языка, в современных текстах не актуализируются специфические видовые характеристики липы, а подчеркиваются традиционные признаки сравнения:

а) одиночество: *Одйгназ мѓзме беризь. / Со беризь кадь мон огнам, Малпанэ нош тон сярись* (КУЯ). 'В одиночку грустит липа. И я как та липа один. Но все мысли только о тебе'; *Нокинэз но ѓвѓл ни дораз, / Пал беризь кадь, со шал-шал огназ* (НКУЯ). 'Никого не осталось дома, словно одинокая липа она осталась одна';

б) стройный стан: *Тон веськрес беризь кадь* (НКУЯ). 'Ты словно стройная липа'; *Азяз ныл сылэ: синъесыз – кык кизилиос, йырсиосыз шунды сиос выллем кисьтаське, мугорыз пинал беризь кадь веськрес* (НКУЯ). 'Перед ним стоит девушка: глаза – две звезды, волосы переливаются словно солнечные лучи, тело стройное, как у молодой липы'.

Кыз 'ель'

Одним из видовых особенностей ели является ее высота. В Удмуртии высота ели может достигать 25–30 метров. Эта характеристика является одним из самых распространенных признаков сравнения исследуемого дендронима в компаративных конструкциях:

а) высокий рост: *Кыз кадь жсужыт то таза сйльвиоро, йырсиез съѓд кисьтаське – геры улысь муос кадь* (НКУЯ). 'букв. Он словно ель – высокого роста и крепкого телосложения, темные волосы напоминают цвет земли из-под плуга'; Ср. также: *Нош Великий Устюгысь Тол бубаез адъи но абдрай – мугорыз кыз жсужда* (КУЯ). 'Когда увидела Деда Мороза из Великого Устюга, удивилась – ростом с ель'.

Кроме того, актуальными являются такие признаки сравнения, как:

б) сухощавое телосложение: *Мынам кѓс кыз кадь кылемэ уг поты...* 'Мне не хочется стать таким, как сухая ель'; *Тон жалъ потйськод: учкы ай, солэн кыл улаз кѓс кыз кадь куасьмид ук ни* (НКУЯ). 'Мне жалко тебя, из-за ее постоянных укоров ты уже стал как сухая ель'; *Онсимлэн мугорыз кѓс кыз кадь* (КУЯ). 'Онсим сухощавого телосложения (букв. его тело как сухая ель)';

в) одиночество: *Кылиз со табере, аслаз верамезъя, Куштос лёг йылысь огназ сылйсь начар кыз кадь* (НКУЯ). 'Осталась она одна, как сама говорит, как одинокая тонкая ель на холме Куштос'.

Кызыпу ‘береза’

Образ березы является одним из самых распространенных в фольклорных песенных традициях удмуртского народа. Как отмечает фольклорист Т. Г. Владыкина, береза выступала как «медиатор природных сфер и/или как символ женского начала. Прослеживается связь образа богини-прародительницы с образами невесты-дерева/невесты-березы, невесты-зверя, невесты-птицы» (Владыкина, 2012: 96).

Женское начало преобладает и в признаках сравнения, реализуемых в компаративных конструкциях:

а) красота: *Со зэмос улон, кудзэ лэсьтйськом асьмеос, кытын уло пичиос но пересьес, кызыпу кадь чеберъёс но ньылпу кадь зыкыртысьёс* (НКУЯ). ‘Это настоящая жизнь, которую мы сами строим; в которой живут дети и старики, как березы красивые и словно пихты брызжащие’;

б) стройный стан: *Петялэн верамезъя, ачиз Оля юсь кадь чебер, кызыпу кадь веськрес* (НКУЯ). ‘Как говорит Петя, Оля красива как лебедь, стройна как береза’; *Кызыпу кадь веськрес мон, сыче мадемуазель мон* (НКУЯ). ‘Я стройна как береза, я такая мадемуазель’; *Тодьы кызыпу кадь веськрес мугоро, / Мусояськись, яратоно Сулей нылыз* (КУЯ). ‘Словно белая береза стройна его ласковая и любимая дочь Сулей’.

Лулпу ‘ольха’

Образ ольхи, как показывают собранные примеры, чаще наделяется отрицательными характеристиками, среди которых доминирует коннотация болезни: *Син куспын емыраз аядми, шуяз, кӧс лулпу кадь куасьмиз* (НКУЯ). ‘букв. На глазах человек состарился, усох, словно сухая ольха’; *Куддыръя киоссэ шона, лулпу кадь чужектэм азь чиньызэ вылэ жсутэ* (НКУЯ). ‘букв. Иногда размахивает руками, поднимает указательный палец, напоминающий пожелтевшую осину’.

Льӧмпу ‘черемуха’

В традиционном понимании черемуха олицетворяет молодость, девичью красоту; является символом нежности, чистоты, любви. Подобные аллюзии встречаются и в текстах удмуртских народных песен: *Та коркалэн, ой, шулдырез / Ӗтем куно вань дыръя. / Адӗм потэм, ой, муртъёсы / Тодьы льӧмпу сяська кадь. / Яратымтэ, ой, муртъёсы / Ву дур лулпу гуры кадь*. ‘Теплота этого дома / в званых гостях. / Званые гости / как цветы белой черемухи. / Незваные гости / словно ольховые сережки’. Однако, как отмечает Т. Г. Владыкина, в удмуртской традиционной культуре белые цветы черемухи чаще сравниваются с поседевшей головой в отличие от образа *вож бадяр* ‘зеленый клен’ (Владыкина, Кириллова, 2017: 240).

Возможно, именно эта архаичная коннотация препятствует возникновению широкого спектра признаков сравнения в компаративных конструкциях с исследуемым дендронимом, ограничиваясь обобщающим значением ‘светлая душа’: *Кыче аядми вал, сяськась льӧмпу кадь, югыт пиштэ, югыт сётэ вал* (НКУЯ). ‘Каким он был человеком! Как цветущая черемуха делился своим светом’. *Сяськаӗ льӧмпу кадь чылкыт вал со, эке, войнае бырыз* (НКУЯ). ‘Она была светлой как цветущая черемуха; жаль, погибла на войне’.

Ньылпу ‘пихта’

Признаков сравнения компаративных конструкций, содержащих компонент *ньылпу* ‘пихта’, в целом немного. Все они так или иначе связаны с особенностями использования данного вида древесины в хозяйстве. Как известно, дрова из пихты за счет смол и масел в составе древесины очень искрят и дымят. Кроме того, они довольно пожароопасны. Эти характеристики актуализируются и в представленных компаративных конструкциях:

а) вспыльчивый характер: *Соку Лена дуринчи кадь турзе, кӧс ньылпу кадь гомзе* (НКУЯ). ‘В этом случае Лена заводилась как оса, вспыхивала как сухая пихта’; *Та рад Галя ӧз чида ни – картэз ужысь вуиз но горд ньылпу кадь тйчырак кенжиз* (НКУЯ). ‘букв. В этот раз Галя уже не вытерпела: как только муж вернулся с работы – вспыхнула как красная пихта’;

б) брюзжание: *Зэмос улон, кудзэ лэсьтійськом асьмеос, кытын уло пичиос но пересъес, кызьпу кадь чеберъёс но ньылпу кадь зукыртійсьёс* (НКУЯ). ‘Настоящая жизнь, которую мы сами строим; в которой живут дети и старики, как березы красивые и словно пихты брюзжащие’.

Палэзьпу ‘рябина’

Рябина считалась особым деревом в удмуртской культуре. Как отмечают Т. Г. Владыкина и И. М. Нуриева, «в народной традиции она была наделена магическими свойствами, использовали как оберег от сглаза, воздействия колдуна: веточку рябины в виде рогатки прикрепляли к шерсти животных, одежде; перед предполагаемым колдуном клали рябиновую ложку, веря, что он не может использовать ее для еды. Рябиновую палку/рябиновый крест помещали над дверьми. После смерти колдуна, во избежание превращения его в вампира-мертвеца/*кулэм убир*, в могилу вбивали рябиновый кол» (Владыкина, Нуриева, 2023).

Несмотря на наличие широкого спектра функциональной нагрузки данного дерева в культуре удмуртского народа, как свидетельствуют собранные материалы, в электронных корпусах представлены лишь традиционные признаки сравнения:

а) стройный стан: *Батыр тыны кадь вал Юрае, нош мон векчи палэзьпу* (КУЯ). ‘Словно крепкий дуб был мой Юра, а я – как тонкая рябина’;

б) гибкость и стройность: *Палэзьпу кадь някыръяськись но веськрес мугоро* (НКУЯ). ‘У нее гибкий и стройный стан’.

Пипу ‘осина’

Как отмечает Н. И. Шутова, осина в традиционной культуре удмуртов наделалась отрицательной энергетикой. Не разрешалось высаживать осину и вблизи дома. Считалось, «мол, страдать будешь, так же, как осина шелестит листьями» (Шутова, 2011: 62), осина рассматривалась как символ «горести, плача, страдания» (Шутова, 2011: 62). Аналогичные характеристики отражаются и в признаках сравнения компаративных конструкций, содержащих в своей структуре исследуемый дендроним: *Оло, пипу кадь ик, / шильтыр-шильтыр лабыртійсько* (НКУЯ). ‘Может, как осина, я брэнча тараторю’. Однако встречается также пример, в котором актуализируется признак стройности: *Мугорыз Надилэн чем сикысь пипу кадь веськыт. Бамъёсыз вольытэсь, чыж-чыж жэуало* (НКУЯ). ‘Фигура у Нади словно осина в густом лесу. Щеки гладкие, алые’.

Пужым ‘сосна’

Сосна отличается хорошей выживаемостью, она вечнозелена. Поэтому во многих культурах символизирует вечную жизнь.

В удмуртских компаративных конструкциях признаками сравнения становятся следующие характеристики:

а) крепкое телосложение: *Азьло кичи-куачи мугоро чиед пияш асьме палась веськрес пужым кадь* луэм, *пельпумъёс паськытэсь, ымныр питрес...* (НКУЯ). ‘Прежний мальчик с мальчишеским телом превратился в крепкого мужчину с широкими плечами, круглым лицом’; *Лукерья апайлэн кузпалыз, – тракторист, юр пужым кадь юн воргорон* (НКУЯ). ‘Муж Лукерья – тракторист, мужчина крепкого телосложения, напоминает смолистую сосну’;

б) стройное телосложение: *Ватка батырлэн вёзас-бордаз сьлйсь / Тыны кадь ик юн но пужым кадь веськрес / Мугоро пиосызлэн-быркытёсызлэн* (НКУЯ). ‘Рядом с богатырем Ватка стояли сыновья крепкого как дуб и стройного как сосна телосложения’.

Сирпу ‘вяз’

Главной особенностью вяза является его способность выделять липкий сок. Этот сок имеет приятный аромат и служит защитой от насекомых. Именно эта характеристика лежит в основе большинства компаративных конструкций:

а) назойливость: *Мар со лыктэм нълмурт бордад сирну кадь лякиське?* (НКУЯ). ‘Почему эта приезжая девушка пристала к тебе как вяз (в знач. назойлива)?’;

б) кроме того, имеются примеры, в которых актуализируется нескладный внешний вид человека: *Мастерзы, Миша Каров, копак позырес сирну кадь* (КУЯ). ‘Их мастер, Миша Каров, напоминает свилеватый вяз’.

Тополь ‘тополь’

В современном удмуртском языке компаративные конструкции с лексемой тополь представлены в единичных примерах. Их основная характеристика, ставшая основой для признака сравнения, – это одиночество: *Аслыз ачиз Яша вож жэужась тополь кадь потйз. Со но кышкыт сьлтёл бере аслаз азбараз огназ кылиз* (НКУЯ). ‘Яша почувствовал себя молодым зеленым тополем. Он тоже после страшного урагана остался один во дворе’.

Интересно заметить, что в качестве эпитетов могут присутствовать и другие характеристики данного дерева: *жэужутэсь топольёс* ‘высокие тополя’, *пересь топольёс* ‘старые тополя’, *вашкала топольёс* ‘древние тополя’, *вольыт тополь* ‘тополь с гладким стволом’, *бадзьым тополь* ‘большой тополь’ и др. Однако данные признаки не зафиксированы как признаки сравнения.

Тыны ‘дуб’

Практически во всех культурах дуб является символом надежности и силы, не случайно именно эти характеристики легли в основу удмуртских компаративных конструкций с исследуемым компонентом-дендронимом:

а) сила: *Кузёез но жэужыт, баблес йырсиё, тыны кадь юн кужмо* (НКУЯ). ‘Хозяин высок, с кудрявыми волосами, сильный как дуб’; *Тыны кадь – выжыеныз кужмо, батыр* (НКУЯ). ‘Он как дуб – силен корнями, богатырь’; *Ошмес муген лёгоз сюрес. / Тыны кадь чидалоз тёллы* (НКУЯ). ‘Словно родник он проторит дорогу. Как дуб сможет противостоять ветру’;

б) крепкий, надежный: *Нокыёе курданэз, кышканэз тодйсьтэм, / Возьдаськонэз кылылымтэ, тыны кадь юнэсь, / Пужым кадь веськресэсь, кион кадь лекесь, / Гондыр кадь кужмоесь адымиос* (НКУЯ). ‘Не знавшие никакого страха, не выдавшие скромности, крепкие как дуб, / стройные как сосны, лютые как волки, / сильные как медведь’;

в) дуб отличается от многих деревьев и своей статью: *Тыны кадь кужмо, визьмо, йёно* (НКУЯ). ‘Он как дуб сильный, умный, видный’; *Тыны кадь таза ук тон, шуисько* (НКУЯ). ‘Говорю, мол, ты как дуб статный’;

г) интересно также отметить, что в электронных корпусах анализируемого языка представлены примеры, в которых подчеркивается стройный стан как основа для сравнения: *Идна сйльвино ке но, / Тыны кадь веськрес ке но, (...) / Кёберан сое кутйз* (НКУЯ). ‘Хотя Идна и мускулист, стройного (в знач. отсутствие лишнего веса) телосложения, страх одолел его’.

Уйпу ‘ветла’

Ветла представляет собой дерево, отличительными особенностями которого является наличие ширококруглой кроны, красиво свисающих ветвей, темно-серой коры и мощного ствола. Однако, как показали результаты анализа электронного корпуса текстов удмуртского языка, в основе признака сравнения данной группы компаративных сравнений, как и большинства других, лежит признак стройности: *Но мон сыёе уйпу кадь веськрес өвёл* (НКУЯ). ‘Но я не так стройна, как ветла’.

Заключение

На основе анализа лингвистических материалов, представленных в электронных корпусах удмуртского языка, были установлены семантические значения стереотипных признаков сравнения, содержащих в своей структуре компонент «название дерева», а также выявлены устойчивые смысловые коннотации дендронимов.

Как показали результаты исследования, максимальным спектром семантических значений обладают лексемы *бадыр* ‘клен’ и *тыны* ‘дуб’; большинство же названий деревьев используется для выражения единичных смысловых значений. Важно отметить, что обобщающим признаком сравнения для целой группы дендронимов – *бадыр* ‘клен’, *бадьпу* ‘ива’, *беризь* ‘липа’, *кызьпу* ‘береза’, *палэзь* ‘рябина’, *пипу* ‘осина’, *пужым* ‘сосна’, *уйпу* ‘ветла’ – является признак стройности. Данная характеристика не является актуальной для компаративных конструкций, содержащих в структуре названия таких деревьев, как: *кыз* ‘ель’, *лулпу* ‘ольха’, *нылпу* ‘пихта’, *сирпу* ‘вяз’, *тыны* ‘дуб’, *тополь* ‘тополь’. Выбор основания для признаков сравнения здесь зависит от характерных особенностей древесного вида.

С точки зрения семантических характеристик компаративных тропов с дендронимами нами были выявлены следующие группы признаков сравнений, формирующих значительный фрагмент языковой и концептуальной картины мира носителя удмуртского языка:

а) представления о внешности, строении тела, росте и здоровье, физических характеристиках человека: *Тазалыкез тыны кадь юн*. ‘Его здоровье крепкое как дуб’; *Вож бадыр кадь мугорыз лабрес беризьлы укшаны өдъяз*. ‘Его тело, напоминавшее зеленый клен, стало похоже на раскидистую липу’ и др.;

б) представления о человеке как представителе общества, носителя социальных функций: *Мар со лыктэм нылмурт бордад сирпу кадь лякиське?* ‘Почему эта приезжая девушка пристала к тебе как вяз (в знач. назойлива)?’ и др.;

в) на основе анализа собранного материала было выявлено, что компаративные конструкции с дендронимами очень редко используются для репрезентации представления о характере и моральных качествах человека. Между тем другие группы фитонимов могут быть представлены в указанном значении: *Сямыз жег нянь но тйни*. ‘Букв. По характеру он ржаной хлеб (в знач. добрый)’; *Небъэм губи тон, Аркаш. Ас кышнодэ но кияд кутэмед уг луы*. ‘Ты как сгнивший гриб, Аркадий (в знач. с мягким характером). Даже свою жену не можешь держать в руках’ и др.

На основе анализа признаков сравнения компаративных тропов, содержащих в своей структуре названия деревьев, можно сделать вывод о том, что данная группа лексических единиц имеет важный аксиологический статус, отражает многовековой жизненный опыт человека, его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы. В компаративных тропах закрепляется дифференциальное восприятие, а также оценка сфер человеческой жизни и художественно-образное суждение народа.

Источники:

КУЯ – Корпус удмуртского языка // Udmurt corpus – Corpus search page (web-corpora.net) (дата обращения: 15.08.2023)

НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка // Основной корпус (udman.ru) (дата обращения: 15.08.2023)

LD – Lingvodoc3.0 URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/>

Литература:

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: липа // Славянский альманах, 2018. С. 357–372.

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука, 2007. 210 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкина Т. Г. Символика березы в свадебной обрядности удмуртов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (1). С. 96–98.

Владыкина Т. Г., Кириллова Л. Е. «Именные деревья» (нимтуло писпу) в микропонимии удмуртов // Научный диалог. 2017. № 11. С. 232–246.

Владыкина Т. Г., Нуриева И. М. Палэзьпу – рябина // Тангыра: энциклопедия удмуртской культуры. 2023. URL: <http://www.tangyra.ru/etno/info/palezpu.html> (дата обращения: 15.08.2023).

- Гафиятова Э. В.** Фитонимическая картина мира (на материале татарского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 4. С. 230–240.
- Душенкова Т. Р.** Культурологический аспект «ягодных» метафор и сравнений в удмуртском языке // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 2 (11). С. 74–82.
- Душенкова Т. Р.** Прецедентные имена-фитонимы: от диалектных слов до символов Удмуртии // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 4 (51). С. 632–640.
- Дмитриева Т. Н.** Мансийские фитонимы в полевых материалах топонимической экспедиции Уральского университета (номинация по месту произрастания растения) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. С. 185–192.
- Ефремов А. С.** Структурно-семантический анализ марийских названий растений // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1986. С. 33–45.
- Князев Ю. П.** Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки русской культуры, 2007. 213 с.
- Коппалева Ю. Э.** Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 287 с.
- Лобанова А. С.** О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан «снуть», пистик «хвощ полевой», горадузь «купальница» // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат. V Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–249.
- Меркушева Т. Н.** Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.
- Насибуллина М. Р.** Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 3. С. 37–59.
- Насибуллина М. Р.** Зоонимические компоненты в системе названий растений удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25, № 5. С. 66–70.
- Поляков О. Е., Леткина Н. В.** Дендронимическая лексика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: происхождение, структура и функционирование // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 313–318.
- Ракин А. Н.** Лексика флоры коми языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1977. 19 с.
- Ракин А. Н.** Лексика низшей флоры пермских языков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. 26 с.
- Рубцова О. Г.** Из истории изучения фитонимов в финно-угорском языкознании // Вестник Марийского государственного университета. 2013. № 12. С. 79–83.
- Русинова И. И., Лобанова А. С., Федосеева Е. Л.** Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 578–591.
- Соколова М. Г.** Антропонимы как образы сравнения тропов с компонентом «клен» в русской поэзии 20–50-х гг. XX в. // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30), Т. 9. С. 304–308.
- Шутова Н. И.** Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56–71.

Кондратьева Наталья Владимировна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004.

Ведущий научный сотрудник.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.

Ул. Александра Солженицына, 25, Москва, 109004.

E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2023 г.

N. V. Kondratieva

IMPLEMENTATION OF COMPARATIVE FEATURES IN COMPARATIVE TROPES WITH DENDRONYMS IN MODERN UDMURT²

This paper deals with the identification of the comparative features used for dendronyms in the structure of comparative tropes in modern Udmurt. Based on the analysis of linguistic material from the electronic corpus of

² The work was supported by the RNF grant № 20-18-00403 «Digital description of Uralic Languages Based on Big Data».

the Udmurt language, the semantic meanings of stereotypical comparative images containing the “names of trees” were outlined, and stable semantic connotations of dendronyms were revealed.

According to the study’s results, the lexeme *badyar* ‘maple’ has the broadest semantic meanings; overall, most tree names express single semantic connotations. When considering the semantic features of comparative tropes with dendronyms, the following groups of comparative features were found to form a significant part of the linguistic and conceptual picture of the world of the native Udmurt speaker:

(a) Ideas about a person’s appearance, physique, growth and development, health, physical features: Тазалыкез тыпы кадь юн «His health is as strong as an oak tree»; Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризылы укшаны одъяз «His body, which resembled a green maple, became like a spreading linden tree»;

b) Ideas about a person as a representative of society, as a bearer of social functions: Мар со лыктэм нълмурт бордад сирпу кадь лякиське? «Why does this guest girl stick to you like an elm tree?»;

c) According to the analysis of the collected material, comparative constructions with dendronyms are rarely used to represent the idea of a person’s character and moral qualities. At the same time, other groups of phytonyms are much more common in this group of comparative constructions: Сямыз жег нянь но тйни. Literal translation: «By nature, it is rye bread (type)»; Небзем губи тон, Аркаш. Ас кышнодэ но кияд кутэмед уг луы «You’re like a rotten mushroom, Arkady (soft-hearted). You can’t even handle your wife».

From the analysis of comparative tropes, which contain tree names in their structure, it can be concluded that this vocabulary group has an important axiological status, reflecting centuries-old life experiences and observations of the surrounding nature

Keywords: *Udmurt language, comparative tropes, dendronyms, phytonyms, signs of comparison*

Sources:

KUYA – The corpus of the Udmurt language // Udmurt corpus - Corpus search page (web-corpora.net)

NKUYA – Udmurt National Corps // (Основной корпус (udman.ru)

LD – Lingvodoc3.0 // <http://lingvodoc.ispras.ru/>

References:

Agapkina T. A. Simvolika derev'ev v traditsionnoi kul'ture slavian: lipa [Symbolic functions of trees in Slavic traditional culture: Linden] // Slavjanskij al'manakh [Slavic Almanac]. 2018 (in Russian).

Brodskij I. V. Nazvania rastenij v finno-ugorskikh yazykakh (na materiale pribaltiysko-finskikh i komi yazykov) [Plant names in Finno-Ugric languages: on the material of the Baltic-Finnish and Komi languages]. Saint-Petersburg, 2006 (in Russian).

Vladykin V. Ye. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk: "Udmurtia" Publ., 1994 (in Russian).

Vladykina T. G. Simvolika berezy v svadebnoj obryadnosti udmurtov [Birch symbolism in the wedding ceremony of the Udmurts] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University for the Humanities]. 2012. No. 4 (1). P. 96–98 (in Russian).

Vladykina T. G., Kirillova L. E. «Imennye derevya» (nimtulo pispu) v mikrotoponimii udmurtov ["Named trees" (nimtulo pispu) in the microtoponymy of Udmurts] // Nauchny dialog [Scientific dialog]. 2017. No. 11. (in Russian).

Vladykina T. G., Nurieva I. M. Palyz'pu – ryabina [Palezpu – ryabina] // Tangyra: Encyclopedia of Udmurt culture. 2023 (in Russian).

Gafiyatova E. V. Fitonimicheskaya kartina mira (na materiale tatarskogo i angliyskogo yazykov) [Phytonymic picture of the world (based on the material of the Tatar and English languages)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2010. No. 4 (in Russian).

Dushenkova T. R. Kul'turologicheskij aspekt «yagodnykh» metafor i sravneniy v udmurtskom yazyke [Culturological aspect of "berry" metaphors and comparisons in the Udmurt language] // Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhya [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region]. 2021. No. 2(11) (in Russian).

Dushenkova T. R. Pretsedentnye imena-fitonimy: ot dialektnykh slov do simvolov Udmurtii [Precedent phytonymic names: from dialect words to symbols of Udmurtia] // Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]. 2022. No. 12 (4/51) (in Russian).

- Dmitrieva T. N.** Mansiyskie fitonimy v polevykh materialakh toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo universiteta (nominatsiya po mestu proizrastaniia rasteniia) [Mansi phytonyms in field materials of the toponymic expedition of the Ural University (nomination by the place of plant growth)] // *Finno-ugorskiy mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy* [The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: collection of articles based on the materials of the 6 All-Russian scientific conference of Finno-Ugric studies (Izhevsk, June 4–7, 2019)]. Izhevsk: Anna Zelenina Publ., 2019 (in Russian).
- Efremov A. S.** Strukturno-semanticheskiy analiz mariyskikh nazvaniy rasteniy [Structural and semantic analysis of Mari plant names] // *Voprosy mariyskogo yazyka. Grammatika i leksikologiya* [Questions of the Mari language. Grammar and lexicology]. Yoshkar-Ola: MarNII, 1986 (in Russian).
- Knyazev Yu. P.** Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive [Grammatical semantics. Russian in typological perspective]. M.: Languages of Russian culture. 2007 (in Russian).
- Koppaleva Ju. Je.** Finskaya narodnaya leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie) [Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning)]. Petrozavodsk, Karelskiy nauchnyy centr RAN, 2007 (in Russian).
- Lobanova A. S.** O kul'turnoy konnotatsii komi-permyatskikh fitonimov pikan «snyt'», pistik «khvoshch polevoi», goradzul' «kupal'nitsa» [About the cultural connotation of the Komi-Permian phytonyms *pikan* "aegopodium", *pistik* "horsetail field", *goradzul'* "globeflower"] // *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: materials of the V All-Russian Scientific Conference (Perm, April 10, 2017)]. Perm, 2017 (in Russian).
- Merkusheva T. N.** Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka [Vocabulary of flora and fauna of the southern dialect of the Komi-Perm language. Cand. phil. diss.]. Syktyvkar, 2003 (in Russian).
- Nasibullina M. R.** Zoonimicheskie komponenty v mnogostavnykh fitonimakh udmurtskogo yazyka [Zoonymic components in multi-compound phytonyms of the Udmurt language] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2015. No. 3 (in Russian).
- Nasibullina M. R.** Zoonimicheskie komponenty v sisteme nazvaniy rasteniy udmurtskogo yazyka [Zoonymic components in the system of plant names of the Udmurt language] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*. [Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and philology]. 2015. Vol. 25. No. 5 (in Russian).
- Polyakov O. E., Letkina N. V.** Dendronimicheskaya leksika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov: proiskhozhdenie, struktura i funktsionirovanie [Dendronymic vocabulary of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages: origin, structure and functioning] // *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2021. Vol. 11. No. 2 (in Russian).
- Rakin A. N.** Leksika flory komi yazyka [The vocabulary of the Komi language flora: abstract. dis. ... Candidate of Philology sciences]. Tartu, 1977 (in Russian).
- Rakin A. N.** Leksika nizshey flory permskikh yazykov [Vocabulary of the lower flora of the Permian languages]. Syktyvkar, 1985 (in Russian).
- Rubcova O. G.** Iz istorii izucheniya fitonimov v finno-ugorskom yazykoznanii [From the history of the study of phytonyms in Finno-Ugric linguistics] // *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Mari State University]. 2013. No. 12 (in Russian).
- Rusnova I. I., Lobanova A. S., Fedoseeva E. L.** Komi-permyatskie fitonimy, sodержashchie nazvaniya zhivotnykh [Komi-Perm phytonyms containing names] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022. Vol. 16. Is. 4 (in Russian).
- Sokolova M. G.** Antroponimy kak obrazy sravneniya tropov s komponentom «klen» v russkoy poezii 20–50-kh gg. XX v. [Anthroponyms as images of comparing tropes with the "maple" component in Russian poetry of the 20–50s of the twentieth century] // *Baltiyskiy gumanitarny zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2020. Vol. 9. No. 1 (30) (in Russian).
- Shutova N. I.** Derevo v traditsionnom udmurtskom mirovozzrenii [Tree in the traditional Udmurt worldview] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2011. No. 2 (in Russian).

Kondratieva Natalia Vladimirovna.

Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher.

Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch RAS.

Lomonosova str., 4, Izhevsk, Russia, 426004.

Leading Researcher.

Institute of System Programming RAS.

Alexandra Solzhenitsyna str., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Т. М. Никеева, Н. Ю. Печетова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «СЛОВАРЯ ТОПОНИМОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ»)

В статье представлен опыт составления «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» на русском языке, включающего 562 словарные статьи. Актуальность работы обусловлена активизацией топонимических исследований в регионе и возникшей необходимостью фиксации его топонимической системы в данный исторический период. Новизна определяется охватом топонимического материала, глубиной его анализа, а также широтой лингвистических и экстралингвистических проблем, решаемых в процессе сбора языкового материала и составления статей словаря. Анализируются требования к составлению топонимических словарей, выявляются трудности составления словарных статей и предлагаются пути их решения. Подготовка материалов для словаря была сопряжена с рядом проблем, которые в ходе исследования были решены: предложено фиксировать повторяющиеся наименования населенных пунктов в одной словарной статье с указанием месторасположения каждого; в качестве заголовочного слова выбрано официальное современное русскоязычное наименование, к которому в скобках прилагается якутское название, их орфографическое и графическое оформление (особенно при наличии вариантов) определено в соответствии с требованием нормализации наименований географических объектов Федерального закона РФ; в качестве справочного материала в словарные статьи включены все имеющиеся на данный момент сведения о происхождении ойконима, языке-источнике, а также информация этнографического характера; для обозначения местонахождения приводится административно-территориальная характеристика географического объекта. Для дальнейшей работы определяются перспективы сбора и анализа материала над дополненным и исправленным изданием словаря, дается обоснование необходимости фиксации в словаре акцентологических норм, а также включения в новый словарь сведений о других территориально-муниципальных наименованиях: наслегах, сельских поселениях, районах и улусах Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: *словарь топонимов, ойконимы, топонимика, кодификация, этимология, Республика Саха (Якутия), язык-источник, лексикография*

Введение

В последние годы интерес к исследованию топонимических систем разных регионов Российской Федерации стремительно растет, что проявляется в большом количестве научных статей по данной тематике, защите диссертаций, а также выходе в свет разного рода топонимических словарей и справочников, в том числе не только лингвистического характера. Системное изучение отдельных классов топонимов, их параметризация позволяют синтезировать теоретическое и прикладное начала в изучении данного лексического пласта языка и представлять комплексные результаты в лексикографических работах, таких как, например, словари ойконимов, гидронимов и др.

Географические названия как памятники истории и культуры народов являются визитной карточкой любой территории: страны, республики, города, села, и информация о них должна быть полной и общедоступной. Топонимы составляют большой и активный пласт лексики в языковой системе каждого языка, они функционируют не только в регионе распространения, но и за его пределами. Особое место в системе географических названий занимают ойконимы – наименования населенных пунктов: городов, сел, поселков, деревень и т. д. Они играют важную роль в коммуникативной сфере, в частности, документообороте, поскольку названия жилых поселений, наделенные юридическим статусом, используются во всех сферах жизни человека ежедневно. А. В. Суперанская пишет: «Названия населенных мест объединяются в справочники различного назначения (почтовые, железнодорожные, административные и др.), в которых фиксируется официально утвержденная форма географических названий.

Она же пишется у людей в паспортах, при этом не только в графе „Прописка“, но и в графе „Место рождения“» (Суперанская, 1985: 65).

Основателем ономастических исследований в Республике Саха (Якутия) является М. С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ (Багдарыын Сюлбэ, 2004). Значительный вклад в изучение топонимической системы региона внесли Н. М. Иванов-Багдарыын Нь. С. Уола, В. Д. Монастырев, Г. М. Василевич, В. А. Кейметинов, Г. Н. Курилов, К. Ф. Гриценко, Н. Г. Самсонов, Е. В. Меркель и др. Некоторая часть топонимов Якутии была представлена в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой (Леонтьев, Новикова, 1989). Это лишь часть авторов фундаментальных работ по топонимике Якутии, назвать всех причастных к исследованию географических названий в рамках данной статьи не представляется возможным. Отметим, что в списке литературы представленного в данной статье словаря более 170 источников и около 40 словарей (Словарь топонимов, 2022).

В научном обиходе имеются многочисленные исследования топонимики Якутии, но словаря ойконимов Республики Саха (Якутия) на русском языке, в котором были бы представлены в систематизированном и обобщенном виде все официальные названия населенных пунктов, до недавнего времени подготовлено не было. Сотрудники кафедры русского языка Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова в течение нескольких лет собирали и анализировали сведения о наименованиях населенных пунктов Якутии, результатом чего стал опубликованный в 2022 г. при поддержке Отделения Русского географического общества в Республике Саха (Якутия) «Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» (Словарь топонимов, 2022). В ходе работы авторы, сталкиваясь с рядом проблем разного характера, которые, судя по научным публикациям по данной тематике, испытывают также и другие специалисты-лексикографы, пришли к убеждению, что назрела необходимость выработки определенных принципов составления регионального топонимического словаря. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

Цель данной работы – описать методические принципы составления регионального топонимического словаря.

Работа по фиксации и изучению топонимов в разных регионах России, дальнейшему составлению региональных топонимических словарей ведется весьма активно. В последнее время опубликованы либо размещены в сети Интернет топонимические словари Амурской области (Мельников, 2009), Приморского края (Сазыкин, 2013), Дальнего Востока (Мельников, 2009), Калмыкии (Кичикова и др., 2017), Кавказа (Твёрдый), Саратовской области (Козинец, 2013), Урала (Матвеев, 2008) и др. Исследователи из Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан создали виртуальный каталог топонимов Татарстана (Каталог топонимов Татарстана). Достаточно широко сведения о топонимических системах разных регионов представлены на сайте «Топонимика.ру» (Топонимика).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что описанный в нем подход к анализу топонимического материала и алгоритм составления словарной статьи могут использоваться в качестве методической основы для разработки словарей других классов топонимов, топонимических словарей других регионов.

Составление регионального топонимического словаря: работа со словарной статьей

Самый главный этап в создании словаря топонимов заключается в написании словарной статьи к каждому географическому названию. Как отмечает Р. Г. Жамсаранова, статья топонимического словаря должна «сохранить основное кредо – точность, лаконичность и скупость при описании разного рода фактов, включая и лингвистические. При этом важно написать словарь таким языком, который отличается достоверностью, емкостью и доступностью для каждого взявшего в руки данное издание» (Жамсаранова, 2019: 102).

При стандартизации географических объектов международным опытом установлено, что требуются следующие «оптимальные сведения, необходимые для записи официального названия: а) письменная форма официального названия; б) все другие известные варианты названия, которые в настоящее время или в историческом прошлом соотносились с тем же самым объектом, местом, районом; с) местонахождение и идентификация географического объекта, к которому относится данное название... ; d) стандартный пояснительный термин (класс, тип или категория объекта), четко указывающий на тип именуемого объекта (например, озеро, река, возвышенность, гора, залив)» (Руководство, 2007: 40).

В «Руководстве по национальной стандартизации географических названий» также сказано, что, кроме основных сведений, «для регистрации каждого топонима следует представлять больше информации. Пользователям требуется достаточно большой объем информации, чтобы без труда определить местоположение искомого объекта, избежать недоразумений, связанных с намеренным применением его названия, и знать о существовании других названий, которые относятся (или относились) к этому объекту» (Руководство, 2007: 40).

Кроме того, при составлении топонимических словарей следует руководствоваться требованием нормализации наименований географических объектов, закрепленным в Федеральном законе от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов». Данный закон содержит следующие нормы: «Произвольная замена одних наименований географических объектов другими, употребление искаженных наименований географических объектов не допускаются»; «Переименование географического объекта допускается в случаях, если... существующее написание наименования географического объекта на государственном языке РФ... не соответствует правилам русской орфографии» (Федеральный закон «О наименованиях географических объектов»).

На первом этапе работы над «Словарем топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» разрабатывалась методика сбора материала и составления базы данных. Для словника – списка анализируемых ойконимов – были использованы данные сайта геоинформационного портала Республики Саха (Якутия) «СахаГИС» (СахаГИС), где представлены сведения о географическом расположении 653 населенных пунктов (как действующих, так и упраздненных). Исходя из того, что многие географические наименования в топонимической системе региона повторяются (например, ойконимы Арылах, Томтор, Тумул и др. встречаются по шесть раз), было нецелесообразно составлять для каждого из них словарную статью с однотипной характеристикой. В словаре географические объекты с одинаковым названием были собраны в одной статье с указанием месторасположения каждого населенного пункта. Покажем на примере одного из ойконимов, как в таком случае организована словарная статья (рис. 1):

Всего в результате тщательного сбора и обработки информации составили 562 словарные статьи.

Следующим этапом в работе над словарной статьей стал выбор варианта заглавного слова. Проблема заключалась в том, что географические названия на территории Якутии функционируют на двух государственных языках РС (Я) – русском и якутском. В «Словаре топонимов...» заглавное слово – официальный ойконим, зафиксированный в официальных государственных реестрах, – приводится в форме именительного падежа единственного числа: первое слово – на русском языке и второе в скобках на якутском. Например: с. Графский Берг (як. Граф Бизрэгэ) (Словарь топонимов, 2022: 47), пгт. Лебединый (як. Лебединэй) (Там же: 89), с. Тербяс (як. Тиэрбэс) (Там же: 152). Местные названия географических объектов, не имеющие официальных аналогов, в словаре не рассматривались. В некоторых словарных статьях упоминаются и ранее существовавшие варианты названий: «Прежнее название Ленска – Мухтуя» (Там же, 2022: 91), «В ранних документах наслег Хатас называли Хангалас Хорото» (Там же, 2022: 178); «Урицкое. Названо в честь революционера М. С. Урицкого.

с. Томтор

Томтор (як. Томтор), образовано от як. томтор – 1) пригорок; 2) диал. летняя стоянка скота, летовка [Саха тыла].

«Якутский географический термин – холм, возвышенность в поле, пригорок, бугор, курган» [Багдарыын Сюлбэ, 2004: 76].

Село в Дулгалахском наслеге Верхоянского района Республики Саха (Якутия).

Село в Борулахском наслеге Верхоянского района Республики Саха (Якутия).

Село в Томторском наслеге Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия).

Село во 2-м Борогонском наслеге Оймяконского улуса Республики Саха (Якутия).

Село в Баягинском наслеге Таттинского улуса Республики Саха (Якутия).

Село в Мюрюньском наслеге Усть-Алданского улуса Республики Саха (Якутия).

Рис. 1. Словарная статья с. Томтор (Словарь топонимов, 2022: 157)

Село Чекуровка Олёкминского района, в котором он отбывал ссылку, было переименовано в Урицкое» (Там же, 2022: 168); «Поселок Ленинский является одним из старейших в улусе, первоначально был создан в 1931 г. как поселок Сталинский» (Там же, 2022: 90).

Материалом для анализа в словаре стали официальные ойконимы – названия городов, сел, поселков, деревень, участков; а также некоторые антропонимы, оронимы и гидронимы (названия рек и их частей, озер), использованные при образовании названий населенных пунктов.

При оформлении заглавного слова возникли также трудности, связанные с определением правильного варианта написания географического объекта. Были проанализированы следующие документы: Реестр зарегистрированных в Автоматизированном государственном каталоге географических названий (АГКГН) населенных пунктов от 25.08.2021 (Реестр зарегистрированных, 2021), справочник «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г.» (Республика Саха, 2009), справочник «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное деление» 1999 г. (Республика Саха (Якутия), 1999), «Словарь географических названий Якутской АССР» 1987 г. (Словарь географических названий ЯАССР, 1987). В результате работы с данными источниками выявили разные способы оформления у 173 ойконимов. Всю информацию о названиях населенных пунктов, имеющих расхождения в орфографической и графической фиксации между официальными справочниками и документами разных лет как на русском, так и на якутском языках, зафиксировали в виде «Базы данных ойконимов Республики Саха (Якутия): варианты написания населенных пунктов» (Свидетельство).

В словаре варианты написания заглавного слова на русском языке были оформлены в соответствии с Реестром зарегистрированных в АГКГН населенных пунктов от 25.08.2021 (как предписывает ФЗ от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов»), на якутском языке – по справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г. (Республика Саха, 2009).

Чтобы отобразить исторические изменения в орфографическом оформлении географических названий, в словарных статьях были показаны все отличающиеся от современных вари-

анты написания ойконимов. Например, в словарной статье села Угоян показаны различия в орфографическом оформлении как на русском, так и на якутском языках (рис. 2):

с. Угоян

Угоян (як. Угайаан), образовано от гидронима. «Угаја – название реки ИМ. (Угоян)» [Пекарский, 2008, Т.3: 247]. От як. *угуйуу* ‘звать, завлекать, заманивать’ [Информатор: А.П. Авелова, житель села Угоян, 1932 г.р.].

Информатор Аделина Александровна Павлова, 1970 г.р., библиотекарь Беллетского эвенкийского национального наслега, предложила следующие версии: 1. Угоян от эвенкийского слова *уго* + аффикс *ми* – в значении ‘возить груз’. 2. Обозначение наименьшего расстояния от Амги до реки Алдан [Информатор: А.П. Павлова, 1970 г.р.].

В официальных справочниках по географическим названиям зафиксированы следующие варианты написания населенного пункта: рус. Угоян (як. Угоян) [Словарь географических названий Якутской АССР, 1987: 241], рус. Угаян (як. Угайаан) [Республика Саха (Якутия), 1999:120], Угоян (як. Угайаан) [Республика Саха (Якутия), 2009:94], рус. Угоян [Реестр зарегистрированных в АГКГН, 2021: 2].

Село в Беллетском эвенкийском национальном наслеге Алданского района Республики Саха (Якутия).

Рис. 2. Словарная статья с. Угоян (Словарь топонимов, 2022: 164)

По мнению Н. М. Иванова, на русском языке местные географические названия «нередко фиксируются с грубыми ошибками, искажающими исконные онимы» (Иванов, 2014: 92). Составители «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» попытались решить эту проблему и провести нормализацию орфографической и графической записи ойконимов.

Одной из важнейших частей словарной статьи является отображение информации о происхождении слова, языке-источнике наименования и переводе ойконима на русский язык. Этимология многих наименований населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по-прежнему остается спорной, у значительной части географических названий достоверный язык-источник не определяется. Это связано с тем, что первая письменная фиксация многих топонимов осуществлялась на русском языке, и под влиянием интерференции исконные онимы были сильно изменены. Полилингвизм региона, наличие малоизученных диалектов аборигенных языков также затрудняет этимологические изыскания. Как отмечал Багдарыын Сюлбэ, на территории республики шесть языковых пластов: «самодийский, юкагирский, тунгусо-маньчжурский, тюркский, монгольский и русский» (Багдарыын Сюлбэ, 2004: 4). Большинство ойконимов Республики Саха (Якутия) – это слова якутского, эвенкийского, эвенского, юкагирского, тюркского, монгольского происхождения. Для определения значения и происхождения географических наименований требуются знания этих языков, их истории. Есть наименования, которые многократно менялись, и установить первоначальный язык-источник является сложной задачей.

На рис. 3 показано, как в словарной статье, посвященной с. Мурья, представлена вся найденная нами информация о происхождении и лексическом значении этого ойконима (рис. 3).

с. Мурья

Мурья (як. Мууруйа), название восходит к далекой старине. Есть несколько версий происхождения топонима:

1. Люди в XVII в. так называли помещение под палубой, трюм. У В.И. Даля это слово толкуется несколько с другим смыслом – лачуга, конура, тесное, темное жилье, пещерка [Самсонов, 1989: 37].

2. В переводе с якутского языка *мурья* означает «дальше воды нет», так как исток упирался в высокую гору. Потом поселок передвинулся на берег Лены и стал называться Мурья от названия речки, т.е. *мунгур үрүүэ – сотору бүтэн, симэлийэн хаалар, кылгас үрүүэ* – речка, которая быстро кончается» [Дядя, 1993].

3. Эвенкийский распространенный гидроним *му* ‘вода’. Видимо, русскими переименован по аналогии со словом *курья* ‘небольшой залив’ [Шабанова, 1987].

Рис. 3. Фрагмент словарной статьи с. Мурья (Словарь топонимов, 2022: 103)

Некоторые из русскоязычных топонимов на территории Якутии образовались в результате наложения лексем нескольких языков. Приведем в качестве примера описание происхождения ойконима Ленск, которое представлено в словаре достаточно развернутыми сведениями из различных источников: «...образовано от гидронима, названия реки Лены, которая имеет эвенкийское название *Өлүөнэ өрүс* – большая река [Информаторы Ленского района]. <...> Первооткрыватель реки землепроходец Пенда (Пянда) в 1619–1623 гг. зафиксировал ее название в форме *Елюенэ*, которая в русском употреблении закрепилась как *Лена* [Туризм: новости, справочная информация]. <...> Некоторые специалисты считают, что это сложное слово эвено-эвенкийского происхождения. Река в эвенском языке называется *ули*, а в эвенкийском – *йэнээ*. По всей вероятности, первыми из тунгусских племен Лену заселили эвены, отсюда и ее эвенское название – *Ули*, т. е. река. А потом прибыли эвенки и оттеснили эвенов. Но название великой реки *Ули* переняли и стали называть ее *Ули йэнээ*, т. е. *Ули-река*. Прибывшие позднее якуты *Ули йэнээ*, подчинив законам фонетики своего языка, стали произносить как *Элиэнэ* или *Ёлюёнэ*, а русские превратили это слово в *Лену* [Багдарыын Сютлэ, 2004: 39]. Название реки происходит от эвенских и эвенкийских слов: *ули* и *йэнээ* – большая река, позже адаптированных якутами в *элиэне* и наконец русифицированных в слово *Лена* [Якутия, 2007]» (Словарь топонимов, 2022: 91).

При составлении словарных статей зафиксировали также и такой факт, как образование отдельных ойконимов путем соединения слов разных языков. Например, в словарной статье села Бясь-Шея (як. Бэс Сизэйэ) сказано, что оно образовано от эвенк. *Һэйэ, һэйэйэ* ‘лоб, макушка, вершина’ и як. бэс ‘сосна/сосновый’ (Словарь топонимов, 2022: 39).

Многие из ойконимов эвенского, эвенкийского происхождения трудно интерпретировать, поскольку с каждым годом уменьшается число говорящих на этих языках, и поэтому найти хорошо владеющего языком носителя, который мог бы объяснить этимологию того или иного названия, становится весьма затруднительно. У многих населенных пунктов есть вторые, неофициальные названия, которые местное население использует чаще, чем зафиксированные в официальных справочниках и отмеченные на географических картах. Например, вместо наименования села Огородтах в активном употреблении у жителей его неофициальное название Соттинцы.

Так как происхождение и значение многих географических названий остаются спорными, в словаре приводятся различные точки зрения на их этимологию. Например, варианты

происхождения ойконима Вилюйск, в основе которого лежал потамоним Вилюй, в словаре приводятся следующим образом (рис. 4):

г. Вилюйск

Вилюйск (як. Бүлүү), в основе названия лежит гидроним Вилюй (название реки). Есть несколько версий происхождения топонима:

1. От эвенкийского *бэлу* 'гладкий, чистый (о льде)' (И.К.Васильев).
2. От корякского *вил* 'квашеная рыба, плата, цена' (Г.М.Василевич).
3. От эвенского *булэ* 'болото, тина, болотистый' (В.А.Кейметинов).
4. От монгольского *бёглюю* 'глушь' (П.П.Барашков) [Багдарыын Сялбэ, 2004: 126–127].

Река Вилюй от чукот-коряк. Вилют~Вилут 'уши' [Леонтьев, 1989: 104].

Рис. 4. Фрагмент словарной статьи с. Вилюйск (Словарь топонимов, 2022: 43)

О значении и происхождении некоторых названий населенных пунктов свидетельствуют комментарии местных жителей. В этом случае словарную статью сопровождают сведения об информаторе в квадратных скобках: фамилия, инициалы имени и отчества, год рождения, место жительства или место рождения. Пример оформления: [Информатор: Ю. Д. Кулагин 1933 г.р., житель села Юнкюр].

В опубликованном словаре были собраны мнения ученых топонимистов, этнографов, лингвистов и историков о происхождении ойконимов. Важно отметить, что каждое из научных утверждений, фактов или гипотез снабжено ссылкой на научный труд, статью или сайт, на котором была представлена исходная информация. Кроме того, в словаре собраны некоторые легенды, предания, были, сказания местных жителей о появлении названий их родных мест.

По мнению Р. Г. Жамсарановой, представленные в топонимических словарях языковые сведения при условии адекватной исследовательской интерпретации помогут развернуть скрытые смыслы, понятия и факты, – чрезвычайно важное как для этнической истории, культуры и этнографии отдельного народа, так и в плане освещения исторических и языковых явлений отдельного региона (Жамсаранова, 2019: 102).

Действительно, фиксация в словарной статье информации о значении, происхождении, истории появления ойконимов необходима для их последующего осмысления и сохранения уникальной топонимической системы северо-востока России.

За каждым географическим наименованием стоит история народа, который это название присвоил своему населенному пункту. В словарных статьях сведения этнографического характера в качестве дополнения к основному комментарию приводятся при необходимости, но являются весьма ценными для понимания лексического значения анализируемых ойконимов.

Версию происхождения топонима, подкрепляемую физико-географическими или культурно-историческими фактами, а также сведениями, зафиксированными в документах, можно считать более правдивой, даже если она основывается на преданиях местных жителей.

Например, в словарной статье с. Кутана, помимо общепринятой, приводятся также и другие версии, содержащие этнографические сведения (рис. 5).

с. Кутана

Кутана (як. Кутана), образовано от эвенк. *кута* в значении «болото (торфяное), тряси́на» и *-на* – аффикса эвенкийского языка, образующего имена существительные собирательного значения [Багдарыын Сюлбэ, 2004: 158]; от як. *кута* 'тряси́на, плавучий торфяник' [Саха тыла].

В книге «Наши имена» Н.Г. Самсонов публикует предание: «Мой поселок находится у озера Кутана. Очень давно здесь жили тунгусы. Озеро это по окраинам кое-где заросло травой, напоминает болото. Поэтому тунгусы называли его *Кутана*, что значит «топь, тряси́на». Потом здесь поселились якуты, но название за поселком сохранилось тунгусское» [Самсонов, 1989: 55].

Происхождение названия р. Кутана в Магаданской области в топонимическом словаре В.В. Леонтьева, К.А. Новиковой объясняется так: «Название дано по имени одного из эвенских родов Кутана, жившего в начале XVIII в. в бассейне этой реки, упоминаемого Я.И. Линденау [Леонтьев, Новикова, 1989: 215].

Рис. 5. Фрагмент словарной статьи с. Кутана (Словарь топонимов, 2022: 79)

Последней в словарных статьях представлена административно-территориальная характеристика объекта, дается информация о расположении населенного пункта (указаны наслег и улус (район)). Административно-территориальная принадлежность географического объекта уточнялась по списку органов местного самоуправления Республики Саха (Якутия) (Официальный интернет-портал Республики Саха (Якутия)).

Заключение

В результате исследования предложены методические принципы оформления словарной статьи в словаре, отражающем региональные особенности топонимической системы Республики Саха (Якутия).

1. Список анализируемых ойконимов для словаря составлен на основе сведений, представленных на сайте геоинформационного портала Республики Саха (Якутия) «СахаГИС». Повторяющиеся наименования населенных пунктов представлены в одной словарной статье с указанием административно-территориального местоположения каждого.

2. Заголовочным словом является современное официальное русскоязычное наименование, якутское название приводится в скобках, их орфографическое и графическое оформление (при наличии вариантов) определено в соответствии с требованием нормализации наименований географических объектов Федерального закона РФ от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» по Реестру зарегистрированных в АГКГН географических названий населенных пунктов.

3. В словарные статьи включены в качестве справочного материала все имеющиеся на данный момент сведения о происхождении ойконима, языке-источнике, а также информация этнографического характера.

4. Для обозначения местонахождения приводится административно-территориальная характеристика географического объекта.

Методические принципы по составлению регионального топонимического словаря, разработанные в ходе работы над «Словарем топонимов Республики Саха (Якутия): населенные

пункты», могут быть применены при составлении топонимических словарей других регионов, а также в работе над каталогизацией других видов топонимов.

Перспективой исследовательской деятельности видится издание дополненного и исправленного словаря, в который будут включены сведения о произношении ойконимов, в частности о постановке ударения. Правильное произношение того или иного географического названия является насущной проблемой как для его жителей, так и для гостей, поэтому они хотели бы видеть в словаре и такого рода информацию. Для этого необходимо в полевых условиях зафиксировать ударение и произношение отдельных ойконимов и составить рекомендации по их устному употреблению.

В новом издании планируется также описать другие территориально-муниципальные наименования: наслеги, сельские поселения, районы и улусы Республики Саха (Якутия). Сбор и систематизация данных обо всех ойконимах региона позволят зафиксировать топонимическую систему Республики Саха (Якутия) в данный исторический период и будет способствовать сохранению ценнейших культурных знаний, которые содержат в себе топонимы.

Литература:

- Багдарыын Сюлбэ.** Топонимика Якутии: крат. науч.-поп. очерк. Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманист. ис-след., изд. 2-е, испр. и доп. Якутск: Бичик, 2004. 192 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Рецензия на издание «Топонимический словарь Республики Калмыкия» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 100–102.
- Иванов Н. М.** Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 1. С. 92–99.
- Каталог топонимов Татарстана.** URL: <https://toponym.antat.ru/toponyms/all> (дата обращения: 21.07.2023).
- Топонимический словарь Республики Калмыкия** / Н. А. Кичикова, Э. Б. Манджиева, В. И. Супрун. Элиста: Заор «НПП Джангар», 2017. 272 с.
- Козинец С. Б.** Топонимический словарь Саратовской области. Саратов: Саратовский источник, 2013. 206 с.
- Леонтьев В. В., Новикова К. А.** Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Магад. кн. изд-во, 1989. 456 с.
- Матвеев А. К.** Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.
- Мельников А. В.** Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск, 2009. 232 с.
- Мельников А. В.** Географические названия Дальнего Востока России: Топонимический словарь: около 1000 единиц. Благовещенск: Интерра-Плюс (Interra+), 2009. 55 с.
- Официальный интернет-портал Республики Саха (Якутия).** URL: <http://sakha.gov.ru> (дата обращения 28.06.2023).
- Реестр** зарегистрированных в АГКГН географических названий населенных пунктов на Республика Саха (Якутия). URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/7cc/050oh9ohpw5qhoi3yubswe0y3cimy979.pdf> (дата обращения 25.06.2023).
- Республика Саха (Якутия):** административно-территориальное устройство / редколл.: А. В. Власов и др.; сост. А. И. Калмыкова, Е. А. Пахомов. Якутск, 2009. 98 с.
- Республика Саха (Якутия):** административно-территориальное деление на 1 января 1999 года / редколл.: Е. С. Васильева и др.; сост. Е. А. Пахомов. 5-е изд., испр. и доп. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1999. 128 с.
- Руководство** по национальной стандартизации географических названий. Группа экспертов ООН по географическим названиям ООН, Нью-Йорк, 2007. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_88r.pdf (дата обращения: 21.07.2023).
- Сазыкин А. М.** Топонимический словарь Приморского края. Владивосток: Изд. дом ДВФУ, 2013. 226 с.
- СахаГИС:** Геопортал Республики Саха (Якутия). URL: <https://sakhagis.ru/town/details> (дата обращения 21.07.2023).
- Свидетельство** о государственной регистрации базы данных № 2022621593 Российская Федерация. База данных ойконимов Республики Саха (Якутия): варианты написания населенных пунктов: № 2022621411: заявл. 20.06.2022: опубл. 04.07.2022 / А. С. Старостина, Т. М. Никаева, Н. Ю. Печетова; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49194428> (дата обращения: 21.07.2023).
- Словарь географических названий Якутской АССР** / ред. П. П. Барашков; сост. Ф. К. Комаров. М., 1987. 316 с.
- Словарь топонимов Республики Саха (Якутия):** населенные пункты / Т. М. Никаева, А. С. Старостина, М. В. Тарабукина и др. Новосибирск: Архимед, 2022. 224 с.
- Суперанская А. В.** Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.

Твёрдый А. В. Топонимический словарь Кавказа. URL: http://apsnyteka.org/640-toponimicheskii_slovar_kavkaza_a-g.html (дата обращения: 21.07.2023).

Топонимика. URL: <https://toponimika.ru/index.php> (дата обращения: 21.07.2023).

Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» от 18.12.1997 № 152-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/ (дата обращения 26.06.2023).

Никаева Татьяна Михайловна.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: elizarovat@mail.ru

Печетова Наталья Юрьевна.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: pechetovan@mail.ru

Материал поступил в редакцию 2 августа 2023 г.

T. M. Nikaeva, N. Yu. Pechetova

REGIONAL TOPONYMIC DICTIONARY: METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF COMPILATION (THE CASE OF THE DICTIONARY OF TOPONYMS OF THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA): SETTLEMENTS)

The article describes the experience of compiling the dictionary of toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): Settlements, which contains 562 lexical entries. The relevance of the work arises from the activation of toponymic research in the region and the need to document its toponymic system in this historical period. The scope of the toponymic material determines the novelty of the work, the depth of the analysis, and the extent of the linguistic and extra-linguistic problems solved in the collection of the linguistic material and the compilation of the lexical entries. The requirements for the preparation of toponymic dictionaries are analyzed, the difficulties in compiling lexical entries are pointed out, and possible solutions are suggested. In preparing the materials for the dictionary, there were a number of problems that were solved in the course of the study: it was proposed to combine the repeated names of settlements into one lexical entry indicating the location of each settlement; the official modern Russian language name is chosen as the introductory word and is connected in parentheses with the Yakut name, with the spelling and graphic design (especially if there are options) determined in accordance with the requirement of unification of names of geographical features from the federal law of the Russian Federation; the lexical entries contain all currently available information on the origin of the oikonym, the source language and ethnographic information as reference material; an administrative-territorial characteristic of the geographical feature is given to indicate the location. Perspectives are given for collecting and analyzing the material for further work on the revised and corrected edition of the dictionary; reasons are given for the need to document accent norms in the dictionary, as well as for the inclusion of information on other territorial and communal names in the new dictionary: territories, rural settlements, regions and districts, and the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: *dictionary of toponyms, oikonyms, toponymy, codification, etymology, Republic of Sakha (Yakutia), source language, lexicography*

References:

- Bagdaryyn Sjulbje.** Toponimika Jakutii: Krat. nauch.-popul. Oчерk [Toponymics of Yakutia: Brief popular science review]. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) In-t gumanit. issled., izd. 2-e, ispr. i dop. Jakutsk: Bichik, 2004. 192 p.
- Zhamsaranova R. G.** Recenzija na izdanie «Toponimicheskij slovar' Respubliki Kalmykija» [Review of the Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia] // Gumanitarnyj vektor. 2019. Vol. 14, No. 1. P. 100–102.
- Ivanov N. M.** Funkcionirovanie toponimov v Respublike Saha (Jakutija) [Funkcionirovanie toponimov v Respublike Saha (Jakutija)] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2014. Vol. 11, No. 1. P. 92–99.
- Katalog toponimov Tatarstana** [Catalogue of toponyms of Tatarstan]. URL: <https://toponym.antat.ru/toponyms/all> (accessed: 21.07.2023).
- Kichikova N. A., Mandzhieva Je. B., Suprun V. I.** Toponimicheskij slovar' Respubliki Kalmykija [Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia]. Jelista: Zaor «NPP Dzhangar», 2017. 272 p.

- Kozinec S. B.** Toponimicheskij slovar' Saratovskoj oblasti [Toponymic Dictionary of Saratov Oblast]. Saratov: Saratovskij istochnik, 2013. 206 p.
- Leont'ev V. V., Novikova K. A.** Toponimicheskij slovar' Severo-Vostoka SSSR [Toponymic Dictionary of the North-East of the USSR]. Magadan: Magad. kn. izd-vo, 1989. 456 p.
- Matveev A. K.** Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskij slovar' [Geographical names of Ural: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: ID «Sokrat», 2008. 352 p.
- Mel'nikov A. V.** Toponimicheskij slovar' Amurskoj oblasti [Toponymic Dictionary of Amur Oblast]. Blagoveshhensk, 2009. 232 p.
- Mel'nikov A. V.** Geograficheskie nazvaniya Dal'nego Vostoka Rossii: Toponimicheskij slovar': okolo 1000 edinic [Geographical names of the Russian Far East: Toponymic Dictionary: about 1000 items]. Blagoveshhensk: Interra-Pljus (Interra+), 2009. 55 p.
- Oficial'nyj internet-portal Respubliki Saha** (Yakutiya) [Official web portal of the Sakha Republic (Yakutia)]. URL: <http://www.sakha.gov.ru/> (data obrashheniya 28.06.2023).
- Reestr** zaregistrirannykh v AGKGN geograficheskikh nazvaniy naselennykh punktov na Respublika Saha (Yakutiya) [The register of geographical names of the settlements on the territory of the Sakha Republic (Yakutia) registered in the State Catalogue of Geographical Names]. URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/7cc/o50oh9ohpw5qhoi3yubswe0y3cimy979.pdf>. (accessed: 25.06.2023).
- Respublika Saha** (Yakutiya): Administrativno-territorial'noe ustroystvo [Sakha Republic (Yakutia): administrative and territorial structure]. Yakutsk, 2009. 98 p.
- Respublika Saha** (Yakutiya): administrativno-territorial'noe delenie na 1 yanvarja 1999 goda [Sakha Republic (Yakutia): administrative and territorial structure at January 1, 1999]. 5-e izd., ispr. i dop. Yakutsk: NIPK «Sahapoligrafizdat», 1999. 128 p.
- Rukovodstvo** po nacional'noj standartizacii geograficheskikh nazvanij Gruppy jekspertov OON po geograficheskim nazvaniyam OON, N'ju-Jork, 2007 [Manual for the National Standardization of Geographical Names Group of Experts on Geographical Names of the UN, New York, 2007]. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_88r.pdf (accessed: 21.07.2023).
- Sazykin A. M.** Toponimicheskij slovar' Primorskogo kraja [Toponymic Dictionary of Primorsky Krai]. Vladivostok: Izd. dom DVFU, 2013. 226 p.
- SahaGIS:** Geoportal Respubliki Saha (Jakutiya) [SakhaGIS: Geoportal of the Sakha Republic (Yakutia)]. URL: <https://sakhagis.ru/town/details> (accessed: 21. 07.2023).
- Svidetel'stvo** o gosudarstvennoj registracii bazy dannykh № 2022621593 Rossiyskaja Federaciya. Baza dannykh oikonomimov Respubliki Saha (Yakutiya): varianty napisaniya naselennykh punktov [Certificate of state registration of the database № 2022621593 Russian Federation. Database of oikonyms of the Sakha Republic (Yakutiya): spelling options of the settlements]: № 2022621411: zayavl. 20.06.2022: opubl. 04.07.2022 / A. S. Starostina, T. M. Nikaeva, N. Ju. Pechetova; zayavitel' Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Severo-Vostochny federal'ny universitet imeni M. K.Ammosova».
- Slovar'** geograficheskikh nazvaniy Yakutskoi ASSR [Dictionary of Geographical Names of Yakut ASSR]. M., 1987. 316 p.
- Slovar' toponimov** respubliki Saha (Yakutiya): naselennye punkty [Dictionary of Toponyms of the Sakha Republic (Yakutia): Settlements] / T. M. Nikaeva, A. S. Starostina, M. V. Tarabukina [i dr.]. Novosibirsk: Arhimed, 2022. 224 p.
- Superanskaya A. V.** Chto takoe toponimika? [What is toponymics?]. M.: Nauka, 1984. 182 p.
- Tvyordy A. V.** Toponimicheskij slovar' Kavkaza [Toponymic Dictionary of the Caucasus]. URL: http://apsnyteka.org/640-toponimicheskij_slovar_kavkaza_a-g.html (accessed: 21.07.2023).
- Toponimika** [Toponymics]. URL: <https://toponimika.ru/index.php> (accessed: 21.07.2023).
- Federal'nyj zakon** «O naimenovaniyakh geograficheskikh ob"ektov» ot 18.12.1997 № 152-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law on the Names of the Geographical Features dated 18.12.1997 № 152-FL (latest)]. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/ (data obrashheniya 26.06.2023).

Nikaeva Tat'yana Mikhailovna.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department.

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.

Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.

Email: elizarovat@mail.ru

Pechetova Natalya Yur'evna.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department.

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.

Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.

Email: pechetovan@mail.ru

А. С. Персидская

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩИХ И ОБОБЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ПИЩИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена комплексному изучению лексики, обозначающей общие и обобщенные названия пищи в селькупском языке, которая до сих пор не подвергалась лингвистическому описанию. В ходе исследования были выявлены и систематизированы лексемы, являющиеся общими или обобщенными названиями пищи, уточнен период их формирования, проведен морфосинтаксический анализ лексем, исследована их словообразовательная активность, определена способность к семантической деривации, выявлена внутренняя форма сложных и составных лексических единиц, обозначающих общие и обобщенные названия пищи и их дериватов, проанализированы устойчивые словосочетания с компонентом, обозначающим общее и обобщенное название пищи, проведен контекстуальный анализ общих и обобщенных названий пищи на материале бытовых текстов. Автором использовались такие методы исследования, как описательный, сравнительно-исторический, метод компонентного анализа, количественный, в качестве дополнительных – сравнительно-сопоставительный и интерпретации. Источниками материала послужили словари селькупского языка. Провести комплексный анализ позволили труды ведущих лингвистов по этимологии, фонетике и грамматике селькупского языка. В результате проведенного исследования выявлено, что общие и обобщенные названия пищи в селькупском языке восходят к глагольной основе **эм*- ‘есть’ общесамодийского периода формирования. На синхронном уровне в селькупском языке выявлено 26 диалектных вариантов общих и обобщенных названий пищи. Они обладают разными морфосинтаксическими структурами: простые непроизводные (10), простые производные (14), составные наименования (2). Рассматриваемые лексемы обладают полисемией, основанной на метонимическом переносе. От основы **эм*- ‘есть’ образованы также имена существительные (9) и составные названия (13), которые используются для обозначения предметов и явлений, напрямую или косвенно связанных с пищей. Большая часть имен существительных представлена простыми производными лексемами (7), однако выявлено одно сложное слово и одно слово, образованное посредством конверсии. Составные названия могут быть двухкомпонентными (11) или трехкомпонентными (2) и состоять из имени прилагательного или наречия и имени существительного.

Ключевые слова: обобщенные названия пищи, селькупский язык, структурно-семантический анализ, индигенный язык, полисемия

Пища является не только одним из ключевых факторов существования человека, но и элементом традиционной культуры этноса. Изучая названия продуктов питания и блюд, можно многое узнать не только о языке, но и о мировоззрении носителей культуры. Исследования названий пищи проводились учеными на основе разных языков (например, Козырева, 1984; Дмитриева, 1999; Карасёва, 2004; Малоземлина, 2009; Лагметова, 2011).

Лексический состав селькупского языка также неоднократно становился объектом изучения многих лингвистов (например, Ким, 1997; Быконя, 2011; Полякова, 2011). Однако лексика, обозначающая пищу в селькупском языке, до сих пор оставалась без должного описания. Имеется лишь одна лингвистическая работа, посвященная изучению происхождения названия соли в селькупском языке (Напольских, 2020), и этнографические исследования традиционного рациона селькупов и роль пищи в селькупской культуре (Секреты селькупской еды, 2021; Степанова, 2020, 2022).

Целью данного исследования является проведение структурно-семантического анализа общих и обобщенных названий пищи в селькупском языке. Цель определяет круг задач, соответствующий алгоритму описания лексики индигенных культур: уточнить период формирования; провести морфосинтаксический анализ; исследовать словообразовательную активность; выявить внутреннюю форму; определить способность к семантической деривации; проанализировать устойчивые словосочетания с компонентом, обозначающим общее или обобщенное название пищи; провести контекстуальный анализ общих и обобщенных названий пищи на материале бытовых текстов (Персидская, 2022: 45).

Материалом исследования послужили общие и обобщенные названия пищи селькупского языка. Источниками материала исследования послужили лексикографические источники: «Селькупско-русский диалектный словарь» (СРДС, 2005); *Sölkupisches Wörterbuch* (Alatalo, 2004); труды представителей московской лингвистической школы «Очерки по селькупскому языку: тазовский диалект» (1980, 2002). Уточнить период формирования общих и обобщенных названий пищи позволил этимологический словарь *Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien)* (Janhunen, 1977).

Цель и задачи данной работы, специфика фактического материала определили использование ряда исследовательских методов, среди которых в качестве основных можно выделить описательный, сравнительно-исторический, метод компонентного анализа, квантитативный, в качестве дополнительных – сравнительно-сопоставительный и интерпретации.

Принципы классификации названий пищи, представленные в трудах лингвистов на материале других языков, основываются на разных критериях: характер блюда; продукт, представляющий собой основу приготовления блюда; способ приготовления блюда; род блюда – так как в каждой культуре имеются свои особенности номинации пищи и блюд. В большинстве работ авторы выделяют группу лексем с названием «общие и обобщенные названия пищи» (Козырева, 1984; Дмитриева, 1999; Карасёва, 2004; Малоземлина, 2009; Лагметова, 2011), в которую входят слова, содержащие архисему «пища» и отличающиеся самой высокой степенью обобщенности (Малоземлина, 2009: 14). В предпринятом исследовании мы рассматриваем номинативные единицы данной тематической группы.

Прежде чем приступить к анализу лексических единиц, приведем краткую характеристику традиционного селькупского рациона. Из этнографических данных следует, что его основу составляла рыба. Мясо было важным питательным продуктом, но не всем и не всегда доступным в силу ряда социально-экономических и природных причин. Кроме рыбы и мяса в рацион селькупов входили растительная пища и чай – как покупной, так и из листьев местных растений или чаги. Хлеб стал постоянным продуктом на столе северных селькупов лишь в советское время. До этого селькупы вместо муки использовали порсу – истолченную до порошкообразного состояния высушенную рыбу. Из методов обработки пищи селькупам были известны варение, жарение, печение, квашение, заморозка, сушение и копчение. Соление пищи, консервирование с сахаром и выпекание пирогов с начинкой вошли в селькупский быт лишь в годы советской власти (Степанова, 2020: 127).

При проведении лингвистического анализа в селькупском языке нами выявлены простые непроездовые лексемы, обозначающие общие и обобщенные названия пищи, которые в словаре приводятся со следующими вариантами перевода: ‘еда’, ‘пища’, ‘продукты’ (СРДС, 2005). Данные лексемы представляют собой диалектные варианты: ел. *apsi*, *aps'a*, об., тым. *aps*, *apsi*, *apse* (СРДС, 2005: 9, 10, 16, 20); таз. *apsy* (Казакевич, 2002: 115). Вариант названия пищи, единый для всех диалектов селькупского языка, – **apsə* ‘еда’ Ту. *abs*, *aps* ‘питание’, ‘еда’, ТуМ *aps^o*, ТуР *āpsε*, НА *auh*, ТаУ *āpsə* ‘еда’ (Alatalo, 2004: 8). Лексема *apsy* с значением ‘еда’ обладает абсолютной частотой встречаемости, равной 16, при этом она занимает 66-е место по частоте среди других лексем (Казакевич, 2002: 115).

Согласно этимологическим данным, рассматриваемая основа восходит к общесамодийской праформе: **əmsā* ‘еда’, ‘блюдо’ (Janhunen, 1977: 15), которая в свою очередь является дериватом от общесамодийской глагольной праформы **əm-* ‘есть’ (Janhunen, 1977: 15). На синхронном уровне в селькупском языке сохранились глаголы с данной основой (при учете регулярных чередований *am ~ af ~ ab ~ au*): об., кет., тым., ел. *amgu*, тур. *amqo*, об. Ч *ambigu* ‘есть’, ‘кушать’; об. Ч *afdīmbugu*, об. Ч *abdəgu*, вас. *afđigu*, тым. *autəku* ‘кормить’ (СРДС, 2005: 14–20). Основы представленных глаголов материально совпадают с другими названиями пищи: вас. *aβ*, *afa*, *afə*; об. Ч *ab*, *abə* ‘еда’ (СРДС, 2005: 9, 10, 16, 20). В представленных диалектных вариантах наблюдается ряд регулярных чередований согласных *ap ~ ab ~ aβ ~ afa* (Dulson, 1971: 38).

Таким образом, в современном селькупском языке имеются две основные формы названия пищи, сохранившие форму названия от общесамодийской именной основы **amsā* ‘еда’ и образованные от общесамодийской глагольной основы **эм-* ‘есть’.

Выявленные нами лексемы актуализируются в следующих контекстах: вас. *mi āḃip mužəqəkaj* ‘мы еду варили’, *tab afamip faŋ meroyımbat* ‘она еду хорошо готовила’, *āram afāmip tādərjıt* ‘мой муж продукты несет’, *mi ač’am i ambam taḃešjıyadjıt afāmı* ‘наши родители (букв. отец-мой и мать-моя) покупали продукты’; об. Ч *abəp potku* ‘еду сварить’, *apsim qalimbisanət* ‘моя еда осталась’, об. Ш *tat t’elt t’ek apsjp möžešpl’el!* ‘ты днем быстро еду готовь!’, тым. *mat šoɣor čāž’ap apsem mužergu* ‘я печь топлю еду сварить’. Отметим, что примеры контекстов обских говоров чумылькуп наглядно демонстрируют сосуществование как отыменной, так и отглагольной форм названия пищи даже в пределах одной группы говоров селькупского языка.

В селькупском языке лексемы, обозначающие общие и обобщенные названия пищи, обладают полисемией и могут использоваться для обозначения конкретного вида приготовленной пищи (вас. *nel’ɣur kudən afamı kamženḃad?* ‘женщина кому суп наливала?’, об. Ч *ḃazel ab* ‘мясной суп’), разных видов приготовленного мяса (ел. *tekepij aps’a* ‘вяленое мясо’, *t’in’an apsitə* ‘налимье мясо’) и пищи, предлагаемой гостям, как жест гостеприимства (вас. *po’alžəga stol t’irək čöčəmbad afaməp* ‘старуха полный стол наставила угощения’). Для рассматриваемых лексем зафиксированы также значения ‘зерно’, ‘хлебá’. Из контекста – об. Ч *ab mužešpa* ‘хлеб зреет’, *abəlap elle qetəmbat* ‘хлебá побил (градом) – следует, что значение ‘хлебá’ применяется к растущему на поле зерну. Таким образом, второстепенные значения получены в результате метонимии, основанной на переносе от части к целому (зерно – продукт, из которого изготавливают хлеб > зерновые культуры, растущие в поле; пища > угощение) и от целого к части (пища > суп).

Выявлен другой вариант названия пищи, единый для всех диалектов селькупского языка: **apsot* ‘еда’ Са. *kajñe apsodi tänguan* ‘нет еды’; КУМ *tün apso-t* ‘картофель’, ‘земляная еда’; КМ *a-apsot*; КеО *apsot* ‘еда’ (Alatalo, 2004: 9). Среди диалектных вариантов встречаются следующие: об. Ч *apsit*, ел. *apsitə*, об. С, кет. *apsot*, об. С *absod*, *absōdi* ‘пища’, ‘еда’, ‘продукты’. Приведем примеры контекстов, актуализирующих рассматриваемые названия: об. С *mogaj absod* ‘мучная пища’, *absodi n’ueti* ‘еда вкусная’. Для лексемы **apsot* также характерны второстепенные значения – ‘семена’; ‘мясо’: об. С *paqəlpədi čöčem absodese omdəlžigu keregen* ‘паханую землю семенами засеять надо’.

Лексема **apsə* является более древней так как восходит к общесамодийскому периоду формирования. Форма обозначения пищи **apsot* образовалась от лексемы **apsə* ‘еда’ путем расширения основы с помощью основообразующего суффикса *-t*, который находится в отношениях регулярного чередования с *-d* (Сатеева, 2006: 16), что объясняет наличие разных фонетических вариантов названия в разных диалектах.

Обе представленные группы названий пищи имеют форму множественного числа, полученную путем присоединения к основе слова суффикса множественного числа *-la* (Беккер, 1995а: 54): об. Ч *abə-la*, об. С, кет. *absod-la* ‘еда’, ‘пища’, ‘хлеб с солью’. Примеры контекстов, актуализирующие данные слова, следующие: кет. *apsodla eppadjıt* ‘продукты лежат’; об. С *a tan absodlam pəntjı kedigont!* ‘а ты хлеб с солью положи в кузов!’, *sōts’ka absodlam amnat* ‘хорошую пищу съели-они’.

От лексемы об. С *absod* образованы простые производные лексемы об. С *absodimjı*, об. Ш, С *apsod’imjı* ‘пища’ ‘еда’; ‘овощи’; ‘зерно’ путем присоединения форманта *-mjı* – субстантивизирующего суффикса со значением ‘нечто’, ‘вещь’, ‘штука’ от различных частей речи (Беккер, 1995а: 38). Аналогичным способом образованы названия пищи от простой неприводной лексемы вас. *aḃ* и ее диалектных вариантов: тым. *aḃamjı*, об. Ч *aḃamjı*, вас. *afāmjı* ‘еда’, ‘продукты’. Буквальные значения лексем можно интерпретировать как ‘нечто, связанное с едой’. Рассматриваемые названия актуализируются в следующих контекстах: об. С *kužan*

ezjn arat, tabla tol'zla meβit, absodimijm iβat, madənt qβannat sjrəsku ‘когда наступила осень, они лыжи сделали, **пищу** взяли, в лес пошли промышлять’, *tamd'elapsod'imij n'uitə* ‘сегодня **еда** вкусная’, об. С *apsod'imijm natqilgu k'er'eg'eη* ‘**зерно** молотить надо’; об. Ш *qūla ogorodqand'i apsod'imijp β'es paqlēšpat* ‘люди в огороде **овощи** все убирают’.

Другой вариант простого производного названия пищи об. С *aγum* состоит из диалектного варианта основы *aβ > aγ* ‘еда’ и основообразующего суффикса *-m* (Сатеева, 2006: 20). Несмотря на то что в словаре для лексемы *aγum* зафиксировано только одно значение ‘зерно’, морфологическая структура и значения составляющих ее морфем свидетельствуют о том, что данная лексема обладает внутренним значением ‘еда’, ‘пища’. Пример контекста: об. С *aγum natqəlgu* ‘**зерно** смолотить’.

Среди простых производных названий пищи имеются и более сложные формы. Название пищи вас. *afamədə* ‘еда’, ‘продукты’ представляет собой простую производную лексему с двумя аффиксами: *afa-* ~ *aβ-* – основа со значением ‘еда’, *-mə, -də* – основообразующие суффиксы имени существительного (Сатеева, 2006: 15, 20).

В названиях об. Ш *aβirte, aβərtə* ‘еда’ прослеживается отглагольная основа. Согласно этимологическим данным от общесамодийской глагольной праформы **əm-* ‘есть’ (Janhunen, 1977: 15) происходит глагол **əmajr-* ‘есть’, ‘кормить’ (Janhunen, 1977: 15). На синхронном уровне для селькупского языка зафиксированы следующие варианты глаголов с рассматриваемой основой *aβir-*: кет. *aβirgugu* ‘есть’, ‘кушать’; кет. *aβirəgu* ‘немного поесть’ (СРДС, 2005: 11). Таким образом, названия об. Ш *aβirte, aβərtə* ‘еда’ являются отглагольными именами существительными, образованными путем добавления основообразующего суффикса имени существительного *-te* (Сатеева, 2006: 16) и обозначающими процесс приема пищи.

Компонент **əm-* ‘есть’ выделяется и в составных названиях пищи: об. Ч *abıl kaj* ‘уха’; ел. *amditij aps* ‘кушанье’ (СРДС, 2005: 14). В данных названиях первые компоненты представлены именами прилагательными: *ab-ıl, amdit-ij*, где *ab-*, *amdit-* ‘еда’, а *-ıl, -ij* – словообразовательный суффикс имени прилагательного. Получаем одинаковое значение лексем ‘съедобный’. Вторые компоненты представляют собой самостоятельные слова с определенными значениями: об., вас., тым. *kaj* ‘уха’, ‘похлебка’, ‘суп’; об., тым. *aps* ‘еда’ (СРДС, 2005: 34). Для первого составного названия об. Ч *abıl kaj* ‘уха’ восстанавливается буквальное значение ‘съедобная похлебка’, для второго ел. *amditij aps* ‘кушанье’ – ‘съедобная еда’.

Основа **əm-* ‘есть’ является центром словообразовательного гнезда, в которое входят слова, относящиеся к различным частям речи (имена существительные, составные наименования, имена прилагательные, глаголы, словосочетания, наречия, причастия настоящего и прошедшего времени, деепричастия). Значения слов, образованных от основы **əm-*, не всегда напрямую связаны с названиями пищи. В данном исследовании мы рассмотрим лишь некоторые из представленных категорий дериватов – именные (имена существительные, составные наименования, словосочетания).

Рассмотрим имена существительные – производные от основы **əm-* ‘есть’. От рассматриваемого глагола происходит простая производная лексема таз. *amtä* ‘едевание’ (Беккер, 1995а: 37). Суффикс *-tä*, выделяемый в структуре данного названия (*am-tä*), позволяет образовать имя существительное от глагольной основы **əm-* ‘есть’, на синхронном уровне – это глагол тур. *amqo* ‘съесть’ (СРДС, 2005: 15), и передает значение процесса действия. Другие примеры подобного словообразования: таз. *eniptä* ‘страх’ < таз. *eniqo* ‘бояться’, ‘страшиться’, таз. *šerä* ‘вхождение’ < таз. *šerqo* ‘входить’ (Кузнецова, 1980: 339–341).

От общесамодийской основы **əm-* ‘есть’ произошло простое производное слово об. Ч *amna* ‘голод’. Лексема об. Ч *amna* может выступать в языке не только в роли имени существительного, но и являться именем прилагательным со значением ‘голодный’, а также выступать в роли составной части именного сказуемого с аналогичным значением, например, об. Ч *table amnaη ejat* ‘они **голодные**’ (СРДС, 2005: 15). При морфологическом членении

лексемы *am-na* выделяются два компонента: первый основа *am-* ‘еда’, второй компонент *-na* материально совпадает с формантом отрицательных местоимений об. С *kaj-nj*, *kaj-ne*, *kaj-nej* ‘ничего’ (при учете регулярных чередований гласных) (Dulson, 1971: 37; Беккер, 1995а: 298; Быконя, 2014: 62), где компонент *-kaj* может функционировать в селькупском языке как вопросительное местоимение об. С, Ч *kaj* ‘какой?’ (СРДС, 2005: 34). Таким образом, внутреннее значение лексемы об. Ч *amna* ‘голод’ – ‘отсутствие пищи’.

Нами выявлены следующие простые производные лексемы об. Ч *abarmo*, об. С *aβarmo* ‘приманка’. Пример контекста, в котором актуализируются слова: об. Ч *abarmop rōnalčkbadij* ‘**приманку** сыпали-они’ (СРДС, 2005: 9). В составе лексем выделяется отглагольная основа *abar-* ~ *aβar-* ‘есть’, произошедшая от глагольной основы **amajr-* ‘есть’, с основообразующим суффиксом существительного *-mo* (Сатеева, 2006: 15, 20). Другая лексема с аналогичным значением и морфологической структурой тым. *absilmj* отличается тем, что образована от полной формы названия пищи **apsə* > *abs-*, и основообразующими суффиксами *-l* и *-mj* (Сатеева, 2006: 18; Беккер, 1995а: 38). Исходя из значений морфем, получаем внутренние значения лексем ‘пища’, ‘еда’, ‘нечто, связанное с едой’. Однако данные названия используются селькупам только для обозначения пищи как приманки во время охоты.

В словаре для тазовского диалекта и туруханского говора селькупского языка зафиксирована лексема *amyrsa* ‘деревянная миска’ (Казакевич, 2002: 115; СРДС, 2005: 15). В основу данного обозначения посуды также легла глагольная основа общесамодийского периода **amajr-* > *amyr-sa* (Janhunen, 1977: 15). На синхронном уровне для селькупского языка зафиксированы следующие варианты глаголов с рассматриваемой основой: кет. *amjrgu*, тур., ел. *amjrqo*, тур. *amjriqo* ‘есть’, ‘кушать’ (СРДС, 2005: 15). Второй элемент *-sa* представляет собой словообразовательный суффикс, с помощью которого образуются отглагольные существительные, например, Ив. *elsa* ‘жизнь’ < таз. *iljgo* ‘жить’ (Беккер, 1995а: 37). Суффикс *-s* обладает предметным значением. Следовательно, внутреннее значение лексемы *amyrsa* связано с обозначением процесса поедания пищи.

Лексема, обозначающая дневное время приема пищи, – кет. *aβiri* ‘обед’, представляет собой расширенную основу глагола **amajr-* ‘есть’, например, кет. *ezat indse kbödugad’i aβirigan* ‘отец с сыном поругались за **обедом**’ (СРДС, 2005: 11). Исходное значение лексемы *aβiri* – ‘есть’, ‘принимать пищу’.

От рассматриваемой глагольной основы **amajr-* ‘есть’ происходит дериват об. Ш *aβirgula* ‘подростки’ (СРДС, 2005: 11). При морфемном членении лексемы выделяется одна глагольная основа *aβirgu* и суффикс множественного числа – *-la* (Беккер, 1995а: 54). Из значений морфем восстанавливается буквальное значение всей лексемы – ‘прием пищи (во множественном числе)’. Так как на синхронном уровне для лексем вас. *aβ*, об. Ч *ab* присуще второстепенное значение ‘злаки’, то значение ‘подростки’ лексемы об. Ш *aβirgula* стоит понимать как обозначение не вполне развившегося растения.

Кроме того, от селькупского глагола, обозначающего процесс приема пищи, образовано одно сложное имя существительное тур. *amjrsur* ‘дикий зверь’ (СРДС, 2005: 15). При морфологическом разборе выявляем в его составе основу *amjr-* ‘есть’ и основу *sur*, которая может использоваться как самостоятельное слово, ср.: об. Ш, тур. *sur* ‘зверь’ (СРДС, 2005: 216). Таким образом, буквальное значение лексемы ‘поедать-зверь’. Полагаем, что в данном случае имеется в виду хищный зверь, так как среди составных названий находим подобные по морфологической структуре названия, однако для них зафиксированы значения ‘хищный зверь’: тур. *amtjil’ surup*, *amjrijl’ surup* (СРДС, 2005: 15). Первые компоненты и *amjrijl’* представляют собой имена прилагательные (*amt-*, *amjr-* ‘есть’, *-jl’* – суффикс имени прилагательного), второй компонент – диалектный вариант названия зверя тым., тур. *surup* (СРДС, 2005: 217). Буквальное значение наименований – ‘поедающий зверь’.

Другие составные наименования с компонентом **əməjr-* ‘есть’ обозначают различное время приема пищи, при этом рассматриваемый компонент может быть первым в составном наименовании – об. Ч *aβərgun para* ‘обеденное время’; тур. *amırqol’ apsot* ‘обед’; тур., ел. *amırsij apsot* ‘обеденная пора’ – или занимать финальную позицию – тур. *qarıt amırte* ‘завтрак’, тур. *ç’elıt amırte* ‘обед’, тур. *üdat amırte* ‘ужин’ (СРДС, 2005: 11, 15). Проведем морфологический разбор названий. Первые компоненты названий об. Ч *aβərgun para*, тур. *amırqol’ apsot* ‘обед’ и тур., ел. *amırsij apsot* являются отглагольными именами прилагательными, в которых глагольная основа *aβərgu-* ~ *amırqo-* ~ *amırsi-* получила разные варианты суффиксов имени прилагательного: *-n, -l’, -j* (СРДС, 2005: 339). На синхронном уровне имеются глаголы с данными основами: кет., об. Ч *aβərgu*; тур., ел. *amırqo*; кет. *amırgu*, ‘есть’, ‘кушать’ (СРДС, 2005: 11, 15). Компонент *para* представляет собой самостоятельное имя существительное об., вас. *par* ‘время’ (СРДС, 2005: 180), компонент *apsot* – название пищи **apsot* ‘еда’. Начальные компоненты второй группы названий тур. *qarıt amırte*, тур. *ç’elıt amırte*, тур. *üdat amırte* представляют собой самостоятельные слова, обозначающие определенное время суток – об. Ш, Ч *karıt* ‘утром’; вас. *ç’elıt* ‘днем’; об. С, Ч, вас., тым. тур. *üdat* ‘вечером’ (СРДС, 2005: 39, 264, 280). Компонент *amırte* материально совпадает с вариантом названия еды об. Ш *aβırte, aβərtə* (при учете регулярных чередований *m- ~ β-*), для которого восстановлено внутреннее значение ‘процесс приема пищи’. Получаем следующие буквальные значения составных наименований, которые приблизительно можно выразить как об. Ч *aβərgun para* ‘время для принятия пищи’, тур. *amırqol’ apsot* тур., ел. *amırsij apsot* ‘съедаемая еда’, тур. *qarıt amırte* ‘утренний прием пищи’, тур. *ç’elıt amırte* ‘дневной прием пищи’, тур. *üdat amırte* ‘вечерний прием пищи’. Названия с аналогичными морфосинтаксическими структурами присутствуют и в других самодийских языках для обозначения различного времени приема пищи: нган. *ңамсу* ‘еда’, ‘пища’ > нган. *кузуатуньде ңəьəкə* завтрак (*кузуату* ‘утро’), *дялыə ңəмəкə* ‘обед’ (*дялы* ‘день’), *кундутуньде ңəмəкə* ‘ужин’ (*кундутуньде* ‘вечер’) (Костеркина, 2001: 230, 260, 363); нен. *нғавар* ‘еда’, ‘продукты’, ‘пища’ > нен. *хувы нғавар* ‘завтрак’ (*хувы* ‘утро’), *ялей нғавар* ‘обед’ (*яля* ‘день’) (Пырерка, 1948: 83, 157); эн. *ома* ‘еда’, ‘пища’ > эн. *киuze ома* ‘завтрак’ (*киuze* ‘утро’) (Сорокина, 2001: 195).

Общее название пищи входит в составное наименование части тела: ел. *apsıt k’ad* ‘пищевод’ (СРДС, 2005: 17), где об. Ч, вас. *k’ad* ‘кишка’ (СРДС, 2005: 60). Слово сочетание ел. *apsıt k’ad* имеет буквальное значение ‘еда-кишка’.

Составное наименование, обозначающее места для выпаса скота об. Ч *abədəmbətəl çβeç* ‘пастбище’ (СРДС, 2005: 9), состоит из имени прилагательного, образованного от многократного подвида глагола об. Ч, вас. *abədəmbugu* ‘кормить’ с помощью суффикса *-əl*, и имени существительного кет. *çβeçə* ‘земля’, ‘место’ (СРДС, 2005: 278), получаем буквальное значение ‘место кормления’.

Два других составных наименования отличаются только финальными компонентами об. С *apsod’i nadərənd’i māt* ‘мельница’ и Об. С *apsod’i nadərənd’i qum* ‘мельник’ (СРДС, 2005: 17). Первый компонент рассматриваемых наименований представляет собой имя прилагательное от названия пищи **apsot* путем добавления суффикса *-i* (Беккер, 1995б: 5); второй компонент является отглагольным прилагательным, ср.: об. С *nadərəgu* ‘молоть’ (СРДС, 2005: 141); третий компонент в наименованиях представлен именами существительными: об., кет., вас., тым. *māt* ‘дом’ (СРДС, 2005: 124) и об. С, кет. *qum* ‘человек’ (СРДС, 2005: 99). Получаем буквальное значение составных наименований ‘дом, в котором мелется зерно’ и ‘человек, мелющий зерно’.

Особый интерес представляет устойчивое словосочетание, используемое в селькупском фольклоре для обозначения одного из героев, – вас. *aβ’ešpədəl rəja* ‘людоедка’ (СРДС, 2005: 10). Буквальное значение словосочетания ‘поедающая старуха’, где вас. *aβ’ešpədəl* – имя прилагательное от глагола вас. *aβ’ešpəgu* ‘есть’, ‘кушать’ (СРДС, 2005: 10); об., кет., вас., тым. *rəja* ‘старуха’ (СРДС, 2005: 184).

Итак, общие и обобщенные названия пищи в селькупском языке восходят к общесамодийской отглагольной основе *эм- 'есть'. В синхронии насчитывается 10 диалектных вариантов простых непроезводных названий: пять диалектных форм, материально совпадающих с вышеупомянутой общесамодийской глагольной основой, и пять диалектных форм, сохранивших общесамодийскую именную основу *э́мса 'еда'; 14 диалектных вариантов простых производных слов, из них 11 лексем с одним основообразующим суффиксом и три – с двумя основообразующими суффиксами. Выявлено также два составных названия пищи, состоящих из имени прилагательного и имени существительного. Кроме общих значений 'пища', 'еда', 'продукты', 'кушанье' данным лексемам присущи такие значения, как 'суп', 'хлебá', 'зерно', 'овощи', 'семена', 'мясо', то есть данные лексеммы могут использоваться для обозначения большого ряда продуктов питания и готовых блюд. Появление второстепенных значений основано на метонимическом переносе от частного к целому и наоборот. Как простые непроезводные, так и простые производные названия пищи могут использоваться в оформлении суффикса множественного числа.

Среди производных от основы *эм- 'есть' и ее деривата *э́мэ́р- 'есть' насчитывается девять имен существительных. Так, от данных основ образовано семь простых производных слов, которые могут состоять из основы и двух основообразующих суффиксов (1), основы и одного основообразующего суффикса (5), а также основы, основообразующего суффикса и суффикса множественного числа (1). Выявлено одно сложное имя существительное, являющееся дериватом от основы *э́мэ́р- 'есть', к которому присоединена основа имени существительного. Одно производное наименование произошло от глагола *э́мэ́р- 'есть' посредством конверсии. Такие названия используются для обозначения пищи для охоты, посуды, типа зверя, растения, отсутствия еды, дневного времени приема пищи.

Среди составных наименований с компонентом, обозначающим общее название пищи (13), выявлено 11 двухкомпонентных названий, семь из которых состоят из имени прилагательного и имени существительного, три – из наречия и имени существительного, одно название состоит из двух имен существительных; и два трехкомпонентных составных названия, имеющих структуру «два имени прилагательных + имя существительное». При этом компонент *эм- 'есть' идет в составе первой лексеммы (6), компонент *э́псэ 'еда' может быть как первым компонентом (3), так и вторым (3); в некоторых названиях встречается сочетание лексем и с основой *эм- 'есть', и с основой *э́псэ 'еда' (3). Составные названия с компонентами *эм- 'есть' и *э́псэ 'еда' используются для обозначения типа зверя, места выпаса скота, времени приема пищи, части тела, места, производства продукта питания и человека, производящего продукт питания, фольклорного героя.

Список сокращений:

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; нган. – нганасанский язык; нен. – ненецкий язык; об. С – обские говоры сюсюкум; об. Ч – обские говоры чумылькуп; об. Ш – обский говор шёшкун и шёшкуп; СРДС – Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Издательство ТГПУ, 2005. 348 с.; таз. – тазовский диалект; тур. – туруханский говор; тым. – тымский диалект; эн. – энецкий язык.

Литература:

- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты: в 2 ч. Ч. 1 / ред. Э. Г. Беккер. Томск: Издательство ТГПУ, 1995а. 292 с.
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Э. Г. Беккер. Томск: Издательство ТГПУ, 1995б. 284 с.
- Быконя В. В. Происхождение средств выражения категории отрицания в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 4 (145). С. 61–66.

- Быконя В. В.** Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк). Томск: Издательство ТГПУ, 2011. 236 с.
- Дмитриева С. В.** Лексика тематической группы «Питание» в народной речи в ареальном аспекте: на материале псковских говоров: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 1999. 269 с.
- Лагметова Ф. Б.** Названия традиционной пищи в гутумском диалекте лезгинского языка: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 183 с.
- Карасёва Т. В.** Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 492 с.
- Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.** Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект: в 3 т. Т. 3 / под ред. Е. А. Кузнецовой М.: Издательство МГУ, 2002. 220 с.
- Ким А. А.** Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Издательство НТЛ, 1997. 219 с.
- Козырева З. Г.** История названий продуктов питания и пищи в украинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 254 с.
- Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю., Гусев В. Ю.** Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Просвещение, 2001. 415 с.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.** Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект: в 3 т. Т. 1 / ред. В. А. Звегинцева. М.: Издательство Московского университета, 1980. 408 с.
- Малоземлина О. В.** Лексика пищи в говорах камчадалов: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 283 с.
- Напольских В. В.** Происхождение названий соли в селькупском и угорских языках // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 48–61.
- Персидская А. С.** Структурно-семантические особенности соматической лексики в индигенной лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 233 с.
- Полякова Н. В.** Вербализация концепта «земля» в селькупском и русском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 9 (11). С. 134–138.
- Пырерка А. П., Терещенко Н. М.** Русско-ненецкий словарь / ред. И. И. Мещанинов. М.: ОГИЗ, 1948. 405 с.
- Сатеева Э. В.** Основообразующие суффиксы имени существительного в селькупском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 26 с.
- Селькупско-русский диалектный словарь** / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Издательство ТГПУ, 2005. 348 с.
- Секреты селькупской еды** / отд. культуры адм. Парабельского района Томской области; авт.-сост. А. Г. Тучков; перевод текста на чумылкупский диалект селькупского языка И. А. Коробейникова; науч. ред. Л. И. Шерстова. Томск: Издательство ТГПУ, 2021. 96 с.
- Степанова О. Б.** Пища в мифологических представлениях селькупов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 2 (36). С. 149–159.
- Степанова О. Б.** Традиционная пища северных селькупов и формирование новой этничности // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 3. С. 121–130.
- Сорокина И. П., Болина Д. С.** Словарь энецко-русский и русско-энецкий: пособие для уч-ся нач. шк. СПб.: Просвещение, 2001. 311 с.
- Alatalo J.** Sölkupisches Wörterbuch. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004. 465 S.
- Dulson A.** Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. СФУ, 1971. С. 35–43.
- Janhunen J.** Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien). Helsinki, 1977. 186 p.

Персидская Анастасия Сергеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: persidskayaas@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 22 сентября 2023 г.

A. S. Persidskaya

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF COMMON AND GENERALIZED FOOD NAMES IN THE SELKUP LANGUAGE

The article presents a comprehensive study of the vocabulary of common and generalized food names in the Selkup language, which has not yet been the subject of a linguistic description. The study made it possible to identify and systematize common or generalized food names, clarify the period of their formation, carry out

a morphosyntactic analysis of the lexemes, examine their word formation activity, determine the capacity for semantic derivation, determine the internal form of complex and compound lexical units, to identify common and generalized food names and their derivatives, to analyze sentence expressions with the component denoting a common and generalized food name, to carry out a contextual analysis of common and generalized food names on the material of household texts. The author used research methods such as descriptive analysis, comparative historical analysis, component analysis, and quantitative analysis. Selkup language dictionaries served as sources for the Selkup language. The work of leading linguists on the etymology, phonetics, and grammar of the Selkup language enabled us to carry out a comprehensive analysis. As a result of the research carried out, it was found that the common and generalized names of food in the Selkup language go back to the verb stem *эм- 'to eat' from the common Samoyed period of formation. Twenty-six dialect variants of common and generalized food names were identified in the modern Selkup language. They have different morphosyntactic structures: simple non-derivatives (10), simple derivatives (14), and compound names (2). The lexemes studied have a polysemy based on metonymic transference. Nouns (9) and compound names (13) are also formed from the stem *эм- 'eat,' which denotes objects and phenomena directly or indirectly related to food. Most nouns are represented by simple derived lexemes (7), but one complex word and one word formed by transformation have been identified. Compound names can be bipartite (11) or tripartite (2), consisting of an adjective or adverb and a noun.

Keywords: *food names, Selkup language, structural and semantic analysis, vocabulary of traditional foods, indigenous language*

References:

- Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A.** Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnyje dialekty [Morphology of the Selkup language. Southern dialects]: v 2 ch. Ed. E. G. Bekker. Tomsk, Izdatel'stvo TGPU, 1995a. Part 1. 292 p. (in Russian).
- Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A.** Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnyje dialekty [Morphology of the Selkup language. Southern dialects]: in 2 ch. Ed. E. G. Bekker. Tomsk, Izdatel'stvo TGPU, 1995b. Part 2. 284 p. (in Russian).
- Bykonya V. V.** Proishozhdenije sredstv vyrazheniya kategorii otritsaniya v sel'kupskom yazyke [The origin of the means of expressing the category of negation in the Selkup language]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. No. 4 (145). Pp. 61–66 (in Russian).
- Bykonya V. V.** Sel'kupy: yazyk i kul'tura (etnolingvisticheskij ocherk) [Selkups: language and culture (ethnolinguistic essay)]: monografiya. Tomsk, Izdatel'stvo TGPU, 2011. 236 p. (in Russian).
- Dmitrieva S. V.** Leksika tematicheskoy gruppy "Pitanije" v narodnoj rechi v areal'nom aspekte: na materiale pskovskikh govorov [Vocabulary of the thematic group "Nutrition" in folk speech in the areal aspect: on the material of Pskov dialects]: dis. kand. filol. nauk. Pskov, 1999. 269 p. (in Russian).
- Lagmetova F. B.** Nazvaniya traditsyonnoj pishchi v gutumskom dialekte lezginского yazyka [Names of traditional food in the Gutum dialect of the Lezgian language]: dis. kand. filol. nauk. Makhachkala, 2011. 183 p. (in Russian).
- Karaseva T. V.** Nazvaniya pishchi v voronezhskikh govorakh: etnolingvisticheskij aspekt [Food names in Voronezh dialects: ethnolinguistic aspect]: dis. kand. filol. nauk. Voronezh, 2004. 492 p. (in Russian).
- Kazakevich O. A., Kuznetsova A. I., Khelimsky E. A.** Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskij dialekt [Essays on the Selkup language. Taz dialect]: v 3 t. Ed. E. A. Kuznetsova. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 2002. Vol. 3. 220 p. (in Russian).
- Kim A. A.** Ocherki po sel'kupskoj kul'tovoj leksike [Essays on the Selkup ceremonial vocabulary]. Tomsk, Izdatel'stvo NTL, 1997. 219 p. (in Russian).
- Kozyreva Z. G.** Istoriya nazvanij produktov pitaniya i pishchi v ukrainskom yazyke [The history of food and food names in the Ukrainian language]: dis. kand. filol. nauk. Kiev, 1984. 254 p. (in Russian).
- Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu., Gusev V. Yu.** Slovar' nganasansko-russkij i russko-nganasanskij [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2001. 415 p. (in Russian).
- Kuznetsova A. I., Khelimsky E. A., Grushkina E. V.** Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskij dialekt [Essays on the Selkup language. Taz dialect]: v 3 t. Ed. V. A. Zvegintseva. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. Vol. 1. 408 p. (in Russian).
- Malozemlina O. V.** Leksika pishchi v govorakh kamchadalov [The vocabulary of food in the dialects of the Kamchadals]: dis. kand. filol. nauk. Yaroslavl, 2009. 283 p. (in Russian).
- Napolskikh V. V.** Proiskhozhdenije nazvanij pishchi v sel'kupskom i ugorskikh yazikakh [The origin of salt names in the Selkup and Ugric languages]. Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2020. Vol. 22. No. 4 (202). P. 48–61 (in Russian).

Persidskaya A. S. Structurno-semanticheskiye osobennosti somaticheskoy leksiki v indigennoj lingvokul'ture [Structural and semantic features of somatic vocabulary in indigenous linguoculture]: dis. kand. filol. nauk. Tomsk, 2022. 233 p. (in Russian).

Polyakova N. V. Verbalization of the concept of "land" in Selkup and Russian [Verbalizatsiya kontsepta "zemlya" v sel'kupskom i russkom yazykhakh]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. Vol. 9 (11). P. 134–138.

Pyrerka A. P., Tereshchenko N. M. Russko-nenetskij slovar' [Russian-Nenets dictionary]. Ed. I. I. Meshchaninov. Moscow, OGIz, 1948. 405 p. (in Russian).

Sateeva E. V. Osnovoobrazujushchie suffiksy imeny sushchestvitel'nogo v sel'kupskom yazyke [The basic suffixes of the noun in the Selkup language]: abstr. dis. kand. filol. nauk. Tomsk, 2006. 26 p. (in Russian).

Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' [Selkup-Russian dialect dictionary]. Ed. Prof. V. V. Bykonya. Tomsk, Izdatel'stvo TGPU, 2005. 348 p. (in Russian).

Sekrety sel'kupskoj edy [Secrets of Selkup food]. Department of culture of Parabel'sky district administration of the Tomsk region; compiled by A. G. Tuchkov; translation of the text into the Chumylkup dialect of the Selkup language by I. A. Korobeynikova; scientific ed. by L. I. Sherstova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2021. 96 p. (in Russian).

Stepanova O. B. Pishcha v mifologicheskikh predstavleniyakh sel'kupov [Food in the mythological representations of the Selkups]. Tomskiy zurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2022. No. 2 (36). P. 149–159 (in Russian).

Stepanova O. B. Traditsionnaya pishcha severnykh sel'kupov i formirovaniye novoj etnichnosti [The traditional food of the northern Selkups and the formation of a new ethnicity]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. No. 3. P. 121–130 (in Russian).

Sorokina I. P., Bolina D. S. Slovar' enetsko-russkij i russko-enetskij [Enets-Russian and Russian-Enets dictionary]: posobie dlya uchashchikhsya nachal'noj shkoly. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2001. 311 p. (in Russian).

Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004. 465 p.

Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. SFU, 1971. P. 35–43.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien). Helsinki, 1977. 186 p.

Persidskaya Anastasia Sergeevna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kiyevskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: persidskayaas@tspu.edu.ru

А. Р. Тазранова

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ НАЗВАНИЯ МЕЛКОГО РОГАТОГО СКОТА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ)¹

В статье анализируются половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке и его диалектах в сопоставлении с другими тюркскими и с монгольскими языками. Рассмотрена скотоводческая лексика, которая не зафиксирована в имеющихся словарях и источниках алтайского языка. Актуальность исследования лексики животноводства тюркских языков Сибири, в частности алтайского, определяется, с одной стороны, недостаточной изученностью, с другой – тем обстоятельством, что многие лексические единицы в силу определенных социолингвистических обстоятельств архаизируются или полностью выходят из употребления, иногда заменяются заимствованиями из русского языка. Материалом для исследования послужили все имеющиеся словари по данным языкам, а также экспедиционные материалы, собранные автором во время экспедиции в места компактного проживания носителей алтайского языка в 2022–2023 гг. В ходе исследования установлено, что половозрастные названия мелкого рогатого скота алтайского языка в большинстве случаев являются общетюркскими, различия проявляются на морфофонологическом уровне; в терминах, обозначающих возраст мелкого скота, наблюдаются семантические сдвиги. Имеются также тюркско-монгольские заимствования и более поздние монгольско-тюркские. Сходство в рассматриваемой лексической подсистеме алтайского и хакасского языков, а также некоторые общие черты с монгольскими языками объясняется их ареальной близостью, одинаковыми условиями жизни кочевых народов. Лексические диалектизмы, языковые особенности появляются в ходе исторического развития каждого народа.

Ключевые слова: лексика, животноводческая лексика, тюркские языки, алтайский язык, монгольские языки, тематическая группа, сопоставительный анализ

Введение

Актуальность исследования лексики животноводства тюркских языков Сибири, в частности алтайского языка, определяется, с одной стороны, недостаточной изученностью, с другой – тем обстоятельством, что многие лексические единицы в силу определенных социолингвистических обстоятельств архаизируются или полностью выходят из употребления, иногда заменяются заимствованиями из русского языка.

Лексика, связанная с животноводством, наименования домашних и диких животных в алтайском языке еще не были объектом специального исследования. Наряду с материалом по другим тюркским языкам в «Сравнительно-исторической грамматике» И. В. Кормушин приводит некоторые названия мелкого и крупного рогатого скота в алтайском языке (Кормушин, 1997: 426–440). Они также представлены в работе Н. А. Яимовой «Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке» (Яимова, 1990). Названия мелкого и крупного рогатого скота в сопоставлении с северными диалектами содержатся в небольшом «Тематическом словаре северных диалектов алтайского языка» (2004: 117–121). Имеются отдельные статьи, отражающие данную проблематику, на теленгитском материале в связи с изучением диалектной лексики алтайского языка. В статье Н. Д. Алмадаковой рассматриваются названия крупного и мелкого рогатого скота в тёлёском (чолушманском) говоре теленгитского диалекта в сопоставлении с алтайским литературным языком (2018). Половозрастным названиям верблюдов посвящен раздел в монографии А. К. Дарыджы на материале чуйского говора теленгитского диалекта (2021).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Материал и методы

Материалом исследования послужили 1) имеющиеся словари алтайского языка: «Ойротско-русский словарь» (ОРС, 1947), «Алтайско-русский словарь» (АРС, 2018), «Русско-алтайский словарь» (РАС, 1964; 2017); 2) полевые записи, сделанные автором во время экспедиций в 2022–2023 гг. в населенных пунктах Усть-Канского, Онгудайского и Улаганского районов Республики Алтай. В результате бесед с представителями различных социальных и возрастных групп, проживающих в данных населенных пунктах, записаны на диктофон отдельные фразы, выражения, слова, связанные со скотоводческой лексикой. Материал по некоторым лексемам и их соответствиям в тюркских языках Сибири и монгольских языках также отбирался из словарей вручную методом направленной выборки. В ходе обработки полученных результатов использовались описательный, лексико-семантический и сравнительно-сопоставительный методы, в некоторых случаях – этимологический анализ, а также метод словарных дефиниций.

Результаты и обсуждение

В данной статье анализируются половозрастные названия мелкого скота на материале алтайского языка в сравнении с данными других тюркских, прежде всего саяно-алтайских, языков, а также они сопоставляются с монгольскими языками.

Для обозначения особи животного того или иного пола во всех тюркских языках к названиям животных присоединяются слова, имеющие значение ‘самец’ или ‘самка’, например, алт. *эркек* ~ хак. хак. *иргек/иргек* ‘особь мужского пола; самец’ и алт. *тижи* ~ хак. *тізі*: алт. *эркек бозу* ‘теленос-самец’, *тижи бозу* ‘теленос-самка’; хак. *иргек торбах* ‘бычок’ (ХРС, 2006: 55), *тізі пызо* ‘телка’ (ХРС, 2006: 628). За пределами Сибири для названия самки животных используются как то же слово уйг. *чиши* ~ тур., азерб. *диши*, так и каз. *ургаши* ~ кирг. *ургаачы* ~ узб. *ургочи*.

По данным Б. Бадарч, в тувинском языке и в речи цэнгэльских тувинцев, а также в тофаларском используется имя существительное *эр* ‘мужчина’ в значении ‘самец’ и *кыс* ‘девочка, женщина’ в значении ‘самка’ (2009), что сближает эти языки с монгольскими языками, ср. монг., калм. *эр* ‘самец’ (ср. монг. *эр хонь* ‘баран’); *эм* ‘самка’ (ср. монг. *эм*, калм. *эмэ*) (РКС, 1964).

В тюркских языках, в частности алтайском, для наименования новорожденного детеныша всех видов домашних животных употребляются слова с уточняющим определением, например, алт. *јаиш* ‘молодой’: *јаиш кураган* ‘новорожденный ягненок’. В ДТС слово *јаиш* используется в значении ‘грудной, младенческий’ *јаиш* 1. зеленый, молодой; 2. свежий; II. год (*о возрасте*), 2. жизнь (1964, с. 383). В тувинском языке, по данным Б. Бадарча, используются парные слова *өл-чаиш* в буквальном значении ‘мокрая слизь’, где *өл* ‘мокрый’, *чаиш* ‘слизь’; *өл-шара*, *шара* ‘слизь только что рожденного детеныша’, *чаа төрөөн* ‘только что родившийся’. Последнее сочетание употребляется и в алтайском языке: *јагы төрөгөн*. С компонентом *чаиш* ‘младенческий, грудной, младенец’ в некоторых диалектах тувинского имеются разные обозначения новорожденного детеныша: *чаиш-шара*, *ылым чаиш*, где слово *ылым* указывает на только что родившегося детеныша, сочетание *шаразы катпаан* (букв.: слизь=его еще не затвердела) (перевод наш. – А. Т.) (Даржай, 1994: 255). Наименование *ылым јаиш* используется в теленгитском диалекте алтайского языка в значении ‘совсем маленький’, ‘только что родившийся’ как по отношению к животным, так и к людям.

Слово *кой* ‘овца’ встречается не только в тюркских (ср. алт. *кой*, хак. *хой*; др.-уйг., каз., уйг., кирг., алт., ккалп., ср.-кыпч. и др. *гой*), но и в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках в ином фонетическом облике (ср. п.-монг. *qopin*, монг. *хонь*, бур. *хони*, калм. *хйн*;

эвенк. *конин*, нан. *хони(н)*, ма. *хонин*). По мнению Б. И. Татринцева, автора СИГТЯ, лексема *кой*, тюркская по происхождению, проникла в ранний период в монгольские языки (Татринцев, 2002: 234). А. М. Щербак считал, что в тюркском слове *кон(ун)* в процессе эволюции аффикс *-ун* претерпел изменения в некоторых языках или совсем исчез (Щербак, 1961: 110).

Алтайское слово *саксырга/саксарга* для наименования ягненка до двух лет встречается во многих тюркских языках Сибири, в киргизском, а также в монгольских языках. Некоторые информанты-алтайцы называют этим словом также ягненка, родившегося в ранний срок, не во время окота:

алт. *Эрте төрөгөн ойиле кураанды саксырга ла дежер* ‘Рано родившегося ягненка называют саксырга’ (ЭМА, 2022).

Ср. хак. *сахсарга* 1) ягненок раннего окота: *сахсарга тееризи* ‘шкурки ягнят раннего окота’; 2) мерлушка из шкурки полугодовалого ягненка (ХРС, 2006: 454).

То же значение обнаруживаем у цэнгэльских тувинцев: *сагсарга*, *саксырга* ‘ягненок, родившийся раньше всех’ (данные Б. Бадарч). За пределами Сибири оно встречается в башкирском: *сәскәрәбәс*, *сәскәнэй* (от слова *сәскә* ‘цветок’) ‘ягненок, родившийся весной’ (Бадарч, 2009: 10).

Ягненка, а также детенышей домашних животных, родившихся позже обычных сроков окота, например, не весной, а осенью, по-алтайски называют *кеңје*. Это слово приведено в «Алтайско-русском словаре» (АРС) в двух значениях: 1. 1) младший: *кеңје бала* ‘младший ребенок в семье, последыш’; 2) хилый, недоразвитый: *кеңје кураан* ‘хилый ягненок (родившийся поздно осенью)’. 2. В знач. сущ. недоросль, заморыш, маленький ростом (АРС, 2018: 311), но многие респонденты алтайского моложе 50 лет этого слова не знают и не используют в речи. Б. Бадарч отмечает аналогичное значение у слова *кенче* в речи цэнгэльских тувинцев.

В речи алтайцев Усть-Канского района есть специальное слово *көрбө* (полугодовалый ягненок) для наименования ягнят, родившихся зимой. А для обозначения только что родившегося ягненка употребляют лексему *борлон* ‘новорожденный ягненок’. В языке теленгитов ягненка и козленка от трех до пяти месяцев называют словом *чарбак*. Эти лексемы не зафиксированы в имеющихся словарях по алтайскому языку, и аналогов им в тюркских языках Сибири на данный момент нами не обнаружено.

По данным наших экспедиционных материалов 2022 г., для наименования ягнят, не достигших двух лет, в алтайском используется лексема *тогду*, которая не зафиксирована в «Алтайско-русском словаре» 2018 г.: *тогду кой* ‘ягненок до двух лет’. Это слово является тюркским по происхождению и в данном значении обнаруживается во многих тюркских языках: *toqly – toxly – tokly* (см.: Бадарч со ссылкой на (Цэцэгдарь, 2003: 158)).

Из языков Сибири *тогду* встречается в тувинском и используется в нем только для наименования самок-ягнят, для самцов-ягнят имеется лексема *төлеге* ‘двухгодовалый барашек’. В хакасском *төлеге* обозначает молодую самку овцы (*после года, полугодовалую*): *төлеге хой* ‘молодая, неягнившаяся овца’ (ХРС, 2006: 661).

Недоношенные детеныши называются в алтайском словом *ара*, которое в данном значении не отражено в АРС 2018 г.: *ара чыккан кураган* ‘недоношенный ягненок’ (ЭМА, 2023).

Для половозрастного различения названий овец в алтайском языке используются наименования *шүдеен кой* ‘двухлетняя овца’ (ЭМА, 2022); *кунан кой* ‘трехлетняя овца’, а в теленгитском ‘годовалая овца’; *төнөн кой* ‘четырёхлетняя овца’, в теленгитском – ‘двухгодовалая и трехлетняя’; *жоон кой* ‘пяти- или шестилетняя овца’, *карган кой* ‘овца, старше шести лет’ (букв.: старая овца). Из перечисленных лексем в настоящее время слово *шүдеен* уже выходит из употребления. Эту лексему знают респонденты старшего поколения, и то не все.

Имеются общие тюркско-монгольские названия овец. Так, общим является слово, обозначающее детеныша: алт. *кураган* ~ тув., тоф. *хураган хураан/хураган*, хак. *хураган* ‘ягненок’. Этимологи считают данное слово монголизмом (ср. п.-монг. *qurıγan*, бур. *хурьга(н)*, монг. *хурга(н)*, калм. *хурһн*) (Щербак, 1997: 110), заимствованным ранее в монгольские языки из тюрк-

ских. В казахском *kozy*, а в монгольском ротацизм, поэтому вместо *з* возник *р*. Позже это слово, уже в новом, монгольском облике вернулось в сибирские языки.

Для наименования барана-производителя в алтайском используется слово *куча*, которое встречается и в других тюркских языках: ср. тув. *кужа/гужа/куъжа* (ТРС, 1968: 262; Сат, 1993: 12; Баярсайхан, 2009: 7); шор. *куча*, хак. *хуча* ‘баран’, кирг. *куча* ‘ягненок-сосунок (самец)’, а также в монгольском п.-монг. *қица*, монг. *хуц* ‘баран’. Кроме того, в тувинском имеется лексема *кошкар* (ТРС, 1968: 253). По мнению И. В. Кормушина, ‘*қица*... восходит к тюрк. *коч* ‘баран’: тюрк. *кочкор* ... ‘самец овцы, баран производитель’ (СИГТЯ, 1997: 432–433).

По поводу этимологии этого слова имеются разные точки зрения: И. В. Кормушин, А. М. Щербак считают его тюркизмом (СИГТЯ: 432–433), В. И. Рассадин – монголизмом (Рассадин, 1980: 43).

В алтайском *кочкор* ‘дикий каменный баран’, ‘баран-производитель’ обозначает также месяц февраль – *кочкор ай* (АРС, 2018: 362). По данным Б. Бадарча, такие значения характерны и для цэнгэльских тувинцев. В хакасском *хосхар* ‘горный козел (самец)’; ‘апрель’ (ХРС, 2006: 853–854).

Для наименования кастрированного или холощенного валуха алтайцы используют слово *ирик*. Оно встречается в тюркских и монгольских языках: хак. *ірік* ~ тоф. *иърт* ~ тув. *ирт* ‘валух’, ср. др.-тюрк. *irk* ‘овца по четвертому году’; монг. *ирэг*, калм. *ирге*, бур. *эрье* ‘валух’.

Из языков Сибири только в тувинском это слово используется для обозначения различий по характеристикам особей. Интересные сведения находим в работе Б. Бадарч: *кунан ирт*, *дөнен ирт*, *чоон ирт*, *чедишкен чоон ирт*: по упитанности – *колдукка чедер ирт* (букв. валух до подмышки), *колдук дөзү ирт* (букв.: валух до корня подмышки). Для обозначения пятилетнего, неупитанного валуха употребляют слово *хой*, т. е. овечка (Бадарч, 2009).

Таблица 1

Половозрастное название овец²

Возраст/ половая функция	Алтайский язык	Другие диалекты алтайского языка	Тувинский язык, в т. ч. цэнгэльский говор (данные Б. Бадарч)	Тюркские языки	Монгольский язык
‘новорожденная овца’	<i>јаш кураган</i> , <i>јангы чыккан кураган</i>	<i>ылым јаш</i> (теленг.)		хак., тоф. <i>xurakan</i>	(нялх) <i>хурга</i>
‘рожденная позже обычных сроков’	<i>кеңје</i> ³	<i>кеңје</i> (носители усть-канского говора) <i>кеңјә</i> (теленг)	<i>кыс кенче хураан</i> ; <i>сагсарга</i> , <i>саксырга</i> (ягнят, родившихся раньше обычных сроков); <i>марга</i> (недоношенный ягненок); <i>хенче хураган</i> , <i>дөтте</i> (овца, которая поздно родила)	д.-тюрк. <i>кепс</i> ; башк. <i>сәскәрәбәс</i> , <i>сәскәнәй</i> (ягнят, родившихся весной); кирг. <i>марка</i> ‘поздний ягненок’, каз. <i>марқа</i> ‘ягненок раннего окота;	монг. <i>хэнз хурга</i> ; калм. <i>марха</i> ‘недоношенный ягненок’

² Данные по тувинскому и монгольским языкам взяты из работы Б. Бадарча (2009).

³ Хотя это слово в литературном языке имеется, но функционирует в другом значении: ягненок или любой детеныш животного, родившийся слабым, вялым.

				ранний приплод (животных)', к.-калп. <i>марқа</i> 'полугодовой ягненок', ног. <i>марка</i> 'ранний приплод; первый, первенец'	
'годовалая'	<i>тижи кураган</i>	<i>саксарга/ саксырга тижги кураган</i>	<i>хураан; доруккан</i> (1–3 мес.); <i>дөтпе</i> (4–6 мес.); <i>тогду; хунан хураган</i> ⁴		<i>хурга</i>
'ягненок до двух лет'	–	<i>тогду кой</i>	–	–	–
'двухгодовалая'	<i>былтыргы кураган</i>	<i>шүдөөн кой</i>	<i>шилеге, хунан хураган; шилеге</i>	хак. <i>төлөгө</i> ; общ. тюрк. <i>tokлы, toxлы, tokлы</i>	<i>төлөг, зусаг</i>
'трехлетняя'	<i>кунан кой</i>	<i>хунан хой кунан кой</i>	<i>дөнен хураган); дөнен хой; дунгуш хой</i> (трехлетн. первородящая); <i>тунгуш</i>	д.-тюрк. <i>koj</i> ; хак. <i>хој</i> ; др.-уйг., каз., уйг., кирг., алт., ккалп. <i>koj</i>	<i>шүдлэн хонь</i>
'четырёхлетняя'	<i>төнөн кой</i>	<i>төнөн кой</i>	<i>дөнен хой дунгуш хой; тунгуш хой</i> (первородящая (об овце))		<i>хязаалан хонь</i>
'пятилетняя'	<i>беш јашту кой/жоон кой</i>	<i>беш јашту кой /жоон кой</i>	<i>чоон хой, беитиг хой беш харлыг хой</i>		<i>соёолон хонь</i>
'шестилетняя'	<i>алты јашту кой/жоон кой</i>	<i>алты јашту кой жоон кой</i>	<i>алды чаптыг хой, чедшикен (четкен) чоон хой алды харлыг хой</i>		<i>зургаан настай хонь</i>
'семилетняя'	<i>јети јашту кой/жоон кой</i>	<i>јети јашту кой жоон кой</i>	<i>чедилиг хой, чеди чаптыг хой чеди харлыг хой</i>		<i>долоон настай хонь</i>
'старая'	<i>карган кой</i>	<i>карган кой</i>	<i>кырган хой</i>	д.-тюрк. <i>kirya</i>	<i>хөгшин хонь</i>
'овцематка'	<i>боос кой</i>	<i>боос кой</i>	<i>поос хой / боос хой</i>	д.-тюрк. <i>boγaz</i> ; <i>богаз, богуз, бооз</i>	<i>хээлтэй хонь</i>
'яловая'	<i>субай кой</i>		<i>кызыр хой, сувай хой</i>	общ. тюрк. <i>кысыр, кызьыр</i>	<i>хээлгүй хонь</i>
'недоношенная'	<i>ара</i>	<i>јетпес</i>			
'бесплодная'		<i>эремик эрәмик</i>			

⁴ В диалектах тувинского языка употребляются разные лексемы.

Половозрастное название баранов

Возраст/ половая функция	Алтайский язык	Другие диалекты алтайского языка	Тувинский язык и другие диалекты тувинского языка	Тюркские языки	Монгольский язык
‘новорожден- ный’	<i>эркек кураган</i>	<i>эркек кураган/ кураан</i>	<i>эр чаи хураан, өл-шара хураган, чаа төрээн эр хураган ылым чаи; чаи- шара, ылым чаи, шаразы катпаан</i>	хак., тоф. <i>xurakan</i>	<i>(нялх) хурга</i>
‘рожденный позже обычных сроков’		<i>Кенје</i>	<i>эр кенче хураан, хенче хураган, дөтпе (орай төрээн) саксырга (эрте төрээн) доруккан (1–3 мес.); дөтпе (элээн каш ай чеде берген); төтпе; күскүлек; часкылак (родившийся весной)</i>	д.-тюрк. <i>kenç</i>	<i>хэнз хурга дахлай (поздний козленок, родившийся в конце лета), хөхүй хурга (родившийся зимой)</i>
‘годовалый’	<i>саксарга</i>	<i>Саксырга</i>	<i>эр хураан/ эр хураган хураан; хунан кош- каржыгаи; дөтпе; хунан иртчигеш, төтпе; төлеге; хурган</i>		<i>эр хурга, хурган хуц</i>
‘двух- годовалый’	<i>ирик</i>	<i>Ирик</i>	<i>төлеге, тогду дөнен хурагын; ши- леге, хунан ирт; дөнен, шилеги; хогду</i>	хак. <i>төлөгө</i> ; общ. тюрк. <i>tokly, toxly, tokly</i>	<i>төлөг</i>
‘трехлетний’	<i>куча</i>	<i>куча</i>	<i>кунан ирт, хунан кошкар; кужа; куъжа; дөнен кошкар (ч. хол.); кошкаржыгаи, улуг кошкар; ирт- чигеш, дөнен ирт (2–3-летн.)</i>	алт. <i>куча</i> , шор. <i>куча</i> , хак. <i>хуча</i> , кирг. <i>куча</i>	<i>шүдлэн хуц, шүдлэн ирэг</i>
‘четырёх- летний’	<i>төрт јашту куча</i>	<i>Төрт јашту куча</i>	<i>дөнен гужа; кошкар; дөнен ирт/улуг кошкар; ирт; төнен ирт</i>		<i>хязаалан хуц; ирэг</i>

‘пятилетний’	<i>беш јашту куча</i>	<i>беш јашту куча</i>	<i>гужа; ирт, чоон ирт беш харлыг кошкар; беш харлыг ирт, улуг ирт, чедишкен ирт</i>		<i>соёолон хуц; соёолон ирэг</i>
‘шестилетний’	<i>алты јашту куча</i>	<i>алты јашту куча</i>	<i>алды чаштыг гужа, чедишкен (четкен) чоон гужа; чедишкен чоон ирт, алды чаштыг ирт; алды харлыг кошкар; алды харлыг ирт, чедишкен ирт</i>		<i>гүйцсэн том хуц; гүйцсэн ирэг</i>
‘семилетний’	<i>јети јашту куча</i>	<i>јети јашту куча</i>	<i>чедилиг гужа, чеди чаштыг гужа; чеди чаштыг ирт, чедилиг ирт; чеди харлыг кошкар; чеди харлыг ирт</i>		<i>долоон настай хуц; долоон настай ирэг</i>
‘старый’	<i>карган куча</i>	<i>карган, караан</i>	<i>П) кырган гужа; (К) кырган ирт (П) кырган (К) кошкар; кырган ирт</i>	<i>д.-тюрк. kırğa</i>	<i>хөгшин хуц; хөгшин ирэг</i>
‘производитель’	<i>куча</i>	<i>куча</i>	<i>Хуча, кошкар</i>	<i>шор. куча, хак. хуча, кирг. куча</i>	<i>хуц</i>
‘кастриро- ванный’	<i>кезип салган, арчып салган</i>	<i>Бөрәктән салган</i>	<i>хой, ирт</i>	<i>д.-тюрк. irk</i>	<i>хонь, ирэг</i>

Заключение

Таким образом, анализ вышеприведенных скотоводческих терминов половозрастных названий мелкого рогатого скота на примере таких наименований для овец показывает, из 15 рассмотренных терминов семь лексем являются общетюркскими; различия имеются на морфофонологическом уровне; в терминах, обозначающих возраст мелкого скота, наблюдается семантический сдвиг; имеются заимствования из монгольских языков в тюркские, из тюркских – в монгольские, например, у лексемы *куча* этимология до сих пор остается спорной. Тюркские и монгольские народы Сибири считаются классическими кочевыми скотоводами, разводящими основные виды скота: лошадей, коров, овец, коз и верблюдов. Тесные контакты некоторых тюркских народов Сибири, прежде всего тувинцев и тофаларов, а также части алтайцев (теленгитов) с монголами не могли не отразиться в лексике животноводства. Лексические диалектизмы, языковые особенности появляются в ходе исторического развития каждого народа.

Из рассмотренных лексем шесть лексем не зафиксированы в имеющихся словарях алтайского языка, данные лексем выходят из активного словарного состава носителей.

Список сокращений:

алт. – алтайский, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, каз. – казахский, калм. – калмыцкий, кирг. – киргизский, монг. – монгольский, п.-монг. – письменно-монгольский,

теленг. – теленгитский диалект алтайского языка, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, хак. – хакасский, цэнг. – цэнгэльский говор тувинского языка, якут. – якутский.

Источники:

- АРС, 2018** – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.
ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь / АН СССР. Институт языкознания. Л.: Наука, 1969. 676 с.
КРС, 1985 – Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк. Т. II. Л–Я. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 475 с.
URL: <https://sozdik.kz>
ОРС, 1947 – Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1947.
РАС, 1964 – Русско-алтайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М., Советская энциклопедия, 1964. 875 с.
РАС, 2017 – Русско-алтайский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2017.
ТРС, 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
ХРС, 2006 – Хакасско-русский словарь / под общей ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: 1974, 1978.
ЭМА – экспедиционные материалы автора.

Литература:

- Алмадакова Н. Д.** Названия крупного и мелкого рогатого скота в телёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 7–15.
Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.
Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.
Дарыджы А. К. Говоры теленгитского диалекта алтайского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 304 с.
Кормушин И. В. Животноводство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. С. 424–448.
Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. 357 с.
Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир / под ред. Э. Ф. Ишбердина. Уфа, 2000. 185 с.
Рассадин В. И. О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Ученые записки ЗабГГПУ. Филология, история, востоковедение. 2009. С. 157–164.
Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 83–90.
Сарыкай М. Х. Некоторые итоги диалектической экспедиции в Пий-Хемском районе // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XIII. Кызыл, 1968. С. 289–304.
Сат Ш. Ч. Тыва диалектология. Кызыл, 1987.
Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. II. Новосибирск, 2002.
Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172.
Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, образительные слова. Л.: Наука, 1987. 152 с.
Яимова Н. А. Наименования лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 225–229.

Тазранова Алена Робертовна.
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: atazranova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23 октября 2023 г.

A. R. Tazranova

GENDER AND AGE DESIGNATIONS OF SMALL LIVESTOCK IN THE LANGUAGES OF ALTAI, KHAKASS, AND MONGOLIA⁵

The article analyzes the system of livestock vocabulary, i.e., the gender and age designations of small livestock, based on the material of the Altai language and its dialects in comparison with a similar system of other Siberian and Mongolian Turkic languages. All available dictionaries for these languages, as well as expedition materials collected by the author during an expedition to places of compact residence of native speakers of the Altai language in 2022–2023, served as material for the study. The analysis of the livestock as mentioned above terms for the gender and age designations of small livestock using the example of sheep shows that many terms are common in Turkic; there are differences at the morphophonological level; there is a semantic shift in the terms denoting the age of small livestock; borrowings from Mongolian languages, all this is explained by spatial proximity. The Turkic peoples of Siberia are considered to be classic nomadic cattle breeders who raise the most important types of livestock: Horses, cows, sheep, goats, and camels. The Turks of Siberia have always been in close contact with the Mongols, and some peoples, such as the Tuvans and the Altai, have been part of the Mongolian state for many years. The Tuvinians and the Tofalars have lived and continue to live in constant contact with Mongolian-speaking tribes, which has inevitably left traces in the livestock vocabulary of these peoples. Lexical dialectisms and linguistic peculiarities occur during the historical development of the individual peoples.

Of the lexemes studied, five are not listed in the available dictionaries of the Altai language; these lexemes come from the active vocabulary of the native speakers..

Keywords: *vocabulary, animal husbandry vocabulary, Turkic languages, Altai language, Mongolian languages, thematic group, comparative analysis*

Dictionaries:

ARS 2018 – Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018 (in Russian).

RAS 1964 – Russko-altajskiy slovar' [Russian-Altai dictionary]. Pod redakciey N. A. Baskakova. M., Sovetskaja enciklopediya, 1964. 875 p. (in Russian).

RAS 2017 – Russko-altajskiy slovar' [Russian-Altai dictionary]. Pod redakciey A. E. Chumakaeva. Gorno-Altaysk, 2017 (in Russian).

BRS 2008 – Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian dictionary]. Eds. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M., 2008 (in Russian). URL: www.monumenta.altai.ru

DTS – Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic dictionary]. Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds). LenIngrad, Nauka, 1969, 678 p. (in Russian).

HRS 2006 – Hakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Ed. by O.V. Subrakova. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p. (in Russian).

ESTYa 1974 – Etimologicheskiy slovar' tyurkskih yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. M.: 1974, 1978 (in Russian).

KRS 1985 – Kirgizsko-russkiy slovar'. Kyrgyzcha-oruscha sөzdүk [Kyrgyz-russian dictionary]. Vol. II. L–Ya. M.: Sov. entsikl. 1985. 475 p. (in Russian).

TRS 1968 – Tuvlnsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Tenishev E. R. (ed.). Moskva: Sov. entsikl., 1968, 648 p. (in Russian).

References:

Almadakova N. D. Nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v tyoloskom (cholushmanskом) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Names of cattle and livestock in the Tyolos (Cholushman) voice of the Ulagan dialect in the Telengit language (in the comparative aspect)]. Voprosy dialektologii [Problems of Dialectology]. No. 1–2. P. 7–15 (in Russian).

⁵ The article was prepared with the financial support of the Russian National Fund according to project No. 22-18-00060 "Study of the Turkic and Mongolian vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect".

- Darydzy A. K.** Govory telengitskogo dialekta altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri) [Dialects of the Telengit dialect of the Altai language (In comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)]. PhD in Philological sci. diss. Novosibirsk (in Russian).
- Badarch B.** Leksika zhivotnovodstva v cengel'skom dialekte tuvlnskogo yazyka: v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [[Animal husbandry vocabulary In the Tsengel dialect of the Tuvan language: a comparative aspect]. Avtoref. diss... kand. filol. nauk [Thesis of the Candidate of Philological Sciences Dissertation]. Novosibirsk, 2009. 26 p. (in Russian)
- Kormushln I. V.** Zhivotnovodstvo [Animal husbandry]. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskix yazykov. Leksika. [Animal husbandry // Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka, 1997. P. 424–448 (in Russian).
- Musaev K. M.** Leksika tyurkskix yazykov v sravnitel'nom osveshchenii [Vocabulary of Turkic languages in comparative perspective]. Moscow: Nauka, 1975. 357 p. (In Russian).
- Nadergulov U. F.** Zhivotnovodcheskaya leksika bashkir [Animal husbandry vocabulary of the Bashkir]. Ed. by E.G. Ishberdin]. Ufa, 2000. 185 p. (In Russian).
- Rassadin V. I.** O tyurkskom vliyani na slozhenie kompleksa skotovodcheskoj leksiki mongol'skix yazykov [On Turkic Influence on formation of animal husbandry vocabulary of Mongolic languages]. Uchenye zapiski ZabGGPU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientific notes of ZabGGPU. Philology, history, Oriental studies]. 2009. P. 157–164 (in Russian).
- Rassadin V. I.** Skotovodcheskaya leksika kalmyckogo yazyka v sravnenii s turecko-meskhetinskoj [Kalmyk animal husbandry vocabulary compared to Turkish Meskhetian]. Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta [Bulletin of the Buryat State University]. Ulan-Ude, 2011. No. 8. P. 83–90 (in Russian).
- Tatarincev B. I.** Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [Etymological Dictionary of the Tuvan language]. Vol. II. Novosibirsk. 2002 (in Russian).
- Sadykova Z. R.** Zoonimicheskaya leksika tatarskogo yazyka [Zoonymic vocabulary of Tatar]. Kazan' 1994 (in Russian).
- SIGTYA L** – Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskix yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. Moscow: Nauka, 1997. 822 p. (in Russian)
- Shcherbak A. M.** Nazvaniya domashnih i dikih zhivotnyh v tyurkskix yazykah [Names of domesticated and wild animals In Turkic languages]. Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskix yazykov [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, 1961. P. 82–172 (in Russian).
- Shcherbak A. M.** Ocherki po sravnitel'noj morfologii tyurkskix yazykov: narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova [Essays on comparative morphology of Turkic languages: adverb, functors, words with figurative meaning]. Leningrad: Nauka, 1987. 152 p. (in Russian)
- Yaimova N. A.** Naimenovaniya loshadi v altajskom yazyke [Naming of horse In Altai]. Teoreticheskie voprosy altajskoj grammatiki [Theoretical questions of Altai grammar]. Gorno-Altajsk, 2002. P. 225–229 (in Russian).

Tazranova Alena Robertovna.
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.
Institute of Philology SB RAS.
Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: atazranova@mail.ru

Е. В. Филимонова

ЦЕПОЧЕЧНЫЙ РЕЦИПРОК В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена исследованию средств выражения цепочечного реципрока в русском жестовом языке. Типологические исследования реципрока показывают, что цепочечное значение может выражаться тем же показателем, что и прототипическое значение реципрока, а может передаваться специальным показателем. Русский жестовый язык, будучи языком, использующим визуальную модальность, может иметь специфические средства выражения данного значения, отличающиеся от способов выражения прототипического реципрока. Существующие исследования цепочечного реципрока в жестовых языках показывают, что для изображения цепочечных ситуаций активно используются классификаторные конструкции – морфологически сложные жесты, которые, по мнению некоторых исследователей, совмещают в себе лингвистический элемент и элементы жестикуляции. Следовательно, можно предположить, что семантика цепочечного реципрока будет выражаться в жестовых языках гораздо более подробно и иконично, чем в звуковых. Исследование проводилось с помощью корпусного метода и метода элицитации. Результаты исследования показали, что для обозначения пространственных цепочечных ситуаций в русском жестовом языке используется три типа классификаторных конструкций, которые применимы к более чем 15 классификаторным жестам, а также сочетания классификаторных конструкций, расположенные в строгом порядке. Рассматриваемые конструкции изображают процесс появления цепочки, факт ее существования в готовом виде и движение цепочки. При этом не все компоненты полученных классификаторных конструкций имеют свойство обязательности и системности, что ставит под сомнение их лингвистический статус. Обязательным для цепочечных конструкций является взаиморасположение ведущей и вспомогательной руки, а также траекторное движение, осуществляемое от начала к концу цепочки. Дополнительно, с помощью наличия/отсутствия редупликации, может передавать целостность/дискретность цепочки объектов. Вторичное движение и ориентация, передающие особенности, характер движения или конкретных объектов, обнаруживают значительную вариативность и высокую иконичность у разных информантов, а также необязательность. Это позволяет предположить, что данные характеристики могут относиться к изобразительному, жестикуляционному элементу классификаторных конструкций.

Ключевые слова: русский жестовый язык, реципрок, цепочечный реципрок, классификаторы, классификаторные конструкции, ведущая рука, вспомогательная рука, редупликация, конфигурация, движение, ориентация

Цепочечный реципрок: определение и способы выражения

Значение цепочечного реципрока рассматривается в работах С. Кеммер (Kemmer, 1993), Ф. Лихтенберка (Lichtenberk, 1985), Е. Масловой (Maslova, 1999), А. Архипова (Архипов, 2005), А. Летучего (Летучий, 2009). Цепочечный реципрок трактуется как один из «слабых» видов реципрокальных отношений. «Сильный», или прототипический, реципрок подразумевает, что участники ситуации находятся в симметричных отношениях, выполняя по две роли – и объекта, и субъекта – по отношению к одному и тому же участнику ситуации. В «слабых» реципрокальных отношениях это правило может нарушаться: например, при хаотическом значении реципрока (*люди в автобусе толкают друг друга*) участник ситуации может выполнять только одну роль или вообще никакой, а при цепочечном реципроке первый и последний участник ситуации выполняют по одной роли, а остальные по две, но по отношению к разным участникам ситуации: в ситуации *Машины ехали друг за другом* второй член цепочки является субъектом по отношению к первому, но объектом по отношению к третьему.

Средства выражения цепочечного реципрока изучались в ряде звуковых языков. Цепочечный реципрок может выражаться либо показателем прототипического реципрока (в русском звуковом (Летучий, 2009), в языке миан (Fedden, 2013)), либо другим показателем: так,

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект No FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

в языке нелемва префикс *pe* берет на себя функции показателя цепочечного реципрока, дистрибутива и интенсивности, в фиджийском языке префикс *vei* в сочетании с детранзитивным суффиксом *vi* выражает значения цепочечного реципрока и действия, осуществляемого по очереди, в языке амис префикс *mal(a)* используется для обозначения собирательных и реципрокальных ситуаций, которые воспринимаются как единое целое, тогда как префикс *ma-Sa* используется для реципрокальных ситуаций, состоящих из микроситуаций: цепочный реципрок, ситуации, осуществляемые по очереди (Bril, 2019).

Цепочечный реципрок в жестовых языках

Средства выражения цепочечного реципрока изучались в германском и индопакистанском жестовых языках – и в том, и в другом языке для обозначения таких ситуаций используются классификаторные конструкции.

Жесты-классификаторы в жестовых языках – это морфологически сложные жесты, которые обозначают не конкретный объект, а класс объектов (например, жест с конфигурацией «О» может обозначать любой круглый плоский предмет – монету, пуговицу, лужу, летающую тарелку). Каждый параметр² таких жестов является значимым, указывая на особенности формы, направление и характер движения, а также расположение объекта по отношению к другим. Считается, что количество потенциальных классификаторных конструкций не ограничено: они иконически отображают характеристики конкретной ситуации. Классификаторные жесты относят к периферийным элементам лексики жестовых языков, так как, по мнению некоторых исследователей, имеют одновременно признаки языковой единицы и жестикуляции, которая сопровождает звуковую речь (Liddel, 2003). В исследовании (Schembri, Jones, Burnham, 2005) анализируется следующий эксперимент: глухим и слышащим было предложено описать одни и те же видеоклипы – на жестовом языке или с использованием жестикуляции соответственно. Результаты эксперимента показали, что различия в описании наиболее всего проявляются в параметре конфигурации; такие параметры, как движение и ориентация, демонстрируют значительное сходство в классификаторных жестах глухих и в жестикуляции слышащих информантов. С помощью классификаторов обычно описываются ситуации, связанные с пространством и движением. Т. Суппала на основе отсутствия/наличия в структуре жеста движения выделяет три пропозиции, обозначаемые классификаторами: существования (нет движения), расположения (взаимное расположение рук) и движения (движение рук) (Supalla, 1986).

Согласно исследованию Р. Пфау и М. Штайнбаха, в германском жестовом языке для обозначения цепочечных ситуаций используется редупликация со смещением руки (*sequential reduplication*), которая выполняется либо доминантной рукой, либо двумя руками поочередно; также может использоваться движение в сторону, выполняемое одной или двумя руками (Pfau, Steinbach, 2010). У. Зешан и С. Панда, исследующие реципрок в индопакистанском жестовом языке, отмечают использование классификатора PERSON ‘человек’ (Zeshan, Panda, 2011).

Учитывая высокую иконичность жестовых языков и возможность использовать трехмерное пространство, можно ожидать, что в русском жестовом языке (РЖЯ) цепочечные ситуации могут иметь более широкий круг способов выражения, которые будут отличаться иконичностью и характеризовать ситуацию более подробно, чем в звуковых языках. Кроме того, принимая во внимание гипотезу о классификаторных жестах как являющихся и языковой единицей, и жестикуляцией одновременно, данное исследование может быть полезно с точки

² Каждый жест состоит из параметров, или компонентов, жеста – конфигурации, локализации, движения, ориентации, которые могут выполнять функции фонем или морфем.

зрения изучения того, какие элементы классификаторных конструкций являются лингвистическими, а какие принадлежат к области жестикуляции.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили и данные корпуса текстов русского жестового языка (Буркова, 2015), и данные элицитации, полученные от пяти информантов в Москве и Новосибирске (один слабослышащий, три глухих и один CODA³). В качестве стимулов использовались картинки, изображающие различные цепочечные ситуации. Всего было проанализировано 84 высказывания со 116 цепочечными классификаторными конструкциями.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что значение цепочечного реципрока в русском жестовом языке выражается особыми средствами, не совпадающими с показателями прототипического реципрока. «Сильные» реципрокальные значения в РЖЯ выражаются с помощью зеркальной ориентации рук и инверсивного движения от одного участника к другому, совмещенных с разными типами редупликации (Филимонова, 2022). Для выражения значения цепочечного реципрока в РЖЯ, как и в других жестовых языках, используются классификаторные конструкции. Выбор и использование классификаторов отличаются свойственной им вариативностью, однако, несмотря на это, анализ полученных конструкций позволил выявить закономерности и обязательные элементы в обозначении цепочечных ситуаций.

Типы классификаторных конструкций

Для обозначения цепочечного реципрока используются три типа классификаторных конструкций. Первая из них характеризуется тем, что руки меняют положение по очереди, занимая место над/за другой рукой, иконически передавая процесс возникновения цепочки. Например, в (1) так изображается пирамида из камней: говорящий располагает руки в конфигурации «500»⁴ (небольшой круглый предмет) друг над другом несколько раз (рис. 1). В (2) конструкция употребляется для изображения горизонтальной цепочки: руки смещаются друг за друга, показывая, как растет количество собак, следующих за девушкой с собачкой.

- (1) КАМЕНЬ РАЗНЫЙ CLF:КРУГЛЫЙ.ПРЕДМЕТ:DISTR INDX CLF:КРУГЛЫЙ.ПРЕДМЕТ ДВА:ORD INDX
CLF:КРУГЛЫЙ.ПРЕДМЕТ:CHAIN1
'Там лежат разные камни, а тут камень, на нем второй камень, камни лежат друг на друге'.
- (2) ЧЕЛОВЕК:ДВА= CLF:СЛЕДОВАТЬ CLF:СЛЕДОВАТЬ:CHAIN1
'За ними (женщиной и собачкой) собирается толпа собак (букв. присоединяется еще один, потом еще один, потом еще один)'.

Второй тип конструкции выглядит так: одна рука остается на месте, обозначая начало цепочки, в то время как вторая движется к концу цепочки. Например, в (3) так с помощью конфигурации «В» (плоский предмет) обозначается стопка книг (рис. 2).

- (3) КНИГА CLF:ПЛОСКИЙ.ПРЕДМЕТ:CHAIN2
'Стопка книг'.

³ CODA – слышащие дети глухих родителей (children of deaf parents).

⁴ Конфигурации руки обозначаются по буквам дактильного алфавита РЖЯ и числам.



Рис. 1. Классификатор «500» (небольшой круглый предмет) в конструкции первого типа



Рис. 2. Классификатор «В» (плоский предмет) в конструкции второго типа

При использовании третьей конструкции руки движутся одновременно, одна расположена за другой. Например, в (4) с помощью классификатора РЯД (конфигурация «4», используется для обозначения однородных объектов, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга) так изображается движение цепочки людей (рис. 3).

- (4) СНЕГ.ИДТИ КАМЕНЬ ГОРЫ ЧЕЛОВЕК:PL CLF:РЯД:CHAIN3 КАМЕНЬ ЛЕЗТЬ
'Снег идет, скалы, люди друг за другом идут вверх'.



Рис. 3. Классификатор РЯД в конструкции третьего типа

Сочетания классификаторных конструкций

Данные конструкции могут использоваться как единственный показатель цепочечного реципрока, так и в сочетании друг с другом. В сочетании цепочечных конструкций также обнаруживаются закономерности. Допустимы только два варианта сочетания конструкций: конструкция первого типа + конструкция второго типа или конструкция второго типа + конструкция третьего типа. Порядок конструкций является строго обязательным.

Объяснить строгий порядок классификаторных конструкций можно с помощью иконичности и хронологического принципа. В (5) и (6) конструкция первого типа сначала показывает процесс появления/собираения стопки тарелок или пирамиды из гимнастов, а потом конструкция второго типа изображает ее уже в готовом виде.

- (5) ТАРЕЛКА РАЗНЫЙ ЦВЕТ CLF:ПЛОСКИЙ.ПРЕДМЕТ.СТОЯТЬ CLF:ПЛОСКИЙ.ПРЕДМЕТ:CHAIN1
CLF:ПЛОСКИЙ.ПРЕДМЕТ:CHAIN2
'Тарелки разных цветов стоят друг на друге'.
- (6) СКОЛЬКО МУЖЧИНА CLF:ЧЕЛОВЕК:CHAIN1 ГИМНАСТ CLF:ЧЕЛОВЕК:CHAIN2
'Несколько мужчин-гимнастов стоят друг на друге'.

В (7) и (8) конструкция второго типа сначала показывает, как расположены участники ситуации, а потом конструкция третьего типа показывает, как они движутся. Согласно Т. Суппале, отличавшему разные пропозиции, обозначаемые классификаторами, конструкция второго типа – существование цепочки, конструкция третьего типа – ее движение. Конструкция первого типа, таким образом, изображает появление цепочки.

- (7) ШТУКА:ТРИ САМОЛЕТ CLF:САМОЛЕТ:CHAIN2 CLF:САМОЛЕТ:CHAIN3 НЕБО ГОЛУБОЙ
'Три самолета летят друг за другом в голубом небе'.
- (8) INDX У-Т-К-А⁵ УТКА У-Т-К-А CLF:УТКА:CHAIN2 CLF:УТКА:CHAIN3
'Там утка, за ней утята, плывут друг за другом'.

Высказывания, в которых сочетаются две конструкции, составляют 19 % от общего числа высказываний.

Ведущая и вспомогательная рука

В лингвистике жестовых языков существуют понятия ведущей и вспомогательной руки. Ведущая рука обычно выполняет одноручные жесты, а при исполнении двуручных асимметричных жестов (в которых одна рука движется, а другая нет) является той, которая осуществляет движение и может иметь маркированную (сложную) конфигурацию, тогда как вспомогательная рука является базой артикуляции и может иметь маркированную конфигурацию, только если она совпадает с конфигурацией ведущей руки (Sandler, Lillo-Martin, 2006).

В полученных классификаторных конструкциях, изображающих цепочки, наблюдаются закономерности в функционировании ведущей и вспомогательной руки. В конструкциях первого типа, где обе руки смещаются по очереди, руки имеют равноправный статус. В конструкциях второго типа, где одна рука движется по направлению к концу цепочки, движение осуществляет ведущая рука, в то время как вспомогательная рука остается на месте, маркируя начало цепочки. Это правило соблюдается в 41 из 42 конструкций второго типа (97 %). Движение всегда осуществляется от начала к концу цепочки. В конструкциях третьего типа, где

⁵ С помощью дефисов обозначается дактиль – передача букв русского алфавита с помощью конфигураций руки.

одна рука находится за другой рукой и они движутся синхронно, положение сзади занимает ведущая рука. Это правило соблюдается в 41 случае из 47 (87 %). Случаи, когда эта закономерность не соблюдается, по-видимому, связаны с соседствующими жестами и использованием пространства для изображения конкретной ситуации: в нужный момент ведущая рука оказывается «занята», и вспомогательная рука берет на себя функции ведущей⁶.

Классификаторные конфигурации

Собранный материал содержит конструкции с 15 различными классификаторами, однако можно предположить, что круг классификаторов, способных образовывать цепочечные конструкции, еще больше. В выборе классификатора для описания ситуации наблюдается вариативность; особенно она сильна при описании живых существ – людей и животных. Для них чаще всего используются два способа обозначения:

1) классификатор РЯД (кисти в конфигурации «4»), используется для изображения однородных объектов, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга – забор, решетка и т. п.);

2) классификатор СЛЕДОВАТЬ (двуручный жест, в котором обе кисти имеют конфигурацию «большой палец вверх»), этот жест используется для отображения взаиморасположения двух объектов (рис. 4).



Рис. 4. Классификатор СЛЕДОВАТЬ в конструкции второго типа

Также могут использоваться классификаторные жесты ЧЕЛОВЕК (конфигурация «1»), МНОЖЕСТВО (конфигурация «5», двуручный жест, изображает однородных актантов, действующих как единое целое). Для животных могут использоваться жесты УТКА, ЖИВОТНОЕ.ИДТИ. Горизонтальные цепочки неодушевленных предметов могут передаваться с помощью жестов САМОЛЕТ, МАШИНА.

Допустимо использование различных конфигураций у ведущей и вспомогательной руки в случае, если в первый элемент в цепочке отличается от остальных и является ведущим. Например, в (9) мама-утка ведет за собой утят, поэтому говорящий обозначает ее жестом ЧЕЛОВЕК, а более одинаковых между собой утят – жестом РЯД (рис. 5). Вместо жеста РЯД также может использоваться жест МНОЖЕСТВО⁷, как в примере (10).

⁶ У одного из пяти информантов ведущей рукой оказалась левая, что позволило установить, что в таком случае соблюдаются те же закономерности.

⁷ Хотя в другом контексте этот жест стоит трактовать как 'толпа идет за человеком'.

- (9) УТКА ПЛЫТЬ ПЛЫТЬ.ЛАПАМИ ПОДРОСТОК ДЕТИ POSS ДЕТИ CLF:ЧЕЛОВЕК=CLF:РЯД:CHAIN3
'Утка плывет, а ее дети плывут за ней'.
- (10) INDX УТКА МАМА CLF:ЧЕЛОВЕК ДЕТИ CLF:ЧЕЛОВЕК=CLF:МНОЖЕСТВО:CHAIN3
'Там утка, мама, дети плывут за ней'.



Рис. 5. Классификаторы ЧЕЛОВЕК и РЯД

Классификаторный жест РЯД в значении 'люди, расположенные друг за другом цепочкой' также может допускать инкорпорацию числительных. Так, в (11) в сказке «Репка» демонстрируется конкретное количество человек, которые, стоя друг за другом, тянут репку (рис. 6).

- (11) СКАЗКА Р-Е-П-К-А ДЕДУШКА ПОСАДИТЬ ВЫРАСТИ ТЯНУТЬ НЕ.МОЧЬ ЗВАТЬ БАБУШКА IMP
СЛЕДОВАТЬ ТЯНУТЬ НЕВОЗМОЖНО ЗВАТЬ В-Н-У-Ч-К-А ТЯНУТЬ=РЯД:ТРИ:CHAIN3 ТЯНУТЬ
НЕ.МОЧЬ
'Сказка «Репка», дедушка посадил (репку), выросла, тянет, не может, позвал бабушку,
тянут, невозможно, позвали внучку, тянут втроем, вытянуть не могут'.



Рис. 6. Классификатор РЯД с инкорпорацией числа 3

Меньшая вариативность наблюдается в изображении вертикальных цепочек предметов:

1) плоские предметы (книги, тарелки, полотенца) обозначаются преимущественно конфигурацией «В», иногда конфигурацией «прямоугольный предмет» (рис. 7), если человек хочет показать, что предмет не совсем плоский (книга, сложенное полотенце);

- 2) небольшие круглые предметы (камень) изображаются конфигурацией «500» или в одном случае «прямоугольный предмет»;
- 3) мелкие прямоугольные предметы (домино) – конфигурацией «П» или «В»;
- 4) большие квадратные предметы (коробки) – конфигурацией «С».



Рис. 7. Классификатор, обозначающий прямоугольный предмет

Редупликация

В конструкции второго типа движение ведущей руки по направлению к концу цепочки может быть однократным и плавным, а может включать редупликацию: например, изображая стопку предметов, рука приподнимается, останавливается, снова приподнимается. Наличие/отсутствие редупликации в данном случае связано с тем, насколько однородной и целостной выглядит данная цепочка предметов. Например, описывая стопку одноразовых стаканов, никто из информантов не использовал редупликацию, тогда как для описания стопок полотенец/камней/домино редупликация использовалась гораздо чаще. При этом в оценке цепочки целостной или состоящей из отдельных предметов есть и элемент субъективного восприятия: при описании одних и тех же стимулов разные информанты выбирали разные стратегии – одни использовали редупликацию, другие – плавное движение.

Количество повторений в большинстве случаев при редупликации не отражает количество участников цепочечной ситуации. Однако в некоторых случаях, когда количество участников небольшое, как в примере (7), количество повторений соответствует реальному количеству участников.

Тип движения и ориентация

Помимо конфигурации руки, связанной с классификатором, значение также могут иметь такие параметры, как движение и ориентация.

Движение как компонент жеста делится на три типа: траекторное (смена локализации), внутреннее (смена конфигурации или ориентации) или вторичное (повторяющееся движение). Траекторное движение было описано выше для конструкции второго типа (рука движется строго по направлению от начала к концу цепочки) и для конструкции третьего типа (обе руки движутся синхронно в одном направлении). Вторичное движение в цепочечных конструкциях отличается большей вариативностью: так, при изображении движущихся цепочек живых существ информанты используют наклон кистей влево-вправо, перебирание пальцами, движение вверх-вниз, легкий зигзаг, покачивание кисти, дрожание руки. Некоторые информанты

не используют вторичное движение вообще, только траекторное. То же наблюдается в конструкции второго типа: описывая стопку плоских предметов, некоторые информанты используют перебирание пальцами ведущей руки, в то время как другие – нет. Соответственно, подобные разнообразные вторичные движения не представляется возможным рассматривать как обязательный, лингвистический элемент данной конструкции.

Параметр ориентации также может иконически отображать уникальные характеристики ситуации. Например, описывая стопку книг, некоторые информанты отмечают, что книги лежат неровно друг на друге, под углом, и передают это поворотом руки при каждом повторении жеста, т. е. сменой ориентации. Вариативность ориентации также наблюдается в изображении плоских предметов с помощью классификатора с конфигурацией «В»: допустимы варианты ладонью вверх и ладонью вниз.

Заключение

Результаты исследования показали, что значение цепочечного реципрока в РЖЯ выражается другими средствами, чем значение прототипического реципрока, что объясняется возможностями использования трехмерного пространства, двух мануальных артикуляторов и высокой иконичностью РЖЯ как языка визуально-кинестической модальности. Для обозначения цепочечных ситуаций в РЖЯ используются классификаторные конструкции, как и в других жестовых языках. Всего было выделено три типа классификаторных конструкций, изображающих цепочечные ситуации в РЖЯ, в которых используется редупликация, траекторное движение от начала к концу цепочки, важную роль играет расположение ведущей и вспомогательной руки. Как и в ядерных жестах, ведущая рука в данных конструкциях осуществляет движение, в то время как вспомогательная рука чаще остается неподвижной. Это демонстрирует, что вспомогательная рука в классификаторных конструкциях не всегда имеет независимый статус; в рассмотренных конструкциях распределение ролей ведущей и вспомогательной руки близко к ядерным жестам. Вторичное движение и ориентация рук отличаются большей вариативностью, иконичностью и необязательностью, что позволяет рассматривать статус этих компонентов как менее лингвистический, более близкий к жестикуляции. Это соответствует выводам А. Шембри, К. Джонс и Д. Бернэма о том, что в классификаторных жестах такие параметры жеста, как движение и ориентации, ближе к жестикуляции, чем остальные параметры.

Условные обозначения

CHAIN1 – цепочечная конструкция первого типа; CHAIN2 – цепочечная конструкция второго типа; CHAIN3 – цепочечная конструкция второго типа; CLF – классификаторный жест; IMP – императив; INDX – указательный жест; DISTR – дистрибутив; ORD – порядковое числительное; PL – множественное число; POSS – притяжательное местоимение; = – Одновременное исполнение жестов разными мануальными артикуляторами; : – несегментное выражение нескольких значений в рамках одной формы.

Литература:

- Архипов А. В.** Типология комитативных конструкций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 191 с.
Буркова С. И. Корпус русского жестового языка / рук. проекта С. И. Буркова. Новосибирск, 2012–2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (дата обращения: 30.09.2023.)
Летучий А. Б. Двойной реципрок в русском языке: значение и употребление // Киселева К.Л., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Татевосов С. Г. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000. 2009. С. 335–361.

- Филимонова Е. В.** Иконичность модификаций жеста в русском жестовом языке // Когнитивные исследования языка. 2022. № 51. С. 418–422.
- Bril I.** Symmetrical and reciprocal constructions in Austronesian languages: the syntaxsemantics-lexicon interface. Workshop on Cross-Linguistic Semantics of Reciprocal, Institute of Linguistics OTS, Utrecht, Netherlands. 2019. P. 1–16.
- Fedden S.** Reciprocal constructions in Mian 1 // Studies in Language. No. 37 (1). 2013.
- Kemmer S.** The middle voice // Typological studies in language 23. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Lichtenberk F.** Reciprocals without reflexives // Reciprocals: Forms and functions. Vol. 2. Typological Studies in Language 41. 1985. 31 p.
- Liddell S. K.** Sources of meaning in ASL classifier predicates // In K. D. Emmorey (ed.), Perspectives on classifier constructions in sign languages. Mahwah, NJ: Erlbaum. 2003. P. 199–220.
- Maslova E.** Reciprocals and set construal // Frayzinger Z. and Curl T. (eds). Reciprocals: form and function. 1999. P. 161–178.
- Pfau R., Steinbach M.** Plurality of relations in German Sign Language: Mapping semantics onto morphosyntax // Theoretical Issues in Sign Language Research (TISLR 10). 2010.
- Sandler W., Lillo-Martin D.** Sign Language and Linguistic Universals. New York: Cambridge University Press, 2006. 547 p.
- Schembri A., Jones C., Burnham D.** Comparing Action Gestures and Classifier Verbs of Motion: Evidence from Australian Sign Language, Taiwan Sign Language, and Nonsigners' Gestures Without Speech // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. Vol. 10, Iss. 3. P. 272–290.
- Zeshan U., Panda S.** Reciprocal constructions in Indo-Pakistani Sign Language // Evans N., Gaby A., Levinson S, Majid A. (eds.) Reciprocals and Semantic Typology. Typological Studies in Language (98). John Benjamins, Amsterdam/Philadelphia. 2011. P. 91–114.

Филимонова Елизавета Владимировна.

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник.

Институт языкознания Российской академии наук.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.

Российский государственный гуманитарный университет.

Миусская площадь, 6, Москва, 125047.

E-mail: ev.filimonova@list.ru

Материал поступил в редакцию 30 сентября 2023 г.

E. V. Filimonova

CHAINING RECIPROCAL IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE⁸

The paper examines classifier constructions to express chaining reciprocals in Russian Sign Language. Typological studies of reciprocity show that the chaining reciprocal can be mediated by markers of prototypical reciprocal meaning or by special markers. As a visual modality language, Russian Sign Language has unique and iconic means of expressing reciprocal meaning. Studies on reciprocity in sign language show that classifier constructions are used to describe chaining situations. Classifiers are morphologically complex signs that some researchers consider to be a mixture of signs and gestures. It is, therefore, to be expected that the chaining reciprocal semantics in sign languages can be described in a more iconic and complex way than in spoken languages. The results of this study, which was carried out using corpus data and elicited data, show that three types of classifier constructions are used in Russian sign language for spatial chaining situations: They represent the process of forming a chain of objects, the presence of the chain and the movement of the chain. 19% of the sentences contain two types of classifier constructions that always occur in a specific order. These three classifier constructions can be applied to at least 15 classifier handshapes. Not all parameters of these classifier constructions are equally mandatory and important. The mandatory elements of these constructions are the position and function of the dominant and non-dominant hand and the movement of the trajectory from the beginning to the end of the chain. In addition, the wholeness of the discontinuity of the chain can be expressed by reduplication. The secondary

⁸ Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект No FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

movement and orientation are very iconic and depend on the characteristics of the situation. The use of these parameters to describe the characteristics of objects and their placement and movement varies greatly between informants, which can be explained by the fact that these parameters are closer to the gesture than to the linguistic element of the classification construction.

Keywords: *Russian sign language, reciprocal, reciprocal concatenation, classifiers, classifier constructions, dominant hand, non-dominant hand, reduplication, hand configuration, movement, orientation*

References:

- Arkhipov A. V.** Tipologiya komitativnykh konstruksiy. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Typology of comitative constructions. PhD thesis]. Moscow, 2005. 191 p.
- Bril I.** Symmetrical and reciprocal constructions in Austronesian languages: the syntaxsemantics-lexicon interface. Workshop on Cross-Linguistic Semantics of Reciprocal, Institute of Linguistics OTS. Utrecht, Netherlands, 2019. P. 1–16.
- Burkova S. I.** Korpus russkogo zhestovogo yazyka (Elektronnyy resurs). [Russian Sign Language Corpus (electronic source)]. Rukovoditel' proyekta Burkova S. I. [Project manager Svetlana Burkova]. Novosibirsk, 2012–2015. <http://rsl.nstu.ru/> (accessed: 30.09.2023.)
- Fedden S.** Reciprocal constructions in Mian 1 // *Studies in Language*. 2013. No. 37 (1). P. 58–93.
- Filimonova E. V.** Ikonichnost' modifikatsiy zhesta v russkom zhestovom yazyke [Iconicity of sign modifications in Russian Sign Language] // *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2022. No. 51. P. 418–422.
- Kemmer S.** The middle voice. *Typological studies in language* 23. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Letuchii A. B.** Dvoynoy retsiprok v russkom yazyke: znachenije i upotreblenije [Double reciprocals in Russian: meaning and usage]. Kiseleva K. L., Plungyan V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G., (eds) *Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus studies of Russian grammar]. Moscow: Probel-2000, 2009. P. 335–361.
- Lichtenberk F.** Reciprocals without reflexives. *Reciprocals: Forms and functions*. Vol. 2. *Typological Studies in Language* 41. 1985. 31 p.
- Liddell S. K.** Sources of meaning in ASL classifier predicates. In: K. D. Emmorey (ed.), *Perspectives on classifier constructions in sign languages*. Mahwah, NJ: Erlbaum. 2003. P. 199–220.
- Maslova E.** Reciprocals and set construal. Frayzinger Z. and Curl T. (eds). *Reciprocals: form and function*. 1999. P. 161–178.
- Pfau R., Steinbach M.** Plurality of relations in German Sign Language: Mapping semantics onto morphosyntax. *Theoretical Issues in Sign Language Research (TISLR)* 10). 2010.
- Sandler W., Lillo-Martin D.** *Sign Language and Linguistic Universals*. New York: Cambridge University Press, 2006. 547 p.
- Schembri A., Jones C., Burnham D.** Comparing Action Gestures and Classifier Verbs of Motion: Evidence from Australian Sign Language, Taiwan Sign Language, and Nonsigners' Gestures Without Speech // *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. Vol. 10, Iss. 3. P. 272–290.
- Zeshan U., Panda S.** Reciprocal constructions in Indo-Pakistani Sign Language // Evans N., Gaby A., Levinson S., Majid A. (eds.), *Reciprocals and Semantic Typology*. *Typological Studies in Language* (98). John Benjamins, Amsterdam/Philadelphia, 2011. P. 91–114.

Filimonova Elizaveta Vladimirovna.

Candidate of Philology, Junior Researcher.

Institute of Linguistics RAS.

Bol'shoy Kislovskiy per., 1, building 1, Moscow, Russia, 125009.

Russian State University for the Humanities.

Miuskaya ploshchad', 6, Moscow, Russia, 125047.

E-mail: ev.filimonova@list.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

А. А. Бадмаев

УТКА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ БУРЯТ¹

Изучение представленческого комплекса о дикой фауне как части общей картины мира у народов России является одной из важных задач отечественной этнографии. В рамках решения этой задачи были проведены фундаментальные изыскания на материалах отдельных этнических групп (русских, вепсов и др.). В связи с этим остается актуальным осуществление дальнейших исследований по данной тематике с охватом культуры других народов. Одним из центральных орнитоморфных образов в традиционном мировоззрении многих народов Евразии является образ утки, что обусловлено обширным ареалом ее обитания и тем утилитарным значением, которое она имеет как объект мясной охоты. Данный образ многозначен и характеризуется амбивалентностью коннотации. В бурятской этнографии эта тема еще не была предметом исследования. Настоящая статья посвящается выделению образа утки в мифологических воззрениях бурят. Работа базируется на фольклорных, лингвистических и этнографических источниках. Основным методом, примененным в работе, является структурно-семиотический метод, позволяющий определить символику, которая отражает идеи об утке. Данная водоплавающая птица не относилась к категории сакральных, тотемных животных, и у бурят не было пищевого избегания ее мяса. Определено, что из двух бурятских названий утки – *хоно* и *нугахан* – последнее представляет родовое обозначение птицы и имеет общемонгольское происхождение. Выделено, что в мифологических воззрениях бурят образ утки полисемантичен и имеет неоднозначную характеристику. Выяснено, что, по традиционным представлениям бурят, утка символизирует женское начало. Данная водоплавающая птица связывалась с двумя сферами обитания – небом и водой – и выполняла функцию посредника между ними. Ее образ был вписан в космогонические представления бурят о сотворении мира. В мифологии и фольклоре ей предписывали лечебную функцию. С уткой (турпаном) ассоциируется идея оборотничества человека в утку. Кроме того, прослеживается мотив обращения души покойника в нее. В народных приметах бурят отмечается негативная коннотация утки.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, дикая фауна, образ утки, фольклор

Введение

Изучение представленческого комплекса о дикой фауне как части общей картины мира у народов России является одной из важных задач отечественной этнографии. В рамках решения этой задачи были проведены фундаментальные изыскания на материалах отдельных этнических групп (русских, вепсов и др.).

В связи с этим остается актуальным осуществление дальнейших исследований по данной тематике с охватом культуры других народов.

Одним из центральных орнитоморфных образов в традиционном мировоззрении многих народов Евразии является образ утки. Его характеристику на материалах отдельных этнических групп дают такие исследователи, как В. А. Бурнаков (2017), А. В. Гура (1997), А. А. Люцидарская и Е. М. Мелешко (2019), В. В. Напольских (1990), Дж. Тресиддер (1999), Ц. Чжао (2013) и др.

Общим является инкорпорирование утки в космогонические мифы евразийских народов, в которых она участвует в акте творения мира. Например, в мифологии хакасов две утки первоначально выступают демиургами, а после превращаются в противостоящих мифических персонажей – Худая и Эрлик-хана (Бурнаков, 2017: 472). У манси эта птица считалась ипостасью Калтац (жизнедательницы) и переносчиком души человека в теплую страну Мортим-ма (Люцидарская, Мелешко, 2019: 143). Ей приписывают роль посредника между мирами и стихиями. Она символизирует брачный союз, счастье и преданность (Тресиддер, 1999:

¹ Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

385–386; Чжао, 2013: 98). В то же время она увязывается с демонологическими персонажами (Гура, 1997: 668) и может иметь нечистую природу (Чувашская мифология, 2018: 132).

В традиционном мировоззрении бурят также представлен образ утки, но он еще не получил специального изучения. Настоящее исследование посвящено выделению данного образа в мифологических воззрениях бурят.

В работе использованы разные виды источников (фольклорные, лингвистические, этнографические). Особое место в ней занимают фольклорные материалы, собранные А. П. Беннигсенем, Г. Н. Потаниным и М. Н. Хангаловым. Лингвистические данные получены из двуязычных словарей современных монгольских народов и средневеково-монгольского словаря Н. Н. Поппе (1938). Причем ключевым лексическим источником послужил словарь «Буряад-ород толи» (2010). Дополнительный характер в исследовании имеют полевые материалы автора.

Основным методом, примененным в работе, является структурно-семиотический метод, позволяющий определить символику, которая отражает идеи об утке.

Результаты и обсуждение

Среди образцов позднепалеолитического искусства Предбайкалья, найденных на стоянке Мальта, представлены скульптурные изображения птиц (Цыбиктаров, 1999: 42), выполненные из бивня мамонта, одно из которых напоминает утку в полете. Это позволяет предполагать, что образ этой птицы уже в ту эпоху был включен в мировоззренческие представления древних обитателей субрегиона. По происшествию многих тысячелетий он обнаруживается и в традиционном мировоззрении бурят, являющихся аборигенами Байкальского региона.

Буряты специально не охотились на птиц, в отличие от других диких животных, которых добывали в ходе пушной или мясной охоты. Из водоплавающих пернатых у них почиталась только лебедь, ее относили к кругу священных животных, убийство которых порицалось. По источникам XVIII в., они употребляли в пищу мясо диких гусей и уток (Линденау, 1983: 140; Миллер, 2009: 256). В XIX в. тушки этих птиц стали обменивать или продавать русскому старожильческому и переселенческому населению.

В бурятском языке известны следующие названия представителей отряда утиных: *ангир* ‘турпан, нырок-синьга’, *мааргай* ‘кряква’, *хурьган хоно* ‘утка мелкой породы, утка с пушистым хвостом’, *хоно* ‘чирок-свистунок’, *шунгадаг хоно* ‘утка-нырок’, *эрезн толгойто хоно* ‘чирок-клокотун’ (Буряад-ород толи, 2010: 617). При этом в большинство приведенных номинаций входит слово *хоно* ‘селезень, утка’. В связи с этим стоит указать, что буряты используют такое гендерное деление уток: *хоно нугахан* ‘селезень’; *боржон* ‘утка-самка’ (Буряад-ород толи, 2010: 617). Вероятно, под *хоно* изначально подразумевался селезень, позднее это слово вошло в наименования разных видов утки.

Другим значением слова *хоно* является «овод/слепень». Буряты ассоциировали этих двукрылых насекомых, подобно гнусу, с демоническими силами, наделяя их отрицательной коннотацией, которая в свою очередь могла переноситься и на образ одноименной птицы – утки.

Вместе с тем в бурятской лексике есть родовое обозначение утки – *нугахан*, которое, несомненно, имеет общемонгольское происхождение: *туясун* ‘утка’ (Поппе, 1938: 261); *нугас(ан)* ‘утка’ (Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002: 596); *нуагэс* ‘дикая утка’ (Краткий дагурско-русский словарь, 2014: 126); *нухсн* ‘утка’ (Хальмг-орс толь, 1977: 385); *нугаса(н)* ‘утка’ (Хамниганско-русский словарь, 2015: 221).

Из всех биологических признаков данной водоплавающей птицы особенно выделяли ее клюв, неслучайно о человеке с вздернутым носом говорили, что у него *нугахан хамар* ‘утиный нос’ (Буряад-ород толи, 2010: 617).

О женском начале утки можно вынести из следующей бурятской поговорки:

«Нуурта нууһан ногоһон сэгсэ.

Нооһоо һамнаһан эзы сэгсэ.

Сидящая на озере утка красива.

Причесанная женщина красива» (Бадарханова, 1982: 120).

Косвенным намеком на женскую природу этой птицы можно также считать даваемое при рождении девочки имя Нугаһан (Митрошкина, 1987: 82).

В бурятской мифологии утка была связана с двумя сферами обитания – небом и водой, поэтому ей присваивалась соответствующая символика (небесная, водная). Хотя, как известно, в дикой природе она строит гнездо на земле и перемещается по суше, эти обстоятельства не нашли отражения в суждениях бурят о ней. Вероятно, это было обусловлено тем, что ее чаще наблюдали только в двух указанных выше стихиях.

Образ этой водоплавающей птицы у бурят был включен в космогонические воззрения. У них были известны разные варианты мифа о творении земли. Согласно одному из них, богиня Эхэ Бурхан (Эхэ Ехэ Бурхан ‘Великая Мать-богиня’) создает из коры золотого тальника первородную птицу Анхата Шубуун (*ангата* ‘аркалик (птица)’) (Буряад-ород толи, 2010: 67)), которая в когтях поднимает со дна океана землю, благодаря чему богиня создает сушу (Хадахнэ, 1926: 32).

Во второй версии данного мифа демиургом выступает уже мужской персонаж – божество Сомбол-бурхан, которое обращается к птице ангате, плывущей по воде с 12 детьми, с просьбой достать со дна землю. Ангата приносит ему «на носу черную землю, а в лапах красную глину» (Сказания бурят, 1890: 66). Остается неясным, о каком виде водоплавающей птицы может идти речь. Но показательным благопожелание ангате, произносимое Сомбол-бурханом, в котором, по сути, характеризуется пернатое: «Ты будешь иметь много детей, и плавать по воде и нырять!». Иначе говоря, это водоплавающая птица, способная нырять и дающая большое потомство. Важным также представляется и ранее упоминаемое число птенцов у этого пернатого – 12. Дело в том, что, по данным орнитологии, утки имеют выводок из 5–12 утят (Коблик, 2001: 209).

В другом варианте мифа уже определенно говорится об утке *ангир* ‘турпан’ (*Melanitta fusca*). Причем в повествование инкорпорируются буддийские мотивы: «Тогда Сомбол-бурхан сказал птице ангир: «Опять нырни в воду за землей; на пути говори слова: «об мани будьма хан» («Ом мани падме хум»), мантра в буддизме Махаяны, посвященная бодхисаттве сострадания Авалокитешвара). Птица ангир опять нырнула в воду и на пути говорила слова: «об мани будьма хан». На этот раз птица ангир достигла дна, взяла земли со дна и обратно вынырнула на поверхность воды» (Хангалов, 1960: 6).

Отметим, что буддийскому влиянию подверглась и вторая версия мифа, в ней творцами земной суши оказываются целых три почитаемых бурятами божества: Шибэгэни-бурхан (будда Шакьямуни, основатель буддизма), Мадари-бурхан (будда будущего Майтрея) и Эсэгэ-бурхан (в шаманском пантеоне верховный бог Эсэгэ Малан тэнгэри) (Хангалов, 1960: 8). Данное обстоятельство, вероятно, отражает синкретичное сознание бурят второй половины XIX – начала XX в., когда буддизм широко распространился у забайкальских, присаянских и части предбайкальских бурят.

Надо полагать, что архаичной является именно первая вариация рассматриваемого мифа как содержащая две важные детали: образы древней богини-матери и первородной птицы, название которой в бурятском языке не увязывается ни с одной из водоплавающих птиц, обитающих в Юго-Восточной Сибири.

В мифологии большого круга народов Евразии тоже присутствует образ водоплавающей птицы, утки, самостоятельно или по приказу Создателя достояющей со дна моря/океана ил/землю, из которой образуют сушу. Исследование данного сюжета у финно-угорских наро-

дов показало, что он имеет прауральские истоки (Напольских, 1990: 65). В то же время схожий сюжет распространен у тюркских (Чувашская мифология, 2018: 135) и монгольских народов, что свидетельствует об его более древнем происхождении. Утка также фигурирует в славянских легендах о сотворении мира, но имеет негативную коннотацию: по приказу черта она крадет землю у бога (Гура, 1997: 667).

С образом утки связывается записанная у унгинских (предбайкальских) бурят легенда о *хун-нугаһан* ‘человеке-утке’ (Хангалов, 1960: 378). Хотя в ее основе лежит идея о полулюдах-полуптицах, кстати, в некоторой степени являющая калькой другой бурятской легенды – о собачьем царстве (Бадмаев, 2023: 33), акцент сделан на якобы целительских качествах таких существ: «Эти утки имеют лекарственное значение. Они излечивают от всяких болезней – только стоит приложить к больному месту, и в то же время больной чувствует облегчение» (там же).

В основе таких суждений, вероятно, лежит народная целительская практика, известная у предбайкальских бурят, когда внутренности и кровь курицы применялись для лечения некоторых заболеваний. Учитывая позднее появление в хозяйстве бурят этой домашней птицы, стоит предположить, что истоки такого врачевания все же были связаны с дикой птицей. В частности, у бурят были зафиксированы традиции лечения больных бешенством путем слушания крика альпийской галки или окуривания ее перьями, а также исцеления от зубной боли, ковыряя больной зуб засушенным языком дятла (Потанин, 1883: 131, 707). Мотив исцеления посредством птицы прослеживается в эпике бурят: так, мифическая праматерь богов Манзан Гурмэн Тоодэй, положив жаворонка на грудь героини, вытягивает из нее болезнь (Гэсэр, 1986: 32).

В мифологии и фольклоре бурят особо выделяется образ турпана. Появления этой утки объясняли чудесным превращением буддийского монаха, ламы, в нее. Этот сюжет развивает монгольскую сказку, посвященную зарождению созвездия Большой Медведицы (по-бурятски *Долоон убгэд* ‘Семь старцев’). В ней говорится: «После семеро товарищей удалились на большую гору, где построили монастырь. Тут, вдали от злых людей, начальник обучил их всем наукам. Когда они научились даже летать, они оставили нашу землю и улетели на небо, где образовали семь звезд Большой Медведицы» (Беннигсен, 1912: 57). В бурятских вариантах этой сказки лама определяет семерым героям путь очищения греха, предлагая им броситься с обрыва в морскую пучину: согласно одной версии произведения, культурные герои, не достигнув глади воды, взмывают в небо и обращаются в звезды Большой Медведицы (Сказания бурят, 1890: 61); по другой, они погружаются в водную стихию и затем взмывают в небеса (Бурятские народные сказки, 2002: 215). Позавидовав вознесению семерых друзей, лама следует за ними, но превращается в турпана. Очевидно, здесь имеет место отрицательная коннотация буддийского монаха, распространяемая на образ утки.

Укажем, что бытовала вариация этой сказки, не увязываемая с происхождением созвездия Большой Медведицы, согласно ей: «Птица турпан... прежде была ламой. Человек поверил ламе, сел верхом на коня и прыгнул в море, но на пути был поднят верхом на небо. Тогда лама тоже прыгнул в море, но на пути был обращен в птицу турпана и улетел» (Хангалов, 1960: 28–29).

Как можно понять, мотив обращения буддийского монаха в турпана был порожден цветовой ассоциацией оперения этой утки, в первую очередь с одеянием ламы: «Через малое время вылетел из моря турпан. Голова у него была белая, а перо черное с красноватым отливом. Это оттого, что у ламы волосы были седые, а дэгэл (верхняя одежда. – А. Б.) – красный» (Бурятские народные сказки, 2002: 215). Причем в другой версии сказки, противореча истине, утверждается, что подобно одеянию буддийского монаха данная утка имеет желтый окрас (Хангалов, 1960: 61). Вероятно, ее автор не имел представления о действительном облике этой птицы, а исходил из одного из значений слова *ангир* ‘желтый’ (Буряад-ород толи, 2010: 67). Между тем в монгольских языках это слово обозначает еще и другой цвет: *ангир* ‘красный’. В качестве примера использования данной лексемы можно привести имя одного из персонажей

монгольской сказки об Их Алимэ (Беннигсен, 1912: 83), матери всех богов – *Ангир Шара Эмэгэн* ‘Искрасна-желтая старуха’.

Идея оборотничества человека в турпана просматривается и в других фольклорных произведениях бурят, например в сказке «Жизнь Элгэсын-гелонга» (Сказания бурят, 1890: 116). В то же время с этой птицей увязывается мотив обращение души покойного в утку. Например, в одной шаманской легенде сообщается: «После смерти (шамана) Болода труп его разрубили надвое, но труп превратился в уток, и те утки поплыли по озеру Холбо нуур» (Дамдинов, 1998: 28).

В народных приметах бурят утка имеет очевидную негативную характеристику. Верили, что появление гнезда дикой утки, в частности турпана, под летней срубной юртой представляет угрозу членам семьи (Потанин, 1883: 133; Хангалов, 1960: 73). Кроме того, турпана подзревали в каннибализме – в поедании своих птенцов (Хангалов, 1960: 28–29).

О его нелюбви к потомству может свидетельствовать следующая бурятская загадка:

«Голдо гурбан хажар юунэ?

Андир хубуундээ хажар,

Хуурай тумэртоо хажар

Уһан эрьедээ хажар.

Какие основные три зла?

Турпан злой своему дитю,

Напильник к железу зол,

Вода не любит берег» (перевод мой. – А. Б.) (ПМА).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что в мифологических воззрениях бурят образ утки полисемантичен и характеризуется амбивалентностью коннотации.

Выяснено, что, по традиционным представлениям бурят, утка символизирует женское начало. Данная водоплавающая птица связывалась с двумя сферами обитания – небом и водой – и выполняла функцию посредника между ними. Ее образ был вписан в космогонические представления бурят о сотворении мира. В мифологии и фольклоре ей предписывали лечебную функцию. С уткой (турпаном) ассоциируется идея оборотничества человека в утку. Кроме того, прослеживается мотив обращения души покойника в нее. В народных приметах бурят отмечается негативная коннотация утки.

Список сокращений:

БГУ – Бурятский государственный университет

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

ВСОИРГО – Восточно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИВ АН СССР – Институт востоковедения Академии наук СССР

МГУ – Московский государственный университет

ПМА – Полевые материалы автора

СЭ – Советская этнография

Литература:

- Бадмаев А. А.** Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 30–43.
- Бардаханова С. С.** Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ, 1982. 208 с.
- Беннигсен А. П.** Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912. 168 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Бурнаков В. А.** Образ утки в традиционном мировоззрении хакасов // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 471–473.
- Буряд-ород толи.** Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов, Л. Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. I: А–Н. 636 с.
- Бурятские народные сказки.** Улан-Удэ: Республиканская типография, 2002. 456 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр.** Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. I. 288 с.
- Дамдинов Д. Г.** О верованиях ононских хамниган. Улан-Удэ: Соел, 1998. 90 с.
- Коблик Е. А.** Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ). М.: Изд-во МГУ, 2001. Ч. 1. 384 с.
- Краткий дагурско-русский словарь** / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. 176 с.
- Люцидарская А. А., Мелешко Е. М.** Орнитологические сюжеты в религиозных представлениях и мифотворчестве народа манси // Зеркала культур: памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 140–151.
- Миллер Г. Ф.** Описание сибирских народов / изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: VIII. I: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Часть 1).
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Напольских В. В.** Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // СЭ. 1990. № 1. С. 65–74.
- Поппе Н. Н.** Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 566 с. (Тр. ИВ АН СССР; Т. XIV).
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Сказания бурят,** записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Тресиддер Дж.** Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Хадахнэ К.** Легенда о сотворении мира и человека (варианты кахинских бурят) // Жизнь Бурятии. 1926. № 1–3. С. 32–38.
- Хальмг-орс толь.** Русско-калмыцкий словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Хамниганско-русский словарь** / отв. ред. Д. Г. Дамдинов. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Хангалов М. Н.** Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
- Цыбиктаров А. Д.** Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. Вып. 3. 266 с.
- Чжао Ц.** Звери и птицы как символы в китайской культуре / Чжао Цзунфу, Лю Юнхун. Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. 236 с. (Серия: Культура и история Китая: Символика китайской культуры).
- Чувашская мифология:** этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

Бадмаев Андрей Андреевич.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: badmaeva@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 23 апреля 2023 г.

THE DUCK IN THE MYTHOLOGICAL VIEWS OF THE BURYATS

Studying the symbolic complex of wild fauna as part of the general worldview of the peoples of Russia is one of the critical tasks of Russian ethnography. In order to solve this problem, fundamental studies of the material of individual ethnic groups (Russians, Veps) have been carried out. In this regard, it remains relevant to conduct further research on this topic, including the culture of other peoples. One of the central ornithomorphic images in the traditional worldview of many peoples of Eurasia is the image of the duck, which is due to its extensive habitat and the utilitarian value it has as an object of meat hunting. This image is ambiguous and characterized by an ambivalent meaning. This topic has not yet been explored in Buryat ethnography. This article is dedicated to the image of the duck in the mythological imagination of the Buryats. The work is based on folkloristic, linguistic, and ethnographic sources. The main method used in the work is the structural-semiotic method, which makes it possible to determine the symbolism reflecting the ideas about the duck. This waterfowl did not belong to the category of sacred, totemic animals, and the Buryats did not avoid its meat. It is pointed out that of the two Buryat duck names – hono and nugahan – the latter is the bird's generic name and has a common Mongolian origin. It is emphasized that the image of the duck in Buryat mythology is polysemantic and ambiguous. According to traditional Buryat belief, the duck symbolizes the female principle. This water bird was associated with two spheres of life – the sky and the water – and served as a mediator between them. Its image was inscribed in the Buryats' cosmogonic ideas about the world's creation. In mythology and folklore, the duck was ascribed to a therapeutic function. The idea of a person turning into a duck is associated with a duck (turpan). The motif of the transformation of the soul of the deceased into a duck has also been passed down. In the folk symbolism of the Buryats, the duck has a negative connotation.

Keywords: *Buryats, traditional worldview, wild fauna, duck image, folklore*

References:

- Badmaev A. A.** *Obraz sobaki v traditsionnom mirovozzrenii i rituale buryat* [The image of a dog in the traditional worldview and ritual of the buryats] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism]. 2023. No. 49. P. 30–43.
- Bardakhanova S. S.** *Malye zhanry buryatskogo fol'klora. Poslovitsy, zagadki, blagopozhelaniya* [Small genres of buryat folklore. Proverbs, riddles, good wishes]. Ulan-Ude, 1982. 208 p.
- Bennigsen A. P.** *Legendy i skazki Tsentral'noi Azii* [Legends and Fairy tales of Central Asia]. St.-Petersburg, 1912. 168 p.
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'** [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p.
- Buryad-oroḍ toli.** *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip., 2010. Vol. I. 636 p.
- Buryatskie narodnye skazki** [Buryat folk tales]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip., 2002. 456 p.
- Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik** [Chuvash mythology: an ethnographic reference]. Cheboksary: Chuvash book Publ., 2018. 591 p.
- Chzhao Ts.** *Zveri i ptitsy kak simvoly v kitaiskoi kul'ture* [Animals and birds as symbols in Chinese culture]. Beijing: Shans; St.-Petersburg: KARO, 2013. 236 p.
- Damdinov D. G.** *O verovaniyakh ononskikh khamnigan* [About the beliefs of the onon hamnigan]. Ulan-Ude: Soel, 1998. 90 p.
- Geser.** *Buryatskii narodnyi geroicheskii epos* [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1986. Vol. I. 288 p.
- Gura A. V.** *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.
- Koblik E. A.** *Raznoobrazie ptits (po materialam ekspozitsii Zoologicheskogo muzeya MGU)* [Diversity of birds (based on the materials of the exposition of the Zoological Museum of Moscow State University)]. Moscow: Moscow State Univ. Press., 2001. Pt. 1. 384 p.
- Khadakhne K.** *Legenda o sotvorenii mira i cheloveka (varianty kakhinskikh buryat)* [The Legend of the creation of the world and man (variants of the kakhin buryats)] // *Zhizn' Buryatii* [Life of Buryatia]. 1926. No. 1–3. P. 32–38.
- Khal'mg-ors tol'.** *Kalmytsko-russkii slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 765 p.
- Khamnigansko-russkii slovar'** [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p.
- Khangalov M. N.** *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1960. Vol. III. 421 p.

- Kratkii dagursko-russkii slovar'** [Short Dagur-Russian Dictionary]. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2014. 236 p.
- Lindenau Ya. I.** Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan: Magadan book Publ., 1983. 176 p.
- Miller G. F.** Opisanie sibirskikh narodov [Description of the siberian peoples]. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2009. 456 p.
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [Buryat anthroponymy]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 222 p.
- Napol'skikh B. B.** Mif o vzniknovenii zemli v praural'skoi kosmogonii: rekonstruktsiya, paralleli, evoljutsiya [The Myth of the origin of the Earth in the Proto-Ural cosmogony: reconstruction, parallels, evolution] // Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1990. No. 1. P. 65–74.
- Poppe N. N.** Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab [Mongolian dictionary of Muqaddimat Al-Adab]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1938. 566 p. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences; Vol. XIV).
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Essays on North-Western Mongolia. Results of a trip performed in 1879 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. Iss. IV: Ethnographic materials. St.-Petersburg: Kirshbaum Publ., 1883. 1026 p.
- Skazaniya buryat**, zapisannye raznymi sobiratelyami [Legends of the buryats recorded by different collectors] // Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1890. Vol. 1, Iss. 2. 160 p.
- Tresidder G.** Slovar' simbolov [Dictionary of symbols]. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p.
- Tsybiktarov A. D.** Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevneishikh vremen do XVII veka) [Buryatia in ancient times. History (from ancient times to the XVII century)]. Ulan-Ude: Buryat Univ. Press., 1999. Iss. 3. 266 p.

Badmaev Andrey Andreevich.

Doctor of History Science, Leading Researcher Fellow.

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian branch RAS.

Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Е. В. Барсуков, А. А. Идимешев

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВОБЕРЕЖНЫХ ПРИТОКОВ РЕКИ КЕТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕКИ ОРЛОВКИ)¹

Археологические работы А. П. Дульзона в бассейне р. Кети в 1952 г. не утратили своей научной актуальности до настоящего времени. Он наметил вектор историко-культурных исследований Прикетья на многие десятилетия вперед. На сегодняшний день р. Кеть в археологическом отношении изучена неравномерно. Ее правобережные притоки, характеризующиеся значительной протяженностью, по причине труднодоступности остаются белым пятном на археологической карте Томской области. В 2020 г. археологами была организована разведочная экспедиция на р. Орловку, являющуюся одним из крупнейших правых притоков р. Кети. Этот водоток хорошо известен русским с XVII в., упоминается путешественниками и исследователями, фиксируется на ранних картографических материалах. В 1930-х гг. в ее бассейне был организован кочевой сельский совет эвенков, продолжавших вести кочевое хозяйство до 1980-х гг. Основной задачей разведки 2020 г. являлась проверка сведений местного населения о наличии в среднем и верхнем течении р. Орловки археологических памятников. По результатам работ было выявлено два крупных поселенческих комплекса. Один располагался на берегах р. Туры, другой – на приустьевом участке р. Вторая Речка. В состав последнего комплекса входит городище с круговой системой обороны. Вопрос датировки этих памятников окончательно не решен. Случайные находки с поселения на р. Вторая Речка указывают на то, что одним из периодов его функционирования явилось позднее Средневековье, а возможно, и Новое время. По сведениям письменных источников, этот фрагмент Прикетья в XVII–XIX вв. был освоен населением остяцкой Питкиной волости. Вероятнее всего, с этой группой населения связано функционирование поселенческого комплекса в данный период. Результаты разведки 2020 г. указывают на археологическую перспективность правобережья р. Кети и необходимость организации здесь целенаправленных натурных исследований.

Ключевые слова: *Прикетье, Кетский уезд, Питкина волость, р. Кеть, р. Орловка, археология, этнография, эвенки, селище, городище*

Научный вклад А. П. Дульзона в археологическое изучение бассейна р. Кети заслуживает отдельного полноценного исследования. Его экспедиция 1952 г. положила начало целенаправленным археологическим работам в Прикетье. А. П. Дульзон первым обследовал берега основного русла р. Кети от устья до границы области, организовал раскопки в ее верхнем течении (Галкина, 1997: 411–414). Полученные сведения исследователь использовал при подготовке свода археологических памятников Томской области, изданного в 1956 г. (Дульзон, 1956: 185–200). Работы А. П. Дульзона определили вектор археологических изысканий в Прикетье на многие десятилетия вперед и не утратили своей актуальности до настоящего времени.

Кеть является одним из крупнейших притоков р. Оби в среднем течении. Она протекает по территории Красноярского края и Томской области и имеет общую протяженность 1 621 км, в границах Томской области 805 км (Евсеева, 2001: 135). Река была хорошо известна русским с XVII в. Ее русло являлось частью пути, соединявшего Западную и Восточную Сибирь, по этой причине первое подробное описание этого водотока было сделано уже в третьей четверти XVII в. Николаем Милеску Спафарием, проследовавшим через р. Кеть с русским посольством в Китай (Путешествие через Сибирь... 1882: 73–77).

В археологическом отношении бассейн р. Кети изучен неравномерно. Специалистами подробно обследован южный берег реки, характеризующийся транспортной доступностью. По краю левобережной террасы проложена дорога, протянувшаяся от верхнего устья до границы Томской области и Красноярского края. По-иному обстоит дело с правобережной частью бассейна р. Кети. В настоящее время расположенные здесь немногочисленные населенные пункты большую часть года отрезаны от Большой земли. В летний период сообщение

¹ Работа выполнена по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

осуществляется на пароме, зимой – по зимнику. По причине труднодоступности правобережье в археологическом отношении исследовано слабо. Памятники известны только по берегам основного водотока, т. е. самой р. Кети, и преимущественно в окрестностях располагавшихся здесь населенных пунктов.

Особенностью р. Кети является асимметричность ее долины. Правобережные притоки гораздо более многочисленные и протяженные, нежели левые: крупнейшие правые притоки р. Пайдугина – 458 км, р. Елтырева – 332 км, р. Лисица – 414 км, р. Орловка – 327 км; крупнейшие левые притоки р. Суйга – 130 км, р. Чачамга – 181 км, р. Большая Утка – 160 км, р. Катайга – 99 км. Однако до сегодняшнего дня правобережные притоки остаются белым пятном на археологической карте Томской области. В каком-то смысле исключением являются водотоки, входящие в состав Обь-Енисейского соединительного пути. На их берегах еще при строительстве канала в конце XIX в. были открыты археологические памятники и сделаны яркие находки (Дульзон, 1956: 197–200; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990: 223–228). Этот момент наглядно подтверждает необходимость натурального обследования кетского правобережья, историко-культурный потенциал которого пока сложно сформулировать даже в виде тезиса.

В 2020 г. археологами Томского государственного университета была организована археологическая разведка в бассейне р. Орловки (рис. 1), являющейся одним из самых крупных правобережных кетских притоков (Идимешев, 2021). Согласно сведениям речных лоций XX в., р. Орловка впадает в р. Кеть на 397-м километре от ее верхнего устья, известного под названием Тогурского. Несмотря на то что Орловка всего лишь приток р. Оби второго порядка, ее краткая характеристика была включена в один из томов Большой советской энциклопедии:

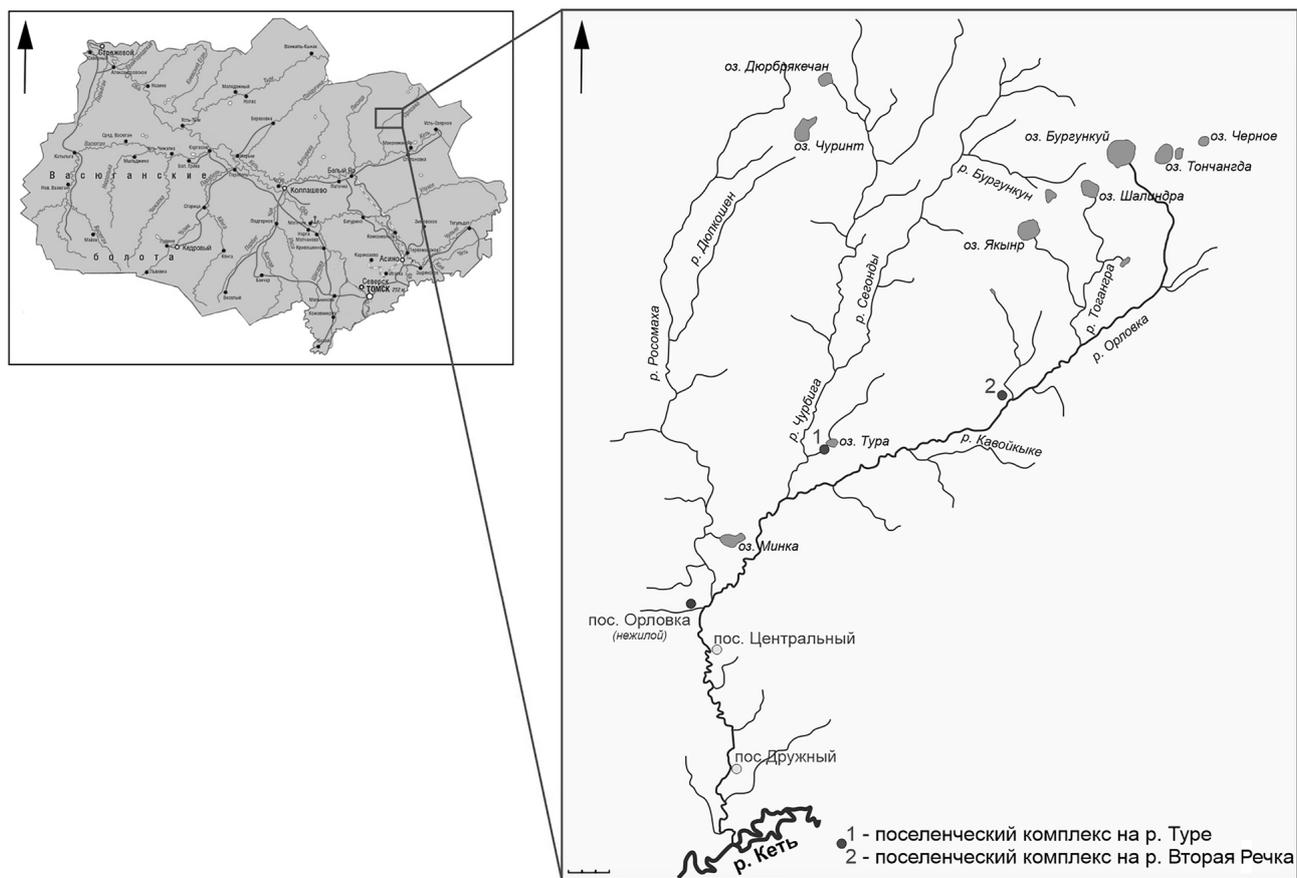


Рис. 1. Район археологической разведки 2020 г. и место расположения обследованных памятников

«Орловка, река в Томской области... истоки в Красноярском крае... Длина 327 км, площадь бассейна 9 010 кв. км. Берет начало из озера Бургунку и течет по Западно-Сибирской равнине» (Большая советская энциклопедия, 1974: 520). По своим размерам она мало уступает р. Кети на этом отрезке, ее ширина в среднем течении достигает 35–50 м, в нижнем – 80–100 м. Средняя глубина Орловки в межень 2,2 м, на перекатах 0,7 м, скорость течения 2–2,5 км/ч, при коэффициенте извилистости 2,4 (Проект водоземлеустройства... 1937: 57–58).

Бассейн р. Орловки насчитывает около 30 притоков общим протяжением 788 км. Ее особенностью, аналогично р. Кети, является асимметричность долины, самые протяженные притоки впадают с правой стороны – это р. Чурбига, р. Росомаха. До устья последней р. Орловка имеет общее направление на юго-запад, а затем круто поворачивает на юг. Ее истоки сходятся с верхними течениями водотоков смежных речных бассейнов, основными реками которых являются рр. Тым и Сым. Эта особенность с древности использовалась населением для перехода из речной сети р. Кети в систему рр. Тым или Сым, об этом свидетельствуют даже топонимы междуречья, например болото Перевальное.

В географических описаниях р. Орловка характеризуется высокими надпойменными террасами, потенциально перспективными для поиска археологических объектов. На отдельных отрезках реки они выходят к руслу, обнажающему их геологическое строение. В нижнем и среднем течении высота яров достигает 20 м, в верхнем – не более 3 м. Одно из самых протяженных обнажений находится в нижнем течении, рядом с пос. Центральным. Аналогичную характеристику берегов имеет и р. Росомаха, крупнейший приток р. Орловки, впадающий на 93-м километре от ее устья. Общая протяженность р. Росомахи около 116 км при ширине в среднем течении 15–25 м и глубине в межень 0,5–1,5 м (Проект водоземлеустройства... 1937: 57–58).

Река Орловка с XVII в. упоминается путешественниками и исследователями, а также фиксируется на картографических материалах. Первые сведения о водотоке появляются в третьей четверти XVII в. Река Орловая упоминается в дневнике Н. М. Спафария, проследовавшего по Кети в 1675 г. Он отмечал в том числе значительные размеры этого притока, который мало уступал основному водотоку: «а та река Орловая будет величиною с Кеть... А вытекла та река Орловая из дальнего места, из болот, а промышляют по ней Остяки соболи и лисицы, и белки, и иной зверь» (Путешествие через Сибирь... 1882: 76). Этот водоток указан на ранних картах и чертежах Сибири. Прежде всего нужно отметить ее присутствие на «Чертеже земли Нарымского города», входящего в один из атласов С. У. Ремезова (Чертежная книга Сибири... 1882: 11). На нем присутствуют только основные притоки р. Кети, дополненные указанием продолжительности пути до их устьев. В качестве единицы измерения используется день, а в роли начальной точки маршрута и главного ориентира выступает Кетский острог. По данным С. У. Ремезова, путь из Кетского острога до устья р. Орловой занимал восемь дней, при этом движение по руслу реки осуществлялось против течения. Примерно столько же времени (девять дней) понадобилось Николаю Спафарию для того, чтобы преодолеть этот отрезок Кети в 1675 г. (Путешествие через Сибирь... 1882: 73–76). По течению реки этот путь занимал почти в два раза меньше времени.

Первое обстоятельное описание р. Кети и ее бассейна было сделано в середине XVIII в. Г. Ф. Миллером. Пытливому немцу не удалось проследовать по р. Кети, однако, учитывая значение этого водотока, он считал необходимым охарактеризовать не только географию, «но и в качестве уведомления для путешествующих обстоятельно описать такую значительную реку и очень часто посещаемый путь» (Сибирь XVIII века... 1996: 188). Миллеру удалось собрать подробные сведения о Кети через проживающих там русских и остяков. Исследователь упоминает и р. Орловку, сообщая некоторые неизвестные до этого момента подробности. Он первым приводит ее местное название – Limra-ki. Под таким наименованием она была известна «остяцкому» населению Кети. С селькупского языка это название переводится как

«Орлиная река», что соответствует знакомому нам сегодня топониму (Яковлев, 1997: 70). В описании Г. Ф. Миллера указаны основные орловские притоки: рч. Россомачья, по-остяцки Unkontschue-ki, которая впадала с северо-запада в трех днях пути от устья, а также рч. Tschuruby-ki, по-русски «Пезчанна речка», впадающая также с северо-запада в одном дне пути выше предыдущей (Сибирь XVIII века... 1996: 191). В перечисленных реках без труда определяются основные притоки Орловки, хорошо известные по современным географическим картам.

В XIX в. объем сведений о р. Кети, а значит, и о ее основных притоках, значительно увеличился. Это было связано со строительством Обь-Енисейского соединительного пути и осуществляемыми в связи с этим инженерными изысканиями в бассейне Кети. Одно из описаний принадлежит князю Н. Кострову и опубликовано в 1875 г. (Костров, 1872: 6–7).

Историко-культурной особенностью Орловки в XX в. явилось то, что с 1930-х гг. основными обитателями ее бассейна стали эвенки. На этой реке существовал поселок, названный по имени водотока, ставший центром кочевого сельского совета, объединившего несколько десятков семей тунгусов, кочевавших по правобережью Кети (Проект водоземлеустройства... 1937).

Таким образом, р. Орловка стала известна русскому населению с XVII в. Она выделялась своими размерами, играла важную роль в жизни местных обитателей, прежде всего в период промысла. Кроме этого, истоки Орловки вплотную сходились с притоками смежных крупных рек. Эта особенность использовалась инородческим населением для перехода с кетского речного бассейна в систему Тыма и Сыма. В XX в. в ее бассейне располагались кочевые угодья эвенков, обитавших здесь до 1980-х гг. (Максимова, 2016: 130).

В археологическом отношении р. Орловка является terra incognita Томской области, исследований здесь не проводилось. В археологических трудах р. Орловка фигурирует только единственный раз. В 1980-х гг. в ее верхнем течении, на берегу оз. Якыр, был найден каменный пест. находка была сделана местным рыбаком, который передал ее в Томский областной краеведческий музей. Артефакт был датирован периодом неолита (Гребнева, 2017: 477). По доступным нам данным, в 1950 г. эту реку посещала экспедиция Томского университета под руководством Н. С. Розова, однако основной целью было антропологическое изучение местного населения. Исследователям удалось посетить пос. Орловку, осуществить антропологические измерения его жителей, а также сделать серию фотографий населенного пункта и его обитателей (Материалы Н. С. Розова... 1952). На рубеже 1970–1980 гг. в бассейне р. Орловки работала этнографическая экспедиция под руководством И. Е. Максимовой. Собранный материал был использован исследователем при подготовке кандидатской диссертации (Максимова, 1994).

В настоящее время р. Орловка хорошо освоена только в нижнем течении, здесь располагаются два небольших по численности жителей поселка: Дружный и Центральный. Они относятся к Орловскому сельскому поселению, входящему в состав Верхнекетского района. В летний период связь с этими поселками возможна только на пароме. Верхнее течение Орловки и водораздел являются труднодоступными, тем не менее развернувшиеся в этом районе лесозаготовки и обустроенная в связи с этим транспортная инфраструктура делает их посещение потенциально возможным.

В 2020 г. археологам Томского государственного университета представилась возможность посетить бассейн р. Орловки, а точнее, ее среднее и верхнее течение (рис. 1). Это стало возможным благодаря энтузиазму местных жителей, собравших сведения о случайных находках этнографических предметов в этом районе и указавших места предположительного расположения объектов древней истории. Это определило основную задачу экспедиции 2020 г., которая заключалась в проверке сведений местного населения об археологических памятниках в бассейне р. Орловки. Кроме археологической перспективы, интерес к этим местам был

обусловлен располагавшимися здесь кочевьями эвенков. В этом контексте заслуживали внимания природно-географические особенности кетского правобережья, которые в границах современной Томской области оказались максимально адекватными для кочевого образа жизни тунгусов. В ходе экспедиции удалось выявить связанные с эвенками руинированные объекты, однако в рамках данной публикации будут представлены только результаты работ на археологических памятниках.

Результатом разведки явилось обследование двух крупных поселенческих комплексов, расположенных в среднем и верхнем течении р. Орловки (рис. 1). Один из них находится в районе оз. Тура, соединенного одноименным истоком с правым орловским притоком р. Чурбигой. На берегах этого истока, на гривах, вытянутых параллельно его руслу, были обнаружены несколько десятков западин. По результатам их визуального анализа отмечены различия в размерах и конфигурации, что указывает на разновременность комплекса.

На правом берегу р. Туры, в пределах археологического памятника, были зафиксированы руинированные этнографические объекты эвенков. Со слов проводника экспедиции, здесь располагалось одно из последних стойбищ. Несмотря на то что оно было оставлено несколько десятилетий назад, сохранились остатки сшитых берестяных полотнищ, фрагменты посуды из бересты, остатки остова чума из жердей. На противоположном стойбищу берегу располагалась промысловая избушка, обитателями которой были русские, однако по примеру эвенков, используя их опыт, они занимались разведением оленей. К настоящему моменту сохранились не только развалины избушки, но и комплекс полуразрушенных хозяйственных объектов, элементы утвари, а также руинированные загоны для оленей.

Недостаток времени не позволил тщательно осмотреть, проанализировать и описать особенности локализации всех перечисленных объектов, предполагалось повторное посещение этих мест. В 2020 г. был подготовлен только топографический план поселения, расположенного на левом берегу р. Туры. Установить датировку памятника не удалось (Идимешев, 2021).

Второй локацией, обследованной в ходе экспедиции, явилось урочище на р. Вторая Речка. Это место было указано проводником, который сообщил его местное название – «колокола». В результате осмотра урочища установлено, что на гривах, расположенных на удалении от современного русла р. Орловки и вытянутых параллельно ему, располагается комплекс, представленный городищем и многочисленной серией разнотипных западин. Как и в предыдущем случае, недостаток времени позволил провести лишь предварительную рекогносцировку. Однако даже беглый осмотр указывает, что количество западин, занимающих значительный по площади земельный участок, превышает пять десятков.

Отдельного внимания заслуживает расположенное здесь городище. Памятник занимает незначительно возвышающийся над окружающей местностью фрагмент гривы. Постоянные водотоки поблизости отсутствуют, до р. Вторая Речка, расположенной к востоку, кратчайшее расстояние составляет 1 700 м, р. Орловка находится в 350 м к юго-востоку. С северо-востока грива ограничена болотным массивом, с юга ее сменяет пойма р. Орловки с сетью старичных озер. Городище локализуется в центральной части поселенческого комплекса, со всех направлений его окружают разнотипные жилищные западины, большая часть которых все же находится к югу и востоку от него. Городище имеет круговую оборону, его диаметр составляет 20–25 м. В качестве укреплений использовались ров и вал, имеющие в настоящее время пологие борта и склоны. Ров располагается с внешней стороны городища. Его ширина варьирует в пределах 2–3,5 м, глубина на разных фрагментах достигает от 0,3 до 0,5 м от уровня napольной поверхности. Нужно отметить, что с внешней стороны городища естественный рельеф сохранился, выкид грунта при сооружении рва использовался для устройства внутреннего вала. Высота вала также непостоянна, относительно дна рва она достигает максимальных отметок, равных 1,5 м.

Рельеф внутренней части городища характеризуется наличием единственной западины, занимающей значительную площадь в центральной части укрепленной площадки. Ее размеры достигают в диаметре 4,5–5 м, глубина 0,5 м. Местное название этого урочища – «колокола» – обусловлено необычным рельефом городища, которое действительно напоминает перевернутый колокол.

Ближайшим географическим ориентиром является р. Орловка. Однако, по нашему мнению, для обозначения городища, да и всего поселенческого комплекса в целом, следует использовать наименование ее притока р. Вторая Речка, к приустьевому участку которой привязаны археологические объекты. Именно р. Вторая Речка будет являться основным ориентиром при географической характеристике этого памятника.

Городище является не типичным для Томской области. Оно имеет круговую оборону, тогда как в области большая часть городищ террасные или мысовые, естественно укрепленные с одной или нескольких сторон высокими склонами. В данном случае при устройстве фортификаций особенности естественного рельефа не использовались, городище находится в центральной части гривы, имеющей пологие, практически незаметные склоны.

Городища с круговой системой обороны зафиксированы в Среднем Приобье пока лишь в одном районе. Он также находится на правобережье р. Кети, в верхнем течении р. Язевой, входящей в систему Обь-Енисейского канала. Здесь открыто три подобных городища, период функционирования которых укладывается в рамки раннего железного века (Боброва, Березовская, Барсуков, 2015: 109–203). К сожалению, обследованное в верховье р. Орловки городище осталось недатированным, для аргументированного определения его хронологии необходимо провести полноценные шурфовочные работы. На сегодняшний день мы располагаем материалами, достаточными только для предварительных выводов о датировке поселения за пределами городища.

В этом контексте представляют интерес полученные от местного населения археологические находки, происходящие с обнажения культурного слоя комплекса на р. Вторая Речка (рис. 2). Они представлены тремя предметами из металла: перстень и два наконечника стрелы.

Щитковый перстень изготовлен из цветного металла, на щитке имеется орнамент, представленный овальными лунками, одна из которых находится в центре, шесть по ее окружности (рис. 2, 3). В Томско-Нарымском Приобье перстни являются массовой находкой в материалах памятников XVII–XVIII вв. (Боброва, Барсуков, Тишкин, 2018: 55–56), для предшествующего периода, включая развитое Средневековье, они являются редкостью. Перстни традиционно считаются предметом поточного русского импорта, активизировавшегося в Сибири с конца XVI в. Находки данной категории известны и с бассейна р. Кети, где в большом количестве обнаружены в погребальных памятниках позднего Средневековья и Нового времени. Тем не менее полные аналогии перстню с р. Орловки в материалах Томско-Нарымского Приобья нам не известны. На данном этапе считаем возможным определить нижнюю хронологическую границу этой находки поздним Средневековьем, периодом наиболее массового использования предметов данной категории.

Происходящие с поселенческого комплекса железные наконечники стрел характеризуются хорошей сохранностью. Они относятся к одному типу и отличаются лишь размерами (рис. 2, 1-2). Это плоские вильчатые наконечники с заостренной внутренней частью лезвий. Для крепления использовался прямоугольный в сечении черешок, имеющий в месте перехода к острию упор в виде ромба.

Наконечники находят аналогии в материалах средневековых памятников Томско-Нарымского Приобья, а также среди этнографических образцов. Наиболее же близкие встречаются среди предметов обитателей Нарымского края рубежа XIX–XX вв. Например, в материалах У. Т. Сирелиуса представлена стрела с р. Васюган, наконечник которой аналогичен обнаруженному в верховьях р. Орловки. В описании предмета указано, что это стрела

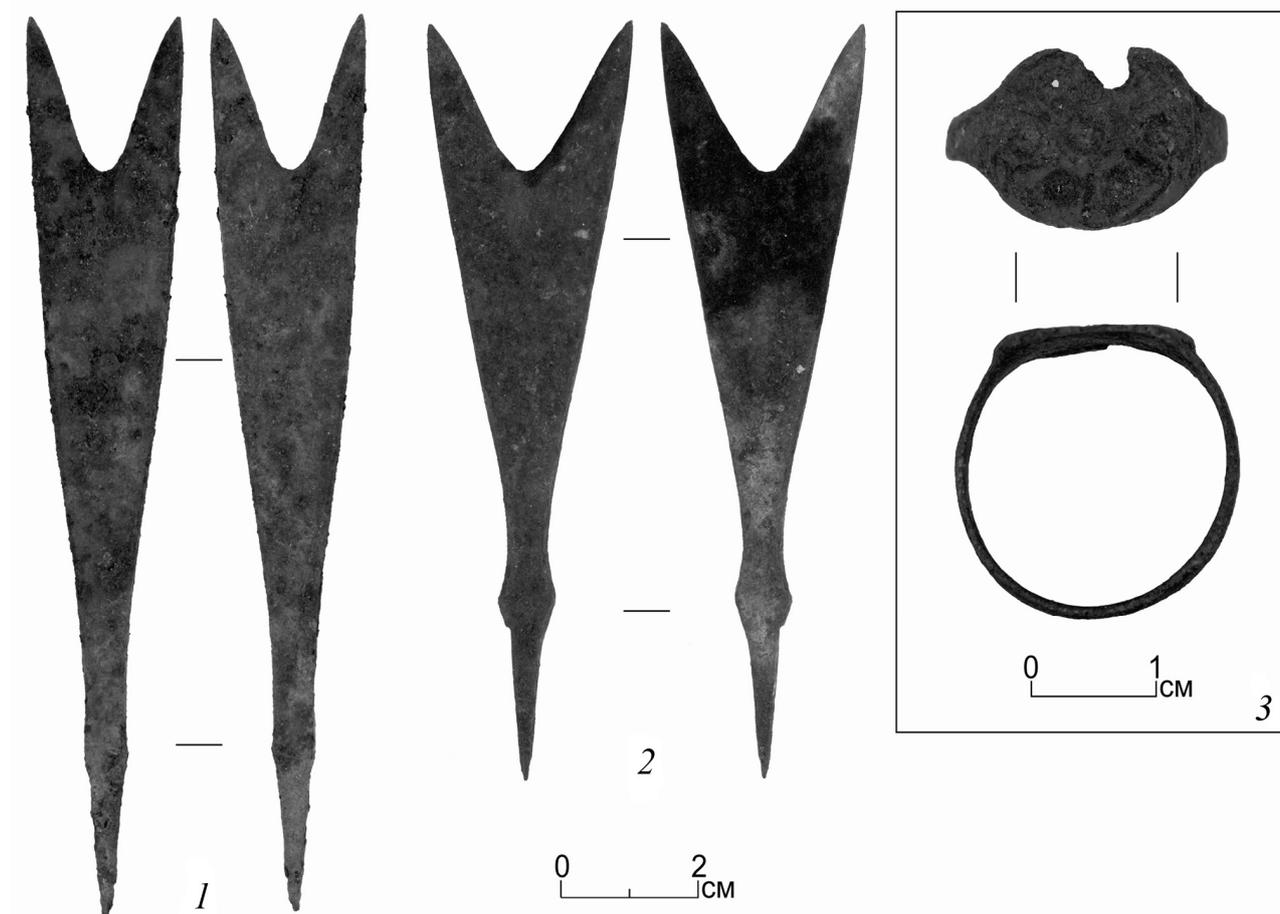


Рис. 2. Археологические находки с поселенческого комплекса на р. Вторая Речка

на щуку – *njal* – применяется при стрельбе во время нереста щуки на мелководье у берега, на затапливаемых участках (Сирелиус, 2001: 274).

Случайные находки с площади поселенческого комплекса позволяют констатировать, что одним из периодов его функционирования являлось позднее Средневековье, возможно, и Новое время. С большой долей вероятности с этим хронологическим отрезком связаны зафиксированные в составе комплекса западины, представленные четкими прямоугольными котлованами глубиной до 0,8 м. К короткой стороне котлованов примыкают выходы-тамбуры, которые также имеют прямоугольную конфигурацию, четко читающиеся в рельефе углы.

Предположение о возможности функционирования поселенческого комплекса, в том числе и в «исторический» период, позволяет использовать для интерпретации археологических материалов сведения письменных источников. После проникновения русских в бассейн р. Кети и основания Кетского острога был образован Кетский уезд. Местоположение острога и границы уезда несколько раз менялись. Однако весь период своего существования уезд неизменно включал бассейн нижнего и среднего течения р. Кети. Обитавшее здесь население было организовано в несколько инородческих волостей, местоположение и границы которых позволяют определить письменные свидетельства.

Одним из важнейших источников являются картографические материалы С. У. Ремезова. На «Чертеже земли Нарымского города» интересующий нас водоток фигурирует под названием р. Орлова, по обе ее стороны отмечены инородческие волости: на левобережье указана волость Иштанова, на правобережье – волость Питкина (Чертежная книга Сибири... 1882: 11). Уточнить и дополнить сведения С. У. Ремезова позволяют материалы Г. Ф. Миллера. По полученным им от местного населения данным, Питкина волость начиналась от устья р. Чачамги:

«рч. Dschadscham-ki, впадает с юга, в 10 верстах от предыдущей деревни. До истока 1 неделя пути с нартами. Досюда Кашкина волость, далее Питкина» (Сибирь XVIII века... 1996: 191). От этого места волость тянулась вверх по течению р. Кети до устья р. Тоголики: «рч. Toguli-ki, с севера, возле предыдущей деревни. Недалеко от устья разделяется на два рукава, из которых правый, или восточный, который идет с верховьев р. Кети, больший, а другой, меньший, идет прямо с севера. Конец Питкиной волости, далее – Иштанова» (Сибирь XVIII века... 1996: 191). Описанная Г. Ф. Миллером гидрографическая сеть полностью согласуется с данными современных карт. Это позволяет констатировать, что бассейн р. Орловки в XVII–XVIII вв. был освоен все же населением Питкиной волости. По сведениям исследователя, к ней относились обитатели двух инородческих юртов, располагавшихся на Кети: «(Юрты) Aanku-et, на южном берегу, напротив устья Орловой; (Юрты) Tschueroga-et, на северном берегу, в 20 верстах от предыдущей» (Сибирь XVIII века... 1996: 191).

В вышеперечисленных источниках о каких-либо населенных пунктах, существующих непосредственно на берегах р. Орловки, не упоминается. По-видимому, одной из причин их отсутствия являлась труднодоступность среднего и верхнего течения реки. Об этом еще во второй половине XIX в. сообщал князь Н. Костров. Труднодоступность была обусловлена наличием протяженных заломов на реке, из-за которых в летний период достичь верхнего течения р. Орловки по воде было крайне проблематично. Остяки проникали сюда только для промысла в зимний период, используя нарты для перевозки продуктов питания (Костров, 1875: 6–7). В XX в. ситуация в этом отношении мало отличалась. По данным 1930-х гг., в бассейне Орловки было зафиксировано существование 35 заломов на основной реке, и 10 на ее основном притоке р. Чурбиге. Самый большой находился перед пос. Орловка, на 86-м километре реки, его протяженность достигала 1,5 км (Проект водоземлеустройства... 1937: 57–58). В настоящее время ситуация с заломами остается аналогичной и не позволяет использовать реку для передвижения в среднем и верхнем течении.

В этом контексте представляют интерес сведения С. У. Ремезова, представленные в «Хорографической чертежной книге...». Эти данные совершенно по-иному позволяют взглянуть на историко-культурную ситуацию в бассейне р. Орловки на рубеже XVII–XVIII вв. Судя по чертежу, на котором Ремезов отметил Среднее Приобье, бассейн р. Орловки можно охарактеризовать как один из самых населенных среди кетских притоков. Здесь обозначено пять населенных пунктов (юртов) инородческого населения. В качестве условного обозначения этого типа селений картограф использует три окружности светло-коричневой окраски, выстроенные в горизонтальный ряд. Рядом с условным обозначением для четырех юртов указаны их названия. На левом берегу р. Орловки, в ее среднем течении, указаны юрты Кунданковы, в верхнем течении – юрты Тосанковы. На правобережье отмечены Алатабаиковы и Ясауловы юрты (Хорографическая чертежная книга... 2011: 138). К сожалению, на этом листе «Хорографической чертежной книги...» С. У. Ремезов не указал названия волостей. Однако, учитывая вышеприведенные сведения, можно с большой долей уверенности предполагать, что данные населенные пункты относились к Питкиной волости.

Таким образом, по сведениям письменных источников, бассейн р. Орловки был освоен населением остяцкой Питкиной инородческой волости. На рубеже XVII–XVIII вв. на берегах водотока располагалось несколько населенных пунктов ее представителей. С большой долей вероятности, обследованный в 2020 г. поселенческий комплекс на р. Вторая Речка как минимум на последнем этапе своего существования был связан с населением этой волости.

Таким образом, по результатам рекогносцировочного обследования можно сделать заключение о том, что верхнее и среднее течения р. Орловки и ее притоков представляют несомненный интерес для археологии. По-видимому, аналогичной будет ситуация и на других крупных правых притоках: рр. Лисица, Елтырева, Пайдугина, Тоголика. Особый интерес представляет выявленное городище, которое является нетипичным для Томской области

и находит аналогии только среди памятников Обь-Енисейского канала. Кроме этого, существует перспектива изучения руинированных объектов жизнедеятельности эвенков, кочевавших на Орловке в XX в. По нашему мнению, выявленный в 2020 г. на р. Туре этноархеологический комплекс заслуживает того, чтобы придать ему статус достопримечательного места. Даже предварительное знакомство указывает на неординарность этого района, которая обусловлена как природными ландшафтами, так и расположенными здесь разнотипными объектами археологии, этнографии и истории. Результаты экспедиции 2020 г. позволяют констатировать, что бассейн р. Орловки является одним из самых интересных и перспективных районов на историко-культурной карте Томской области, что определяет необходимость продолжения здесь натуральных исследований.

Литература:

- Боброва А. И., Барсуков Е. В., Березовская Н. В.** Городища раннего железного века на Верхней Кети // Человек и север: антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2015. С. 109–203.
- Боброва А. И., Барсуков Е. В., Тишкин А. А.** Определение состава металла щитковых перстней из погребальных комплексов XVII–XVIII вв. Томско-Нарымского Приобья // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 4 (24). С. 55–63.
- Большая советская энциклопедия:** в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 18. 632 с.
- Галкина Т. В.** Кетская страница жизни А. П. Дульзона // Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию Верхнекетского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 408–420.
- Гребнева Г. И.** Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том ун-та, 2017. 554 с.
- Дульзон А. П.** Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Евсеева Н. С.** География Томской области. Природные условия и ресурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 223.
- Идимешев А. А.** Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории Колпашевского и Верхнекетского районов Томской области в 2020 году. Северск, 2021. 140 с.
- Костров Н.** Нарымский край. Томск: Типография Губернского правления, 1872. 96 с.
- Максимова И. Е.** Тунгусский ойкос (по материалам сымско-кетской группы эвенков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.
- Максимова И. Е.** Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенков // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 128–132.
- Материалы Н. С. Розова,** 1950–1952 гг. // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Ф. 324.
- Проект** землеустройства Орловского туземного сельсовета Колпашевского района, 1937 // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49.
- Путешествие через Сибирь** от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. СПб.: Типография В. Киршбаума, в д. М-ва финансов, на Дворц. площ., 1882. 216 с.
- Сибирь XVIII века** в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
- Сирелиус У. Т.** Путешествие к хантам / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 334 с.
- Хорографическая чертежная книга Сибири** С. У. Ремезова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 692 с.
- Чертежная книга Сибири,** составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Тип. А. М. Котомина и Ко., 1882. 24 л.
- Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И.** Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. Т. 1. 340 с.
- Яковлев Я. А.** Географические названия Верхнекетского района. Что они означают? // Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск: Изд-во Том ун-та, 1997. С. 50–76.

Барсуков Евгений Владимирович.
Научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: barsukovevg@mail.ru

Идимешев Асап Алексеевич.

Старший преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: asap.i@mail.ru

Материал поступил в редакцию 5 октября 2023 г.

E. V. Barsukov, A. A. Idimeshev

PERSPECTIVES FOR THE ARCHEOLOGICAL EXPLORATION OF THE RIGHT-BANK TRIBUTARIES OF THE RIVER KETH (USING THE EXAMPLE OF THE ORLOVKA RIVER)

The archeological work of A.P. Dulzon in the catchment area of the river Ket from 1952 onwards has lost no scientific relevance to this day. He paved the way for many decades for historical and cultural studies in the Ket River region. To date, the Ket River has been insufficiently explored from an archeological perspective. Its tributaries on the right bank, which are characterized by a considerable length, remain a “blank spot” on the map of the Tomsk region, as they are difficult to access. In 2020, archeologists organized an exploratory expedition to the Orlovka River, one of the largest tributaries of the right bank of the river Ket. This watercourse has been well-known to Russians since the 17th century. It is mentioned by travelers and explorers and is recorded in early cartographic materials. In the 1930s, an Evenki nomadic village council was established in its catchment area, which practiced a nomadic farming lifestyle until the 1980s. The main task of the reconnaissance in 2020 was to verify the information of the local population about the presence of archeological sites in the middle and upper reaches of the Orlovka River. Two large settlement complexes were discovered based on the work results. One was located on the banks of the Tura River, the other – at the mouth of the Vtoraya Rechka river. The latter complex includes a fortified settlement with a circular defense system. The dating question of these monuments has not yet been clarified. Random finds from the settlement on the Vtoraya Rechka river indicate that one of the periods in which it was in operation was the late Middle Ages and possibly the modern period. According to written sources, this fragment of the Ket River region was inhabited by the population of the Ostyak Pitkin volost in the 17th to 19th centuries. Most likely, the operation of the settlement complex during this period can be associated with this population group. The results of the 2020 reconnaissance indicate the archeological potential of the right bank of the Ket River and the need to conduct targeted field studies here.

Keywords: *Ket river region, Ket uyezd, Pitkin volost, Ket river, Orlovka river, archeology, ethnography, Evenks, settlement, fortified settlement*

References:

Bobrova A. I., Barsukov E. V., Berezovskaja N. V. Gorodishha rannego zheleznogo veka na Verhnej Keti [Fortified settlements of the Early Iron Age on Upper Ket] // *Chelovek i sever: antropologiya, arheologiya, ekologiya*. Tyumen: Izd-vo In-ta problem osvoeniya Severa SO RAN, 2015. P. 109–203.

Bobrova A. I., Barsukov E. V., Tishkin A. A. Opredelenie sostava metalla shhitkovykh perstnej iz pogrebal'nykh kompleksov XVII–XVIII vv. Tomsko-Narymskogo Priob'ya [Determination of the composition of the metal of the shiekded signet rings from the funeral complexes of the 17th–18th centuries of the Tomsk–Narymsk Ob river area] // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2018. № 4 (24). P. 55–63.

Bol'shaja Sovetskaya Enciklopediya. (v 30 tomakh). Izd. 3-e [Great Soviet Encyclopedia. (in 30 volumes). 3rd edition]. Moscow: «Sovetskaya enciklopediya», 1974. Vol. 18. 632 p.

Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu [The Book of Drawings of Siberia compiled by the Tobolsk boyar scion Semyon Remezov in 1701]. St. Petersburg: Tipografiya A. M. Kotomina i Ko., 1882. 24 p.

Chindina L. A., Yakovlev Ya. A., Ozheredov Yu. I. Arheologicheskaya karta Tomskoj oblasti [Archaeological map of the Tomsk Region]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 1990. Vol. 1. 340 p.

- Dul'zon A. P.** Arheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological sites of the Tomsk Region (materials for the archaeological map of the Middle Ob region)] // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. 1956. Vol. 5. P. 89–316.
- Evseeva N. S.** Geografiya Tomskoy oblasti. Prirodnye usloviya i resursy [Geography of the Tomsk region. Natural conditions and resources]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny universitet, 2001. 223 p.
- Galkina T. V.** Ketskaya stranica zhizni A. P. Dul'zona [The Ket page of A. P. Dulzon's life] // Zemlya Verhneketskaya. Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu Verhneketskogo rajona. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny universitet, 1997. P. 408–420.
- Grebneva G.I.** Katalog arheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Catalog of the archaeological collection of the Tomsk Regional Local History Museum]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny universitet, 2017. 554 p.
- Horograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri** S.U. Remezova [S.U. Remezov Chorographic Book of Drawings of Siberia]. Tobol'sk: Obshchestvenny blagotvoritel'ny fond «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2011. 692 p.
- Idimeshev A. A.** Nauchnyy otchet o provedennoy arheologicheskoy razvedke na territorii Kolpashevskogo i Verhneketskogo rajonov Tomskoy oblasti v 2020 godu [Scientific report on the archaeological exploration conducted in the Kolpashevsky and Verhneketsky districts of the Tomsk region in 2020]. Seversk, 2021. 140 p.
- Kostrov N.** Narymskiy kray [Narym Territory]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1872. 96 p.
- Maksimova I. E.** Tungusskiy ojkos (po materialam symsko-ketskoy gruppy evenkov) [Tunguska ecumene (based on materials from the Sym-Ket group of Evenks)]: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 1994. 20 p.
- Maksimova I. E.** Arhivnye materialy kak istochnik po etnogenezu symsko-ketskih jevenkov [Archival data as a source for the ethnogenesis of the Sym-Ket Evenks] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal. History]. 2016. No. 5 (43). P. 128–132.
- Materialy N.S. Rozova**, 1950–1952 gg. [Materials from N. S. Rozov, 1950–1952] // Arkhiv Muzeja arheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. F. 324.
- Proekt zemlevodoustroistva Orlovskogo tuzemnogo sel'soveta Kolpashevskogo rajona**, 1937 [Land and water management project of the Orlovsky native village council of the Kolpashevsky district, 1937] // Arkhiv Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. F. 1. Inv. 3. M. 49.
- Puteshestvie cherez Sibir'** ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechaniyami Yu.V Arsen'eva [Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China of the Russian envoy Nikolai Spathari in 1675: Travel diary of Spathari with introduction and notes by Yu. V. Arseniev] // St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, v d. M-va Finansov., na Dvorc ploshch., 1882. 216 p.
- Sibir' XVIII veka** v putevykh opisaniyah G. F. Millera [18th century Siberia in the travel descriptions of G. F. Miller]. Novosibirsk: «Sibirskiy hronograf», 1996. 310 p.
- Sirelius U. T.** Puteshestvie k hantam [Traveling to the Khanty] / Translation from German and publication by Doctor of Historical Sciences N. V. Lukina. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny universitet, 2001. 334 p.
- Yakovlev Ya. A.** Geograficheskie nazvaniya Verhneketskogo rajona. Chto oni oznachajut? [Geographical names of the Verhneketsky region. What do they mean?] // Zemlja Verhneketskaja. Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu Verhneketskogo rajona. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny universitet, 1997. P. 50–76.

Barsukov Evgenij Vladimirovich.
Researcher.

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS.
Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: barsukovevg@mail.ru

Idimeshev Asap Alexeyevich.
Senior Lecturer.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: asap.i@mail.ru

Т. В. Волдина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТОВ И ОБРЯДОВЫХ ТРАДИЦИЙ НЕНЦЕВ И ХАНТОВ ОЗЕРА НУМТО В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО – Югре) проживает около 1,5 тыс. лесных ненцев. Эта этническая группа включает в себя более мелкие локальные образования со своим отдельным говором и традициями. Смешавшись с соседними численно превосходящими их группами хантов, с которыми у них в настоящее время много общих черт в культуре, они сохранили свое этническое самосознание, особенности мировосприятия. В марте 2023 г. состоялась поездка автора в деревню Нумто, расположенную на берегу одноименного озера – одного из самых почитаемых священных мест коренных народов Югры и Ямала, а также территорией тесного межэтнического взаимодействия лесных ненцев и казымских хантов. Собранные данные свидетельствуют не только об активном бытовании здесь народных традиций, но и дают возможность увидеть происходящие в них изменения, прежде всего в сакральной сфере, имеющей достаточно консервативный характер. Основу фольклорных материалов составили разнообразные легенды о происхождении этого «небесного, божественного» озера и его священного острова. Подвижность фольклорных сюжетов обусловлена вариативной природой народного творчества, для их изучения использованы как полевые записи автора, так и данные, зафиксированные ранее другими исследователями, что позволяет проследить вариативность легенд о Нумто. Интерес представляет последовательность трансформаций фольклорного сюжета о жертвоприношении юноши на святом острове со второй половины XX в. и до сегодняшнего дня, которые свидетельствуют о сглаживании межэтнических противоречий между породнившимися группами: нумтовскими ненцами и казымскими хантами. Их культурному сближению способствовал также культ Казымской богини, одинаково почитаемой ими. В окрестностях Нумто в обрядовой сфере значительную роль играет ритуал жертвоприношения, который совершается не только местными жителями, но и представителями других этнических групп ненцев и хантов, приезжающих для поклонения местным святыням. В настоящее время наблюдаются послабления, вплоть до снятия запрета на посещение святого острова для женщин-ненок и хантыек, состоящих в родственных связях с ненцами. Причина – передача им одной из функций при разделке жертвенного оленя. В среде казымских хантов табу на посещение святого острова, существовавшее в прошлом для всех независимо от пола, также частично утрачивает свою силу. В рассматриваемом хантыйско-ненецком культурном симбиозе наиболее заметны изменения в традициях ненцев, в то время как в культуре казымских хантов они носят более скрытый характер.

Ключевые слова: *лесные ненцы, казымские ханты, хантыйско-ненецкие межэтнические связи, трансформация традиций, фольклорные сюжеты, Нумто, обряды жертвоприношений, святые места*

Введение

Тема угро-самодийских культурных контактов имеет большую библиографию. Эти связи просматриваются во всех сферах традиционной жизни, включая верования, обрядово-ритуальную сферу и фольклор. В одном случае близость актуальных верований, обычаев и обрядов ненцев и хантов – это результат длительного культурного взаимодействия, в другом случае имеют отношение к общей древней основе. Общие архаичные традиции сближают их и с другими народами, но в данном случае уместно говорить об едином для угров и самодийцев исторически обусловленном семиотическом поле.

Одним из первых взаимосвязи с хантыйской культурой на материалах по духовной культуре разных групп ненцев, записанных в первые десятилетия XX в., рассматривал Т. Лехтисало (1998), «когда традиционная культура народа еще была целостной системой». У лесных ненцев и хантов ХМАО – Югры близкие представления о душе, духах природы, священных животных и деревьях. Культуру ненцев и обских угров роднит определенный тип шаманства. Частично вопрос о хантыйско-ненецких параллелях в шаманских традициях и общих представлениях о душе рассматривался автором совместно с В. К. Ледковым (Волдина, Ледков, 2015). О «слиянии шаманской практики» хантов и лесных ненцев писала М. А. Зенько (1999: 184).

Родство образов шаманского пантеона, прежде всего ненецкого Явмал и обско-угорского «Смотрящего за миром», отмечал А. В. Головнев (2001: 33–36). Зафиксированы общие для угров и самодийцев священные места и связанные с ними духи-покровители (Харючи, 2013: 52), где проводятся схожие ритуалы (Зенько, 1999: 183). В литературе представлены описания совместного проведения обрядов у оленеводов хантов и лесных ненцев (Молданов, 2008: 125–127).

Цель данной работы – представить современное состояние фольклорных и обрядовых традиций, связанных с территорией оз. Нумто, с учетом тех изменений, которые наблюдались автором в период посещения этих мест в марте 2023 г.

Методологически в этом отношении автору близок подход Н. А. Тучковой, примененный в комплексном изучении фольклора селькупов, которое в определенной степени можно рассматривать как развитие сравнительно-мифологических исследований В. В. Напольских и Ю. Е. Берёзкина. При определении своего метода она отмечает, что «процесс формирования сюжетно-мотивного фонда любого народа напрямую связан с исторической судьбой его носителей, а выявляемая его «конфигурация» – ареалы распространения сюжетов – является своеобразной «базой данных», в которой запечатлены события этно-исторического характера» (Тучкова, 2020: 10).

Нумто – территория с особым сакральным статусом

Вся территория озера Нумто (нен. *Нум-то* ‘Небесное, Божье озеро’, хант. *Торум-лор* ‘Небесное, Божье озеро’), расположенного на границе ХМАО-Югры и ЯНАО, относится к важнейшим священным местам, одинаково почитаемым ненцами и хантами (Харючи, 2013: 62–63; Лехтисало, 1998: 48; Головнев, 1995: 427; Молданов, Молданова, 2000: 4; Зенько-Немчинова, 2006; Дмитриева, 2005: 431–440), овеянным многочисленными легендами. Информанты утверждают, что высокий статус его определяется размерами: «оно большое, поэтому священное» (ПМА, 2023: А. А. Пяк), или потому, что «озеро сравнивается с небом, поэтому Небесное озеро» (ПМА, 2023: Т. А. Сташкина (Вылла)), а также тем, что оно «связано с Небесным Богом: *Нум* – по-ненецки, *Торум* – по-хантыйски» (ПМА, 2023: А. А. Пяк). Некоторые считают, что оно похоже на морду лошади или лося, а вытекающие из него «речки-ручейки – „руки-ноги“ лося» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк; Г. Н. Кантеров), но чаще всего вспоминают легенду, что в нем отпечатался образ человека: «У Нумто есть *Ух-лор* (‘голова-озеро’), и перешеек, и глаза-острова...» или: «Ручейки как руки с двух сторон, ноги, может, тоже есть... Озеро как человек...» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк; Г. Н. Кантеров). Более подробное описание всех «частей тела», включающего даже «уши» и «клок волос на макушке», дано в топонимическом труде Т. Н. Дмитриевой (2005: 431–440).

В озере, как и в человеке, нельзя препятствовать течению жизненных сил: «В старину перешеек забором закрыли, чтобы рыбу ловить – перекрыли горло... И у людей появилась болезнь на горле – все умерли, потому что нельзя перекрывать горло...» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк). Другой вариант: «Были две семьи, пробовали поставить морды – один род вымер, а другой стал нищим и бедным и потерялся в просторах тундры – развеялся...» (ПМА, 2023: Т. А. Сташкина (Вылла)); «сейчас никто больше не загораживает, а сети ставят» (ПМА, 2023: Г. Н. Кантеров).

В ненецкой легенде о происхождении озера Нумто, записанной в свое время А. В. Головнёвым от Ниписа Пяка – родного дяди моих проводников-информантов, присутствует мотив реинкарнаций главного героя, прежде чем он превратился в озеро: «Здесь когда-то стоял чум ‘Старика’ Тычей Вэсако (ставшего Нумом). Его сын Тычей Вобню много воевал: семь раз он погибал и семь раз воскресал. Затем он ушел в озеро и стал Нум-то» (1995: 427).

Разнообразие фольклорных версий о появлении озера Нумто обусловлено еще и тем, что почитание его распространено очень широко. В собрании фольклорных и этнографических записей, зафиксированных Н. А. Тучковой от варьёганского ненца В. С. Айваседа, содержится песня о богатыре-пауте Шомстехантетто, победившем духа болезней. В этом варианте именно он стал священным озером Нумто (Тучкова, Шкуркина, 2004: 251–252).

Существует легенда и о происхождении священного острова, расположенного в центре Нумто: «На том берегу Бог стрелу пустил, конец стрелы снес часть полуострова, которая поплыла по озеру. Еще стрелу пустил, в центр этого плывущего острова попал и закрепил остров на месте посреди озера. Так появился остров посреди озера Нумто» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк). А вот другой его вариант: «В центре озера есть остров, о нем есть легенда. Был мыс в старые времена. Великан-богатырь стрельнул из лука, и земля сдвинулась, и остров появился» (ПМА, 2023: А. А. Пяк). На самом же острове раньше располагалось еще одно озеро, «сейчас оно высохло и заросло, ямка виднеется» (ПМА, 2023: Г. Н. Кантеров).

В местности вокруг Нумто исторически тесно проживают две этнические группы: лесные ненцы и казымские ханты (всего около 200 человек, в единственном одноименном поселке на его берегу – человек 30) (ПМА, 2023: Г. Н. Кантеров, Т. А. Сташкина (Вылла)). В прошлом между их предками происходили войны, одной из вероятных причин которых было право на владение этим «небесным» озером, закрепление за своей этнической группой ведущей роли на этих землях, а следовательно, получение могущественной божественной защиты. Вот как об этой поддержке свыше высказался современный нумтовский житель: «На берегу живем, нас [Нум, создатель, Творец] больше охраняет, каждый божий день молимся...» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк).

Согласно одному преданию, передававшемуся в районе Нумто еще в начале 1970-х гг., после одержанной победы на священном острове ненцы принесли в жертву Верховному богу Нуму самого красивого хантыйского юношу, пронзив ему горло вершиной молодого кедра, по стволу которого в землю стекала его кровь (ПМА, 1997: Волдина М. К.). Современные же нумтовские ненцы часто подчеркивают, что воевать приходили не их предки, а тундровые ненцы (ПМА, 2023: Г. П. Пяк), тем самым отделяя себя от древних межэтнических столкновений. Например, в «Сказках Татвы» встречается аналогичный сюжет про сироту-мальчика Ванту, взятого в качестве проводника «тундровыми ненцами-воинами» и принесенного ими в жертву на большом кедре (2016: 61–65). Эта же легенда в устах моих информантов трансформировалась в другую версию о *Ванты-тыты* (нен. *Ванты* – имя, *тыты* – кедр, дерево), полностью исключая характер хантыйско-ненецкого конфликта, так как здесь уже называется не этническая принадлежность героев, а внимание фокусируется на социальном контексте: «Остров и озеро святые, приезжали купцы, меняли порох, дробы на пушнину. Проезжая мимо, нужно принести в жертву оленя. Один скупой был, пожалел оленя. Заточил дерево и принес в жертву батрака...» (ПМА, 2023: Т. А. Сташкина (Вылла)). Поздний характер носит также концовка, встречающаяся в разных версиях данного сюжета, о последовавшем наказании для того, кто принес в жертву человека: состязаясь в прыжках через нарты (странно, что они происходят на льду священного озера), он поранился собственным ножом и погиб, не переехав озеро (ПМА: Волдина М. К.; ПМА, 2023: Т. А. Сташкина (Вылла); Сказки Татвы... 2016: 64–65). Сюжет о выскочившем из ножен ноже и вонзившемся в одном варианте в печень, в другом – в почки жертвователя также выглядит надуманным и похож на идеологическую месть за принесенного в жертву соплеменника.

«Права» казымских хантов на данную территорию «обоснованы» культом их главного духа-покровителя – Казымской богини (хант. *Вут-ими*, *Касум-ими*, каз. хант. *Пути Щащи* ‘дух-бабушка по отцу’). Согласно их верованиям, священным сказаниям и песням, именно на священном острове озера Нумто она «растворилась» с упряжкой белоснежных оленей, или, другими словами, была когда-то захоронена (Волдина, 2021: 111–123). Посещение острова

с древности было табуировано не только для женщин, но и для мужчин этой этнической группы. В настоящее время эти запреты для местных жителей уже фактически сняты, хотя продолжают сохраняться в сознании большинства казымских хантов.

Нумтовские ненцы также особо чтут Казымскую богиню, делают ей подношения, считают и своим важнейшим духом: «*Касум ими* – общая для всех...» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк); «...она Казым охраняет, Казымскую землю, ее особо почитают. *Касам-нуша* по-ненецки (*нуша* – женщина), других – нет» (ПМА, 2023: А. А. Пяк). История жизни территориального духа-покровителя казымских хантов получила у них собственное осмысление (Волдина, 2021: 119). Вот одна из этих легенд: «Тундровые ненцы украли Казымскую богиню, когда она молодая была, чтобы отдать замуж за тундрового богатыря. За ней поехали казымские боги и обратно забрали ее. На полпути ее обратно забрали». В окрестностях Нумто немало священных мест, связанных с почитанием Казымской богини, где также рассказывают предания о хантыйско-ненецких отношениях в древности: «*Тумбо-лор* – священное место, там Казымская богиня каслалась и остановилась на Тумболор. Там священный лес есть. Богатырю она тетеву лука обрезала, чтобы он не стрелял. Они восставали...» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк).

Раньше ритуальное изображение богини хранили представители рода Молдановых в священном лабазе в районе д. Юильск: «Молдановы – великие шаманы были... и берегли ее» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк). Но после печальных исторических событий¹, поговаривают, что казымские ханты передали ее нумтовским ненцам. После чего образ богини стал являться многим местным ненкам. В их описаниях она «приходила» как молодая красивая девушка, но очень маленького роста (около метра). Другое изображение было изготовлено сравнительно недавно покойным отцом этнографа Т. А. Молданова: «Возле угодья Тимы Молданова его отец Алексей Михайлович делал...» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк).

Изменения в современной обрядовой сфере

У нумтовских ненцев и казымских хантов сложился общий комплекс культурных традиций: «И у ненцев, и у хантов – обычаи одинаковые, различия нет» (ПМА, 2023: А. А. Пяк). Этому способствовали межэтнические браки и сформировавшиеся благодаря им родственные связи. При этом, несмотря на близость этих культур, хорошо просматривается самобытность каждой из этих этнических групп.

На озере Нумто периодически приносят жертвы представители и других локальных групп: ненцы Надыма, лесные ненцы из других районов ХМАО – Югры, а также сургутские ханты, которые на данном этапе активно проявляют себя в почитании священных мест общенародного значения и в проведении там соответствующих обрядов. Включению сургутских хантов в нумтовскую сакральную практику также способствуют браки с представителями данной территории (ПМА, 2023: Г. П. Пяк, А. А. Пяк, Г. Н. Кантеров, Т. А. Сташкина (Вылла)).

На протяжении двух последних десятилетий произошли серьезные изменения в отношении исторически сложившихся запретов на посещение священных мест как в окрестностях озера Нумто, так и на его святых островах – «сердце» и «глазах». По словам нашего информанта и проводника Т. А. Сташкиной (Вылла): «...на перешейке чай пили, монеты кидали. На озеро люди приезжали с [оленоводческих] бригад, останавливались и обязательно молились. Если зимой – прямо на льду, а летом – только на берегу озера. Копейки бросали, оставляли угощение»; «...обряды проводились скрытно, соблюдались более жесткие правила... Обряды [ненцами] проводились на озере (острове) со стороны Надыма. А сейчас на них приглашают корреспондентов, съемки проводят театрализованные. Местных приглашают, они

¹ Имеется в виду Казымское восстание 1933–1934 гг., последовавшие за ним репрессии, в последующем – борьба с религией, с которой связана показательная акция по выдаче изображения Казымского духа-охранителя и передаче его в Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей.

рассказывают об обычаях. И проводят обряды не только со стороны Надыма, но и со стороны деревни» (ПМА, 2023). Она же рассказала и о появлении новых святых мест: «“Семь кедров” – на побережье озера, это наше родовое место Вылла. Там молимся, поклоняемся озеру, это не так давно» (ПМА, 2023: Т. А. Сташкина (Вылла)). По словам другого информанта, молебны происходят «в разных местах по озеру... Но оленя забивают на острове...» (ПМА, 2023: Г. Н. Кантеров).

А вот слова информанта, свидетельствующие о послаблениях в отношении существовавших запретов для женщин (прежде всего местных ненок, а также хантыек, имеющих родственные связи с ненцами): «Раньше женщины не ездили на остров, не ходили... Сейчас ходят... Сейчас специальное место – *ратхар* (хант. ‘очага место’), где женщины находятся, им можно ходить у костра...», но: «Ничего на острове трогать нельзя. Дрова для костра [привозят] с собой. Монеты туда можно бросать» (ПМА, 2023: Г. Н. Кантеров). На вопрос «Почему же женщины теперь могут присутствовать там, где им раньше нельзя было?» он ответил просто: «Куда же мы без них!» Данные слова стали понятны тогда, когда речь зашла о женщинах, умеющих правильно и быстро очищать внутренности при разделке туши принесенного в жертву оленя. Это достаточно кропотливая работа, требующая определенной сноровки и даже мастерства, она выполняется непосредственно в месте жертвоприношения. Эту функцию, наряду с забиванием и разделкой животного, в прошлом выполняли сами мужчины (автор наблюдала подобный процесс в Казыме при совершении обряда жертвоприношения оленя). Здесь же эта функция передана женщинам. При этом «допуск» получили женщины, не только владеющие соответствующими навыками, но и остальные. Некоторые пожилые ненки все же продолжают следовать прежней традиции: «На сам остров [в центре озера Нумто] не ходила, [хожу] только возле острова (имеется в виду зимний период, когда озеро находится подо льдом. – Т. В.), – там женщинам нельзя наступать» (ПМА, 2023: Т. А. Пяк (Вылла)).

Наблюдается также разница в сохранении запретов на посещение святого острова на озере Нумто у представителей разных этнических групп хантов: «Сургутские, пимские ханты на остров приезжают *поры варты* (хант. ‘жертвоприношение делать’), в то время как казымские не приезжают, но тем не менее и среди них все-таки стали приезжать: бутылку ставят» (ПМА, 2023: Г. Н. Кантеров). Есть также противоречивая информация: кто-то считает, что на глазах-островах обрядов не проводят (ПМА, 2023: Т. А. Сташкина (Вылла)), в то время как другие утверждают, что «некоторые там молятся, оленей приносят» (ПМА, 2023: Г. П. Пяк; Г. Н. Кантеров).

Заключение

Представленный материал свидетельствует о том, что и в начале XXI в. Нумто по-прежнему сохраняет свой высокий сакральный статус, выраженный в богатстве легенд, поясняющих происхождение священного озера, а также в регулярном проведении ритуальных действий проживающими там группами лесных ненцев и казымских хантов.

Подвижный характер устной традиции выражается не только в разнообразии сюжетов о происхождении озера Нумто и его священного острова и их распространении далеко за пределами данной территории, но и в их изменении в соответствии со складывающимися реалиями. Например, заметно стремление к сглаживанию межэтнических противоречий, существовавших когда-то в древности, но отсутствующих в современной жизни, и даже их нивелированию. Достаточно ярко и наглядно это выразилось в трансформациях сюжета ненецкого фольклора о принесении в жертву юноши в сторону отведения от своих предков вины за гибель легендарного героя – представителя соседней этнической группы.

И в ритуальной сфере в настоящее время также весьма заметны значительные изменения. В среде лесных ненцев, а также состоящих с ними в родстве хантов обряды

жертвоприношения оленей регулярно совершаются на святом острове с периодичностью в несколько лет (обычно пять или семь). Их участниками являются не только мужчины, за которыми исторически закрепилось исключительное право на их проведение, но и женщины, которым передано выполнение одной из функций при разделке туши при проведении ритуала. Участие женщин в обрядах на острове в прошлом было строго табуировано.

Для казымских хантов священный остров озера Нумто является одним из главных мест почитания их родового духа – Казымской богини. В связи с этим с древности существовал запрет на его посещение даже для мужчин. В последние годы, по словам информантов, соблюдение этого табу ослабло. Среди мужчин – представителей этой группы также есть те, кто счел для себя важным побывать там и провести обряд.

На отмеченные изменения в фольклорных сюжетах и обрядовых практиках могли повлиять сложившиеся прочные хантыйско-ненецкие межэтнические родственные связи. Другой причиной можно считать усилившуюся в последние годы тенденцию распространения информации о сакральных традициях Нумто через СМИ и вызванную этим волну общественного интереса к данной территории. Местными жителями отмечается частое посещение ее журналистами, в том числе и самого заветного места – священного острова. Но изолированность этой местности, которой способствуют ее удаленность и охраняемость как природного парка и объекта производственных интересов нефтяной компании, дает надежду, что священный остров Нумто не постигнет судьба байкальского Ольхона, активно посещаемого туристами, а уникальное озеро сохранит свою первозданность со всем комплексом древних традиций, бережно передаваемых местными жителями.

ПМА – полевые материалы автора:

Записи 1997 г.: Волдина (Вагатова) М. К., казым. ханты, род. в семье оленевода в 1936 г. на реке Курьёх недалеко от д. Юильска Берёзовского (ныне Белоярского) района Ханты-Мансийского округа (мать – В. И. Молданова, представительница рода хранителей священного места богини Вут-ими), проживает в г. Ханты-Мансийске.

Записи 2023 г. от жителей д. Нумто Белоярского района: Кантеров Г. Н., сург. ханты, 1946 г. р.; Пяк А. А., лесной ненец, 1954 г. р.; Пяк Г. П., 1952 г.р.; Пяк (Вылла) Т. Д., лесная ненка, 1960 г. р.; Сташкина (Вылла) Т. А., лесная ненка, 1965 г. р.

Литература:

Волдина Т. В. Отражение многокомпонентности культуры казымских хантов в фольклорных материалах о богине Вут-ими // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 4. С. 111–123.

Волдина Т. В., Ледков В. К. Хантыйско-ненецкие шаманские традиции: опыт сопоставления // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры. Вып. 3. Тюмень: Сити-пресс, 2015. С. 5–25.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнёв А. В. Смотрящий за миром // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2001. С. 33–36.

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казыма. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 580 с.

Зенько М. А. Об общих чертах в мировоззренческой традиции хантов и лесных ненцев // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., Тобольск). Тобольск – Омск: ОмГПУ, 1999. С. 183–184.

Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы: историко-этнографические очерки. Екатеринбург: Баско, 2006. 272 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 136 с.

Молданов Т. А. Обряд, проводимый перед гоном оленей у хантов и ненцев р. Казым // Обские угры: научные исследования и разработки: материалы Всероссийской научной конференции VII Югорские чтения. Ханты-Мансийск, 2008. С. 125–127.

Молданов Т. А., Молданова Т. А. Боги земли Казымской. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 114 с.

Сказки Татевы: сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка / сост. Татва и Алла Логаны. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2016. 212 с.

Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40, № 1–2. 414 с.

Тучкова Н. А., Шкуркина Н. А. «Я спою вам свои песни...» (фольклорные произведения певца-сказителя В. С. Айваседа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. Вып. 2. С. 244–259.

Харючи Г. П. Священные места в традиционной и современной культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. 160 с.

Волдина Татьяна Владимировна.

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

Ул. Мира, 14а, Ханты-Мансийск, 628011.

E-mail: tatyana.voldina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 августа 2023 г.

T. V. Voldina

THE TRANSFORMATION OF THE FOLKLORE AND RITUAL TRADITIONS OF THE NENETS AND KHANTY OF LAKE NUMTO IN THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

About 1.5 thousand forest Nenets live in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra (KhMAO–Yugra). This ethnic group includes smaller local groups with their own dialect and traditions. As they have mixed with the neighboring Khanty, who outnumber them and with whom they now have much in common culturally, they have retained their ethnic self-consciousness and parts of their worldview. In March 2023, the author traveled to the village of Numto, located on the shores of the lake of the same name - one of the most revered sacred sites of the indigenous peoples of Yugra and Yamal and the area where there is close interethnic interaction between the Forest-Nenets and the Kazym-Khanty. The collected data testify to the active existence of folk traditions in this area and provide an opportunity to observe their changes, especially in the sacred sphere, which has a relatively conservative character. The folkloric materials are based on various legends about the origin of this “heavenly, divine” lake and its sacred island. The mobility of the folkloristic representations is due to the variable character of folk art. The author’s field notes and those already recorded by other researchers were used for the study, making it possible to trace the variability of the legends about Numto. Interesting is the sequence of transformations from the second half of the 20th century to the present day, the folk tale about the sacrifice of young men on the sacred island, which testifies to the smoothing of interethnic contradictions between the intermarried groups: the Numtov-Nenets and the Kazym-Khanty. Their cultural rapprochement was also facilitated by the cult of the Kazym goddess, whom both groups worship. In the Numto area, the sacrificial ritual plays an important role, performed by the locals and representatives of other Nenets and Khanty ethnic groups who come to pray at the local shrines. At present, the ban on visiting the sacred island has been somewhat relaxed and even lifted for Nenets and Khanty women who are related to the Nenets. The reason for this is that they have been assigned one of the tasks when butchering a sacrificial deer. Among the Kazym-Khanty, the taboo on visiting the sacred island, which used to apply to everyone regardless of gender, has also lost its force. In the cultural symbiosis between the Khanty and the Nenets under consideration here, the changes in the traditions of the Nenets are the most conspicuous, while they are more hidden in the culture of the Kazym-Khanty.

Keywords: *Forest Nenets, Kazym-Khanty, interethnic relations between Khanty and Nenets, changes in traditions, folklore stories about Numto, sacrificial rites at sacred sites*

AFM – author’s field materials:

1997 notes: Voldina (Vagatova) M.K., Kazym. Khanty, born in the family of a reindeer breeder in 1936 on the Kuryokh River not far from the village of Yuilsk, Berezovsky (now Beloyarsky) district of the Khanty-Mansiysk district (mother – V. I. Moldanova, a representative of the family of guardians of the sacred place of the goddess Vut-imi), lives in the city of Khanty -Mansiysk.

March 2023 notes from residents of the village of Numto, Beloyarsky district: Kanterov G.N., surg. Khanty, born in 1946; Pyak A. A., Forest Nenets, born in 1954; Pyak G. P., born in 1952; Pyak (Vylla) T. D., Forest Nenka, born in 1960; Stashkina (Vylla) T. A., Forest Nenka, born in 1965.

References:

- Voldina T. V.** Otrazhenie mnogokomponentnosti kul'tury kazymykh khantov v fol'klornykh materialakh o bogine Vut-imi [Reflection of the multicomponent culture of the Kazim Khanty in folklore materials about the goddess Vut-imi]. Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2021. No. 4. P. 111–123 (in Russian).
- Voldina T. V., Ledkov V. K.** Khantyysko-nenetskie shamanskii traditsii: opyt sopostavleniya [Khanty-Nenets shamanic traditions: experience of comparison]. Kul'turnye i filologicheskie aspekty genezisa i transformatsii istoricheskikh obshchestv korennykh narodov Yugry: kollektivnaya monografiya [Cultural and philological aspects of genesis and transformation of historical communities of the indigenous peoples of Ugra: collective monograph]. Vol. 3. Tyumen': Siti-press Publ., 2015. P. 5–25 (in Russian).
- Golovnev A. V.** Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995. 606 p. (in Russian)
- Golovnev A. V.** Smotryashchii za mirom [Looking after the world]. Samodiytsy. Materialy IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (10–12 dekabrya 2001 g, Tobol'sk) [Samoyeds. Materials of the IV Siberian Symposium "Cultural Heritage of the peoples of Western Siberia" (December 10-12, 2001, Tobolsk)]. Tobol'sk – Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 2001. P. 33–36 (in Russian).
- Dmitrieva T. N.** Toponimiya basseyna reki Kazyma [Toponymy of the Kazyma river basin]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2005. 580 p. (in Russian)
- Zen'ko M. A.** Ob obshchikh chertakh v mirovozzrencheskoy traditsii khantov i lesnykh nentsev [About the general features in the ideological tradition of the Khants and forest Nenets]. Obskie ugry. Materialy II-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (12–16 dekabrya 1999 g, Tobol'sk) [Ob Ugrians. Materials of the II Siberian Symposium "Cultural Heritage of the peoples of Western Siberia" (December 12-16, 1999, Tobolsk)]. Tobol'sk – Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 1999. P. 183–184 (in Russian).
- Zen'ko-Nemchinova M. A.** Sibirskie lesnye nentsy: istoriko-etnograficheskie ocherki [Siberian forest Nenets: historical and ethnographic essays]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2006. 272 p. (in Russian)
- Lekhtisalo T.** Mifologiya yurako-samoedov (nentsev) [Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1998. 136 p. (in Russian).
- Moldanov T. A.** Obryad, provodimyy pered gonim oleney u khantov i nentsev r. Kazym [The rite conducted before the reindeer herding at the Khanty and Nenets of the Kazym river]. Obskie ugry: nauchnye issledovaniya i razrabotki: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii VII Yugorskie chteniya [Ob Ugrians: scientific research and development: materials of the All-Russian Scientific Conference VII Ugrian readings]. Khanty-Mansiysk, 2008. P. 125–127 (in Russian).
- Moldanov T. A., Moldanova T. A.** Bogi zemli kazymy [Gods of the land of Kazym]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2000. 114 p. (in Russian)
- Skazki Tatvy:** sbornik fol'klornykh proizvedeniy na lesnom dialekte nenetskogo yazyka [Tales of Tatva: a collection of folklore works in the forest dialect of the Nenets language]. Compiled by Tatva and Alla Logans. Vol. 1. Khanty-Mansiysk, 2016. 212 p. (in Russian)
- Tuchkova N. A.** Etnicheskaya istoriya i fol'klor sel'kupov: problema korrelyatsii dannykh [Ethnic history and folklore of the Selkups: the problem of data correlation]. Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography at the Kazan University], 2020. Vol. 40, No. 1-2. 414 p. (in Russian)
- Tuchkova N. A., Shkurkina N. A.** «Ya spoyu vam svoi pesni...» (fol'klornye proizvedeniya pevtsa-skazatelya V.S. Ayvaseda) ["I will sing my songs to you..."] (folklore works of the singer-storyteller V.S. Aivaseda). Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo: Sb. st. [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past: Collection of Art]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2004. Vol. 2. P. 244–259 (in Russian).
- Kharyuchi G. P.** Svyashchennyye mesta v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture nentsev [Sacred places in the traditional and modern culture of the Nenets]. St. Petersburg: Historical Illustration Publ., 2013. 160 p. (in Russian)

Voldina Tatyana Vladimirovna.

Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow.

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development.

Mira str., 14a, Khanty-Mansiysk, Russia, 628011.

E-mail: tatyana.voldina@yandex.ru

А. С. Нилогов

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РОДОСЛОВНОЙ КЫЗЛАСОВЫХ

В статье рассматривается вопрос документальной реконструкции родословной известного хакасского археолога и историка Леонида Романовича Кызласова (1924–2007), столетний юбилей которого будет отмечаться в Республике Хакасии в 2024 г. Сеок (этнород) Кызласовых называется «таҕ-харҕа», и в XIX в. он входил в Дальнекаргинский улус Степной думы соединенных разнородных племен. Несмотря на наличие устных преданий о происхождении рода Кызласовых, до сих пор отсутствовала научная верификация генеалогической информации на основе таких исторических источников, как церковные метрические книги, ревизские сказки (переписи населения), именные списки. Объектом исследования является биологическая родословная Л. Р. Кызласова, а предметом – архивно-документальная реконструкция ее патрилинейной части. Источниковую базу исследования составили фонды таких архивов, как Государственный архив Красноярского края, Национальный архив Республики Хакасия, Архив города Минусинска, рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Впервые в научный оборот вводятся уникальные архивные документы по генеалогии Кызласовых: по Усть-Есинской Евдокимовской церкви – метрическая запись о рождении/крещении Р. А. Кызласова за 1897 г., сведения из трех последних ревизий Дальнекаргинского рода Сагайской степной думы за 1832, 1850 и 1858 гг., а также факты крещений представителей рода в 1854 г. В ходе генеалогических изысканий проведена экспертиза родословных схем Кызласовых, составленных несколькими информантами на основе устных преданий и письменных документов. Критический анализ этих генеалогических материалов показывает, что их информационный потенциал нуждается в тщательной научной проверке с привлечением архивных первоисточников. Дальнейшее изучение родословия Кызласовых будет посвящено комплексной генетико-генеалогической верификации данных посредством тестирования современных мужских представителей рода по ДНК Y-хромосомы. Это позволит определить гаплогруппу (генетический род) Кызласовых и, следовательно, углубить филогенетическую линию сеока таҕ-харҕа на тысячи лет с выделением семейной ветви на общечеловеческом родословном древе.

Ключевые слова: метрическая книга, Кызласовы, генеалогия, Национальный архив Республики Хакасии, Дальнекаргинский род, ревизская сказка, сеок, родословная

Фамилия «Кызласов» хорошо известна в Хакасии прежде всего благодаря археологу и историку Леониду Романовичу Кызласову (1924–2007), внесшему большой вклад в изучение археологии и этнографии Сибири, Средней и Центральной Азии. Он преподавал на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, став заслуженным профессором. Сын Л. Р. Кызласова, Игорь Леонидович, пошел по стопам отца, став доктором исторических наук. В 2020 г. в Абакане вышло его учебное пособие «Древняя история Хакасии», а в 2021 г. автор отметил свое 70-летие. Род Кызласовых/Кызыласовых (по-хакасски Кызласовтар) принадлежит к сеоку (кости) «таҕ харҕазы» (горная ворона), а в XIX в. относился к Дальнекаргинскому роду Сагайской степной думы (Бутанаев, 1994: 54; Бутанаев, 2016: 182).

Научная реконструкция генеалогии хакасского рода Кызыласовых была предпринята нами несколько лет назад (Нилогов, 2017). Как известно, почетное имя Л. Р. Кызласова присвоено Хакасскому национальному краеведческому музею, где создана постоянная экспозиция, посвященная ученому. Одним из интересных экспонатов является родословная Кызласовых (Генеалогическое древо семьи Л. Р. Кызласова), которая составлена на основе устных и письменных источников и схематично представляет предков и потомков Л. Р. Кызласова.

Несмотря на то что ни у Л. Р. Кызласова, ни у его сына нет опубликованных исследований по патрилинейной родословной, мы решили восполнить этот пробел, рассмотрев происхождение Кызласовых с привлечением массовых генеалогических источников. К числу таких относятся церковные метрические книги, ревизские сказки (переписи населения), списки крещенных инородцев, а также устные родословные в виде схем, составленные как самими Кызласовыми, так и другими исследователями, в частности хакасским этнографом К. М. Патачаковым (Документы по родословию Кызласовых).

Источниковую базу исследования составили фонды таких архивов, как Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ), Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Архив города Минусинска (АГМ), рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Часть архивных документов оцифрована и доступна онлайн на портале «Архивы Красноярского края» (Архивы Красноярского края; Электронный каталог ГАКК; МКУ «Архив города Минусинска») и на сайте «Память народа» (Память народа). Хронологические рамки генеалогической реконструкции охватывают диапазон от XVII в. до начала XX столетия.

Отправной персоной (пробандом) реконструкции является Леонид Романович Кызласов, который родился в селе Синявино Хакасского уезда 24 марта 1924 г., а умер 24 июля 2007 г. в Москве¹. Актовая запись о рождении Л. Р. Кызласова должна быть передана на постоянное хранение в Национальный архив Республики Хакасии, так как все актовые записи, начиная с 1926 г., уже проиндексированы и внесены в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), который представляет собой информационную поисковую систему электронного документооборота. По нашим данным, актовые записи за 1924 г. переданы в архив: как только они станут доступны пользователям, мы постараемся найти и ввести в научный оборот актовую запись о рождении хакасского археолога.

Конечно же, сам Л. Р. Кызласов интересовался своей генеалогией, о чем в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ имеется архивное дело его отца Р. А. Кызласова, в котором содержатся два варианта родословной (Архивное дело Р. А. Кызласова: 29–30; Документы по родословию Кызласовых: 42–43). Первый вариант составлен зимой 1962 г. по рассказу Николая Емельяновича Кызласова (1884 года рождения, сын Емельяна/Апизека Овчинова), записала В. М. Майнагашева, автограф Л. Р. Кызласова от 26 ноября 1967 года.

Патрилиния варианта № 1 начинается от Кузнеца, который именуется как Туюн/Туйун и жил в XVII в., затем – Эзгей/Эчигей – Хызыл азах – Торых – Поядай – Овчин – Мамай – Попан – Роман.

Второй вариант создан по воспоминаниям Герасима Михайловича Кызласова (1880–1960) в июле 1955 г., запись сделана самим Л. Р. Кызласовым. Г. М. Кызласов – сын Печора, внук Мамай, отчим хакасского ученого и писателя Н. Г. Доможакова.

Патрилиния варианта № 2 начинается сразу от Устуха, затем – Кызлас – Поядай – Торых – Овчин – Мамай – Попан – Роман. В этой сокращенной версии имена прашуров не совпадают с вариантом № 1: вместо девяти имен только восемь, порядок следования колен на рубеже XVIII–XIX вв. явно нарушен – Торых записан после Поядая².

На наш взгляд, зафиксированные генеалогические события рода Кызласовых относятся к середине XVIII в., т. е. на глубину примерно 100–150 лет (с поправкой на устную традицию), когда они были переданы от старших родственников потомкам-информантам, родившимся в конце XIX в. Согласно концепции немецкого культуролога Яна Ассманна, семейная память современных людей охватывает не более трех поколений (промежуток 80–100 лет). Но поскольку человеческая память – это динамический процесс, включающий в себя как механизмы запоминания, так и забывания (Савельев, 2018: 151–170), постольку доверие к ней на временной интервал более 100 лет вызывает определенное методологическое сомнение.

В ГКУ РХ «Национальный архив» в фонде личного происхождения К. М. Патачакова № Р-966 содержится дело № 674, в котором собраны материалы по родословию Кызласовых (Документы по родословию Кызласовых), дело о Р. А. Кызласове (Архивное дело

¹ Младший сержант Л. Р. Кызласов был ошибочно признан убитым 23 марта 1945 г. и якобы похоронен в д. Бладен (Силезия, Германия) (Именные списки безвозвратных потерь: 201; Книга учета: 12).

² Также имеется родословная схема за авторством Олега Алексеевича Кызласова (Документы по родословию Кызласовых: 20), где патрилиния следующая: Хызыл Азах – Хызыл – Пойадай – Опчин – Торых – Мамай.

Р. А. Кызласова), а также сама родословная схема (Родословная Кызласовых (схема)). Мы ознакомились с ними, чтобы проанализировать как можно больше генеалогических источников. Согласно родословной схеме, пращур Кызласовых Туйун/Туйуц (Кузнец), от которого по нисходящей цепочке следуют мужские потомки: Эчигей – Хызыл азах – Хызылас, Амзор и Боргай. От Хызыласа начинается фамилия «Кызыласов» (затем в форме «Кызласов»), от Амзора – Амзараковы, от Боргая – Боргояковы. От Хызыласа перечислены: Торых – Паядай – Опчин, Албанах, Чыхан, Кучегес (Документы по родословию Кызласовых: 1). В другой родословной схеме, идущей от Опчина (в крещении Матвей), записаны его сын – известный шаман Мамай³ (в крещении Николай, в метрических книгах – Николай Матвеевич) и внук Попац/Попан (в крещении Афанасий) (Документы по родословию Кызласовых: 2). И уже на третьей родословной схеме зафиксирован сын Попаца – Роман (1896–1938), отец Л. Р. Кызласова.

По нашему мнению, данный вариант родословной наиболее полно отражает имена документально не зафиксированных предков Кызласовых, что позволяет углубить хронологию их рода до XVII века. Если в двух предыдущих версиях родословной мы насчитали восемь и девять имен, включая поколение Романа Кызласова, то по этой версии их насчитывается 10: Туйун – Эчигей – Хызыл азах – Хызылас – Торых – Паядай – Овчин – Мамай – Попан – Роман. Правда, здесь пропущено имя Устуха, которое, скорее всего, должно следовать после имени «Эчигей/Эзгей». По словам К. Р. Кызласовой, после размещения родословной схемы в виде баннера в краеведческом музее было «обнаружено, что пропущен сын Туюна – Эчигей» (Кызласова, 2018). Там порядок следования таков: Туюн – Устух – Кызлас – Торых – Пойдадай (Генеалогическое древо семьи Л. Р. Кызласова). Пропуск имени «Хызыл азах», вероятно, можно объяснить созвучием следующего за ним именем «Хызылас», однако подобные гипотезы нуждаются в документальном подтверждении. Если в вариант К. М. Патачакова добавить пропущенное имя «Устух», то патрилиния приобретет следующий гипотетический вид и будет насчитывать 11 персон: Туйун – Устух – Эчигей – Хызыл азах – Хызылас – Торых – Паядай – Овчин – Мамай – Попан – Роман. С учетом хронологии поколений приведем даты жизни мужских предков Кызласовых (в обратном порядке): Роман (1896–1938) – Попан (ок. 1868 – ок. 1901) – Мамай (ок. 1827 – после 1858) – Овчин (ок. 1806 – ок. 1849) – Паядай (ок. 1780 – ок. 1835) – Торых (ок. 1760-х – до 1816) – Хызылас (ок. 1740-х – кон. XVIII) – Хызыл азах (ок. 1720-х – кон. XVIII) – Эчигей (ок. 1700-х – 2-я пол. XVIII) – Устух (ок. 1680-х – 1-я пол. XVIII) – Туйун (ок. 1660-е – начало XVIII).

Роман (по-хакасски Уроман) Афанасьевич Кызласов в 1920-х гг. был одним из инициаторов и первых руководителей кооперативного движения Хакасии (Кедров, 1937: 3). В 1937 г. он был репрессирован по статье 58 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) и расстрелян. Жена Романа – Христина Витольдовна⁴ – принадлежала к польскому роду Гурницких, ее дед Доминик Николаевич Гурницкий был политическим ссыльным (Документы о Кызласове Романи Афанасьевиче).

Работая в Национальном архиве Республики Хакасия с метрическими книгами по Усть-Есинской Евдокимовской церкви, нам удалось выявить запись о рождении/крещении Романа Афанасьевича Кызыласова (Нилогов, 2021а: 11; Нилогов 2021b: 5). В книге за 1897 г. имеется запись № 49, согласно которой 19 апреля (1 мая) 1897 г. в возрасте четырех месяцев был крещен младенец Роман – сын инородца Дальнекаргинского рода Попана=Афанасия Николаева Кызыласова (так в документе) и невенчанной жены его Марфы Сидоровой. Восприемниками

³ Ср.: Н. Ф. Катанов (октябрь 1892 г.): «Татарин кости Суф-Каргазы Мамай, сын Опчина (Николай Матвеевич), Кызыласов, отец Пиктора, 77 лет; занимается скотоводством и шаманством» (Катанов, 1907: 613; Выписки из трудов Н. Ф. Катанова: 1).

⁴ О В. Д. Гурницком см.: (Кызласов, 1970).

(крестными) выступили: инородец Дальнекаргинского рода Лаврентий Иванов Кызыласов и того же рода инородка Мария Михайлова Кызыласова. Таинство крещения совершил священник Семен Андреевич Чисмочаков (Метрическая книга, 1897: 74 об. – 75).

Таким образом, точная дата крещения Р. А. Кызласова – 1 мая по новому (григорианскому) стилю. Поскольку он был крещен уже в четырехмесячном возрасте, видимо, постольку точная дата его рождения не указана. Вероятно, он родился в декабре 1896 г., что в пересчете на новый стиль (+12 дней для дат XIX в.) может дать как конец декабря 1896 г., так и январь 1897 г. Так, например, в статье Л. Р. Кызласова в качестве даты рождения отца приведено «31 декабря 1896 года» (Кызласов, 2007: 4), причем без указания на стиль летоисчисления. Скорее всего, это условно принятая дата, тогда как выявленная метрическая запись о крещении является первоисточником, бытовавшим в документообороте дореволюционной России.

Учитывая тот факт, что отец Романа, Афанасий Николаевич, родился во второй половине XIX в., мы обратились к последней, десятой ревизской сказке (переписи населения) 25.07(06.08).1858 по Дальнекаргинскому роду Степной думы соединенных разнородных племен. Семья Кызласовых, кочующих при речке Малой Еси, записана под № 43, приведем только мужской пол (Ревизские сказки на инородцев, 1858: 90 об. – 92; Перепись населения, 1858: 119 об. – 120):

№ 43 Мамай по крещению Николай Овчинов Кызыласов 23 31
Сыновья его: 1-й Печор по крещению Михайло новорожденный 4
2-й Пихтор по крещению Виктор новорожденный 1

Мамаев брат Апля по крещению Иван 20 28
Его же 2-й брат Апизек по крещению Емельян 17 25
Емельянов сын по крещению Марко новорожденный 2
Мамаев 3-й брат по крещению Алексей 15 23

Мамаев дядя Албанак по крещению Николай Баядиев 24 32
Албанака сыновья: Кинер по крещению Петр 4 12
Топчин по крещению Павел 1 9
по крещению Афанасий новорожденный 1

Мамаев 2-й дядя Албанаков брат Чека по крещению Иван Баядиев 19 27

В нашей первой работе о происхождении Л. Р. Кызласова (Нилогов, 2017) мы отождествили Афанасия Николаевича с новорожденным сыном Албанака (в крещении – Николай) Афанасием, который родился около 1857 г., тем самым усомнившись в правильности родословной линии: вместо цепочки «Баядей (Сергей) – Опчин (Матвей) – Мамай – Афанасий» у нас получилась линия на одно колено меньше: «Баядей (Сергей) – Албанах (Николай) – Афанасий». По ложному пути нас повел год рождения Попана/Афанасия, который был указан в родословной из краеведческого музея, а именно 1856 г. Определив по ревизии 1858 г. единственного Афанасия приблизительно 1857 года рождения, мы связали его с сыном Албанаха, а не Мамаю, тем более что у обоих было одинаковое крестильное имя – Николай. Вторым обстоятельством, заставившим нас усомниться в этой генеалогической реконструкции, стала информация из другой родословной схемы из личного архива Кызласовых (Родословная Кызласовых), которая некоторое время экспонировалась в музее. В ней годом рождения Попана/Афанасия указан уже 1868-й, а не 1856-й (подсчитан возраст на момент смерти около 1901 г. – 33 года). Выходило, что год рождения Попана на двух схемах отличается на 12 лет. Мы предположили, что потомки Попана/Афанасия Кызласова ошиблись с идентификацией отца их предка, ведь указанный на официальном баннере «Генеалогическое древо семьи

Л. Р. Кызласова» год рождения Попана – 1856-й – практически совпадал с примерным годом рождения Афанасия по ревизии 1858 г. Теперь мы знаем, что ошибочным оказался именно 1856 год рождения, иначе бы у Мамаев Овчинова по этой переписи был зафиксирован третий сын Афанасий. Вероятно, он родился после проведения ревизии 1858 г. – в 1860-е гг., не исключено, что около 1868 г., как записано во второй схеме.

Нашим следующим шагом стал поиск метрической записи о рождении/крещении Афанасия Николаевича Кызласова по церковным книгам Аскизской Петропавловской церкви. Первое упоминание об Афанасии Кызыласове удалось найти в метрической книге за 1885 г. Согласно записи о рождении/крещении № 88 19 апреля (1 мая) был крещен незаконнорожденный восьмимесячный Василий – сын инородца Дальнекаргинского рода Афанасия Никитина (так в документе) Кызыласова и его невенчанной жены Марфы Исидоровой Топчиковой (так в документе), оба православные (Метрическая книга, 1885: 29 об. – 30). В данной записи отчество Афанасия Кызыласова указано ошибочно: вместо правильного «Николаев» записано «Никитин». Девичья фамилия его незаконной жены – Марфы Сидоровны – зафиксирована в форме «Топчикова» вместо «Тодикова»⁵. Из разных источников мы знаем, что Попац (Афанасий) был женат на Марфе Тодиковой, а после их смерти дядя по матери (тайызы) Н. С. Тодиков забрал племянников – Овсала (Афанасия), Осипа, Романа и Анастасию к себе в Бейку, недалеко от улуса Чаркова на Уйбате, где и выросла уйбатско-бейская ветвь Кызласовых (Документы по родословию Кызласовых: 5, 8, 13).

Если Василий Афанасьевич Кызыласов родился около 1884 г., то его отец, Афанасий Николаевич, – приблизительно во второй половине 1860-х гг. В результате просмотра церковных книг по Аскизской церкви за 1860-е гг. (за 1869 г. книга отсутствует), которые отложились в фонде № 824 («Минусинское духовное правление») Государственного архива Красноярского края, запись о рождении/крещении Афанасия не выявлена. Со строгой генеалогической точки зрения данное обстоятельство – это слабое звено в цепочке подтверждения родства между дедом Мамаев Овчиновым и его внуком Романом Афанасьевичем. Конечно, Попана/Афанасия могли крестить и спустя несколько лет после рождения (характерно у инородцев), но не исключен вариант, что такая запись о крещении вообще не была сделана. Толику сомнения придает выявленная за 1863 г. запись о рождении/крещении № 57 20 апреля (2 мая) Афанасия – сына ясачного Дальнекаргинского улуса Николая Сергеева Кызыласова и незаконной жены его Варвары Кузьминой (Метрическая книга, 1863: 425 об. – 426). По ревизии 1858 г. мы знаем, что Николай Сергеевич – это Албанах⁶, сын Сергея⁷ (Баядея), дядя Мамаев Овчинова. Варвара Кузьминична в ревизии записана как Варвара Чончикова, и, вероятно, она является дочерью Чончика (в крещении Кузьма) Ондуровича Майнагашева (Нилогов, Пайор, 2020: 12). Следовательно, у Албанаха мы обнаружили уже двух сыновей по имени Афанасий (около 1857 и 1863 годов рождения), тогда как у Мамаев Овчинова – ни одного.

Для углубления генеалогического поиска мы обратились к девятой ревизской сказке (переписи населения) 10(22).12.1850. Семья Кызыласовых записана под № 46, перечислим только мужской пол (Ревизские сказки, 1850: 29 об. – 30; Перепись населения, 1850: 15 об. – 16):

⁵ Отец Марфы Сидоровны Тодиковой (Топчиковой) – инородец второй половины Сагайского рода Устан=Исидор Иванович Топчиков, состоял в нецерковном браке с Маврой Феофилактовной Орешковой (Метрическая книга, 1885, л. 29 об. – 30, № 70, Документы к публикации: 91, 94, 95).

⁶ Ср.: Н. Ф. Катанов (1890): «Татарин Албанах (Николай), сын Пайдыжа, Кызыласов, 70 лет; принадлежит к племени Суф-Каргазы (Дальнекаргинский род); живет вверх по реке Аскысу, в 25 верстах от с. Аскыса; имеет 5 сыновей, из которых самый старший по имени Борис, имеющий от роду 27 лет, учился с путешественником Н. Ф. Катановым в Аскыском одноклассном училище в 1872–1876 годах; Борис занимается в одинаковых (средних) размерах хлебопашеством и скотоводством» (Катанов, 1907: 557).

⁷ В схеме К. М. Патачакова у Пайадея указано второе (крестильное) имя Иван (Документы по родословию Кызласовых: 1), однако мы установили, что в крещении он был Сергеем; Иваном в крещении был сын Пайадея – Чека.

№ 46 Баядей а по крещению Сергей Кызыласов 52 умер 1835
Сыновья его: Овчин а по крещению Матвей 26 умер 1849
 Николай он же Албанак 6 24
 Чека по крещению Иван пропущен 19
Овчиновы сыновья: Мамай а по крещению Николай а не Абрам 5 23
 Апля по крещению Иван пропущен 20
 Апизек а по крещению Емельян 17
 Алексей 15
Николаевы сыновья: Кинер 4
 Топчин 1

Итак, первый из документально зафиксированных предков Кызласовых – это Баядей (Баядай, Паядай, Пайадай; в крещении – Сергей) родился около 1780 г., умер около 1835 г. Был женат на Марии Ондуровне (ок. 1781 – после 1858), вероятно, дочери Ондур Мыйнагашева, который жил в XVIII в. (умер до 1816 г.), а его потомки еще в XIX в. писались под фамилией «Ондуровы» (Нилогов, 2021: 149). Не исключено, что и потомки Баядея могли приобрести фамилию «Баядиевы»⁸ вместо «Кызыласовы». Фиксация фамилии в форме «Кызыласов» состоялась именно в девятой ревизии 1850 г., тогда как по предыдущей, восьмой переписи 1832 г. она записана как «Казлонов». Обратимся к данным этой переписи и перечислим родственные семьи Казлановых/Козлановых/Козлоновых, кочевавших юртами на реке Эси. Семья Баядая Казланова значится под № 85 (Именной список, 1832: 12 об. – 13):

№ 85 Баядай Казланов а по крещению Сергей 36 52
Сыновья его Авчин а по крещению Матвей 10 26
 Николай 6
У Матвея сын Абрам 5

Вначале мы предположили, что в 1832 г. будущую фамилию «Кызласов» ошибочно записали как «Казланов», однако после сравнения записей по последующим ревизиям 1850 и 1858 гг. стало ясно, что данная форма сохранилась. Итак, в 1832 г. также зафиксированы: под № 86 Бадан Козланов а по крещению Егор, под № 87 Ачегаш Устаков Козланов, под № 88 Самай Мамаев Козлонов (Именной список, 1832: 12 об. – 13). В 1850 г. они записаны таким образом: под № 47 Бадан он же Баданиш/Баданаш по крещению Егор Торыков/Торуков Козлонов/Козланов, под № 48 Ачегаш он же Бачагаш Козлонов, под № 49 Самияк а не Самай по крещению Андрей Ламиев Козлонов (Ревизские сказки, 1850: 30 об. – 31; Перепись населения, 1850: 16 об. – 17). Егор Торыков/Торуков, родившийся около 1782 г., скорее всего, является сыном Торыха (жил в XVIII в.), т. е. братом Баядая. Наконец, по ревизии 1858 г. они записаны так: под № 44 Бадан он же Баданаш по крещению Егор Торыков Козлонов, под № 45 Самияк по крещению Андрей Ламиев Козлонов (Ревизские сказки, 1858: 91 об. – 93; Перепись населения, 1858: 119 об. – 121). Какова дальнейшая судьба этих Козлоновых, нам неизвестно⁹, но в родословном древе Кызласовых они отсутствуют. Мы предполагаем, что в ревизиях фамилия «Кызласов», будучи образованной от личного имени «Хызылас», была некорректно записана в форме «Козлонов». У одних потомков Хызыласа через его сына Торыха она впослед-

⁸ Ср.: С. А. Токарев: «И в самом деле, если проследить, например, кто были „родоначальники“ (позже „головы“) в Сагайской степной думе в течение XIX в., то нетрудно заметить, что в большинстве случаев это люди, принадлежавшие к одним и тем же немногим и притом зажиточным фамилиям: Орешковы, Четыковы, Амзараковы, Баядиевы-Кызыласовы, Ондуровы-Мыйнагашевы» (Токарев, 1952: 136).

⁹ По списку 1854 г. под № 32–33 зафиксированы семьи Ченьчегеша Ламиева Торукова (по крещению Илья) и его брата Самияка Ламиева Торукова (по крещению Андрей) (Списки кочевого, 1854: 248 об. – 249).

ствии оформилась в «Торуковы/Тороковы», а у вторых, в частности у сына Торыха Баядея, – в «Кызыласовы/Кызласовы», также бытуя в варианте «Баядиевы».

Мы привлекли дополнительный генеалогический источник – список инородцев 1854 г., принявших крещение и браком сочетавшихся, который сохранился в архиве г. Минусинска. Это ценный исторический документ о населении административных родов Качинской, Койбальской и Сагайской степных дум, содержащий информацию о хакасских и крестильных именах на середину XIX в. Так, в именном списке по Дальнекаргинскому роду Сагайской степной думы, составленном 26.09(08.10).1854, под № 25 зафиксированы семьи Кызыласовых, а именно: 53-летняя вдова Абрас по крещению Орина Баядиева (крестилась в малолетстве и не помнит, каким священником, и не знает восприемников), сыновья ее: 1-й Мамай по крещению Николай, 26 лет (крещен в младенчестве священником Аскизской церкви в 1828 г., восприемники – ясачный Сергей Торуков и ясачная Парасковья Баядиева), 2-й Апля по крещению Иван, 24 лет (крещен в 1830 г., но, каким священником, не помнит, восприемники: ясачный Сакий Ачетов и ясачная Парасковья Ачетова), 3-й Опичек по крещению Омельян, 22 лет (крещен в 1832 г., но каким священником, не помнит, восприемники: ясачный Сергей Торуков и ясачная Оймак Бадинашева), 4-й Алексей, 20 лет (крещен в Бейской церкви в 1834 г. священником Силиным, восприемники: ясачный Таптиска Адинаков и ясачная Парасковья Баядиева); дочери ее: 1-я Анна, 17 лет (крещена Таштыпским священником, год не читается, восприемник – ясачный Акакий Бадинашев), 2-я Елена, 15 лет (крещена священником Бейской церкви Силиным, год не читается, восприемники: ясачный Николай Баядиев и ясачная Тоды Бадашева), 3-я Домна, 13 лет (крещена священником Бейской церкви Силиным, год не читается, восприемники: ясачный Майда Чертыков и священница Анна Силина), 4-я Палагея, 10 лет (крещена священником Бейской церкви Силиным в 1844 г., восприемники: ясачный Николай Баядиев и ясачная Парасковья Баядиева), 5-я Оксинья, 8 лет (крещена священником Бейской церкви Силиным в 1846 г., восприемники: ясачный Алексей Баядиев и ясачная Орина Баядиева), 6-я Парасковья, 4 года (крещена в Таштыпской церкви священником Гриценковым, год не указан, восприемники: ясачный Иван и ясачная Тохтан Куесова); Мамаева жена Орина¹⁰, 26 лет (крещена в младенчестве в 1838 г., каким священником, не помнит, восприемники: ясачный Василий Орешков и ясачная Матрена Тикечекова), Мамаев сын Михайло, 5 месяцев (крещен священником Аскизской церкви Токаревым в 1853 г., восприемники: Иван Баядиев и ясачная Анна Овчинова), дочери: 1-я Мавра, 6 лет (крещена священником Бейской церкви Евтюгиным в 1848 г., восприемники: купец Осип Кондратьев Крылов и ясачная Крестина Орешкова), 2-я Огрофена, 4 года (крещена Таштыпским священником Гриценковым в 1851 г., восприемники: ясачный Никита Ондуров и ясачная Кычок Мудоракова) (Списки кочевого, 1854: 247 – 247 об.). Далее под № 30 записана вторая часть потомков Баядея Кызласова, а именно: его жена-вдова Койрук по крещению Марья Семенова Торукова, 80 лет (когда и кем крещена, не знает, как и восприемников), сыновья ее: 1-й Албанак по крещению Николай, 28 лет (крещен в малолетстве, не помнит, кто был священник, восприемники: ясачный Александр Ондуров и ясачная Тавар Чертыкова), 2-й Чека по крещению Иван, 23 года (крещен в малолетстве Бейским священником, год не помнит, восприемники: ясачный Сакий Ачетов и ясачная Кучюгеш Овчинова), Албанакова жена Варвара, 30 лет (когда и кем крещена, не знает, как и восприемников), Чекина жена Алем по крещению Ольга, 17 лет (крещена Бейским священником Силиным в 1837 г., восприемники: ясачные Сидор Чертыков и Тавар Мудоракова), Албанакovy сыновья: 1-й Петр, 8 лет (крещен в Таштыпской церкви

¹⁰ По ревизии 1858 г. жену Мамаю по крещению зовут Парасковья Ананьина, а по списку 1854 г. – Ориной. Также Ориной звали и мать Мамаю. Возможно, при составлении списка 1854 г. имя жены Мамаю записали ошибочно. Ср.: К. М. Патачаков: «Женой Мамаю была Орешкова. Ее называли „хазах чарымы“ (полурусская)» (Патачаков, 1981: 96–97). Ср. также: К. М. Патачаков: «Мамай был шаманом. Женился на Орешковой. Ее в Кызласовском аале называли „Хазах иней“. Орешковы были метисы (хазах чарым чон)» (Документы по родословию Кызласовых: 3).

в 1852 г., восприемники: ясачный Николай Овчинов и ясачная Лукерья Иванова Ондурова), 2-й Точан по крещению Павел, 4 года (крещен Таштыпским священником Гриценковым в 1852 г., восприемники: ясачный Николай Овчинов и ясачная Лукерья Ондурова), дочери: 1-я Таптина по крещению Лукерья, 9 лет (крещена Бейским священником Силиным, год не читается, восприемники: ясачный Николай Овчинов и ясачная Тоя Самия[кова]), 2-я Барлам по крещению Варвара, 2 года (крещена Таштыпским священником Гриценковым, год не читается, восприемники: ясачный Ме[...] [...]чегешев и ясачная Тохтонак [...]) (Списки кочевого, 1854: 248 об. – 249).

Для комплексной генетико-генеалогической верификации родословной Кызласовых целесообразно изучить прямых мужских потомков по ДНК Y-хромосомы посредством определения гаплогруппы (генетического рода)¹¹, что позволит углубить филогению сеока таґ-харґа на сотни и тысячи лет и выделить семейную ветвь на родословном древе мужской популяции человечества (YFull).

Список сокращений

АГМ – Архив города Минусинска

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

НАРХ – Национальный архив Республики Хакасия

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

Литература:

YFull YTree v11.02.00 от 24.03.2023. URL: <https://www.yfull.com/tree> (дата обращения: 01.05.2023).

Архивное дело Р. А. Кызласова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 516.

Архивы Красноярского края. URL: <http://красноярские-архивы.рф> (дата обращения: 01.05.2023).

Бутанаев В. Я., Торбостаев К. М. Историческая ономастика Южной Сибири: учебно-методический комплекс по дисциплине: курс лекций. Абакан, 2016. 220 с.

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 96 с.

Выписки из трудов Н. Ф. Катанова. Рассказ шамана Мамая Кызласова 1892 г. // НАРХ. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 667.

Генеалогическое древо семьи Л. Р. Кызласова / Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова.

Документы к публикации «Родовой состав и народные предания о происхождении бельтиров» (материалы этнографических экспедиций, выписки из научных статей, архивных документов, вырезки из газет). Т. 1 // НАРХ. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 298.

Документы о Кызласове Романе Афанасьевиче // НАРХ. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 602.

Документы по родословию Кызласовых (черновые записи К. М. Патачакова, переписка, фотографии Кызласова Николая Викторовича (1970)) // НАРХ. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 674.

Именной список жителей Дальнекаргинского рода, июль 1832 г. // НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 138.

Именные списки безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 24 гвардейской танковой бригады за 22–31.03.1945 г. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 577. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie4405985/?static_hash=b3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v6 (дата обращения: 01.05.2023).

Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб., 1907 (на хакасском языке).

Кедров Б. Кем себя окружил Кизласов? / Советская Хакасия. № 241, 18.10.1937. С. 3.

Книга учета младшего начальствующего и рядового состава, 1945 г. // ЦАМО. Ф. 3103. Оп. 2. Д. 34. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie1152558718/?static_hash=b3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v6 (дата обращения 01.05.2023).

Кызласов Л. Р. В. Д. Гурницкий – писатель и человек (к 90-летию со дня рождения) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 14. Абакан, 1970. С. 201–205.

¹¹ См. также: (Нилогов, 2020), (Харьков, 2021).

- Кызласов Л. Р.** К 110-летию со дня рождения Романа Афанасьевича Кызласова (31.12.1896 г. – 21.09.1938 г.) // Кызласов Роман Афанасьевич: к 110-летию со дня рождения: дневник (сентябрь 1920 – январь 1924); ХакНИИЯЛИ [сост. В. Н. Тугужекова]. Абакан, 2007. С. 4–9.
- Кызласова К. Р.** Достоин похвалы стремление // Шанс. № 5. 01–07 февраля 2018. С. 21.
- Метрическая книга** Евдокимовской церкви с. Усть-Есинского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1897 год // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 56.
- Метрическая книга** Петропавловской церкви с. Аскизского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1885 год // НАРХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 38.
- Метрическая книга** Петропавловской церкви с. Аскизского для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1863 год // ГАКК. Ф. 824. Оп. 1. Д. 75.
- МКУ «Архив города Минусинска»** // Архивы Красноярского края. URL: <https://krasmun.krasarh.ru/archives/minusin/funds> (дата обращения: 01.05.2023).
- Нилогов А. С.** Документальная реконструкция родословной С. Д. Майнагашева (к 135-летию со дня рождения) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 4. С. 148–158.
- Нилогов А. С.** Кызласовы // Шанс. № 48. 30 ноября – 06 декабря 2017. С. 26.
- Нилогов А. С.** Метрическая запись о крещении Р. А. Кызласова // Абакан. № 19. 19–25 мая 2021. С. 11.
- Нилогов А. С.** Научная верификация хакасских родословных преданий: от мифо- и этногенеалогии к ДНК-генеалогии // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 57–65. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29539 (дата обращения: 01.05.2023).
- Нилогов А. С.** Просветитель. Найдена метрическая запись о крещении Романа Афанасьевича Кызласова // Хакасия. № 69, 20.05.2021. С. 5.
- Нилогов А. С., Пайор Е. В.** Происхождение хакасского рода Майнагашевых: устные предания и ДНК-генеалогические данные // Исторический формат. 2020. № 3. С. 8–17. URL: <http://histformat.com/wpcontent/uploads/2021/2020-3.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
- Память народа.** URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 01.05.2023).
- Патачаков К. М.** Семейно-родственные отношения у хакасов (материалы к изучению истории семьи и брака) // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 82–100.
- Перепись населения** Дальнекаргинского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 10(22).12. 1850 г. // АГМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 166.
- Перепись населения** Степной думы соединенных разнородных племен, пропущенного при переписи 1858 г., 1858–1859 г. // АГМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274.
- Ревизские сказки** на инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы, 1858 г. // ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 657.
- Ревизские сказки** на кочевых инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы соединенных разнородных племен Кийского, Дальнекаргинского, Каргинского улусов, 1850 г. // ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 455.
- Родословная Кызласовых** (схема) // НАРХ. Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 302.
- Родословная Кызласовых** // Личный архив семьи Кызласовых.
- Савельев С. В.** Морфология сознания. Т. 1. М., 2018. 208 с.
- Списки** кочевого национального населения, принявших крещение и бракосочетавшихся, 1854 г. // АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 73.
- Токарев С. А.** Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. // Сибирский этнографический сборник. Вып. I. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XVIII. М., Л., 1952. С. 108–141.
- Харьков В. Н.** Маркеры Y-хромосомы в популяционной генетике: фундаментальные и прикладные результаты этногеномных исследований // Генетика. 2021. Т. 57. № 9. С. 981–994.
- Электронный каталог ГАКК.** URL: <https://catalog.krasarh.ru/> (дата обращения: 01.05.2023).

Нилогов Алексей Сергеевич.

Кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований, старший научный сотрудник.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017.

E-mail: Nilogov1981@yandex.ru

A. S. Nilogov

DOCUMENTARY RECONSTRUCTION OF THE KYZLASOV FAMILY TREE

The article deals with the documentary reconstruction of the family tree of the famous Khakass archeologist and historian Leonid Romanovich Kyzlasov (1924–2007), whose centenary will be celebrated in the Republic of Khakassia in 2024. The seok (an ethnic lineage) of the Kyzlasovs is called “tag-kharga” and formed the Ulus Dalnekarga of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes in the 19th century. Although there are oral traditions about the origin of the Kyzlasovs, the genealogical information, which is based on historical sources such as church records, censuses, and name lists, has not yet been scientifically verified.

The object of the study is the biological family tree of L. R. Kyzlasov, and the subject is the archival and documentary reconstruction of its patrilineal part. The source base of the research was the collections of such archives as the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the National Archive of the Republic of Khakassia, the Archive in Minusinsk, the Manuscript Fund of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History and the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. For the first time, unique archival documents on the genealogy of the Kyzlasovs are brought into the scientific discourse: according to the Ust-Yes Evdokim Church, a metrical record of 1897 on the birth/baptism of R. A. Kyzlasov, information from the last three censuses of the Dalnekarga genus of the Sagai Steppe Duma for 1832, 1850 and 1858, as well as the facts of the baptism of representatives of the genus in 1854.

In the course of genealogical research, an examination of the Kyzlasovs' family tree schemes was carried out, which were drawn up by several informants based on oral traditions and written documents. The critical analysis of these genealogical materials shows that their information potential requires careful scientific examination, including archival primary sources. The further study of the Kyzlasov family tree will be devoted to the complex genetic and genealogical verification of the data by testing the DNA of the Y chromosome of modern male representatives of the genus. In this way, it will be possible to determine the haplogroup of Kyzlasovs (a genetic genus) and, consequently, to deepen the phylogenetic line of seok “tag-kharga” for thousands of years with the assignment of a family branch on the universal human family tree.

Keywords: *the metrical book, Kyzlasovs, genealogy, National Archive of the Republic of Khakassia, Dalnekarga genus, population census, seok, family tree*

References:

- YFull YTree** v11.02.00 ot 24.03.2023. URL: <https://www.yfull.com/tree> (Data obrashch. 01.05.2023).
- Arhivnoe delo R. A. Kyzlasova** [Archival file of R. A. Kyzlasov] // Rukopisnyj fond HakNIYALI [Manuscript collection of KhakNIYALI]. F. 516.
- Arhivy Krasnoyarskogo kraja** [Archives of the Krasnoyarsk Territory]. URL: <http://krasnoyarskie-arhivy.rf> (accessed: 01.05.2023).
- Butanaev V. Ya.** Istoricheskaya onomastika YUzhnoj Sibiri: uchebno-metodicheskij kompleks po discipline: kurs lekcij / V. YA. Butanaev, K. M. Torbostaev. Abakan, 2016. 220 p.
- Butanaev V. Ya.** Proiskhozhdenie hakasskih rodov i familii [Origin of Khakass families and surnames]. Abakan, 1994. 96 p.
- Vypiski iz trudov N. F. Katanova.** Rasskaz shamana Mamaya Kyzlasova 1892 g. [Extracts from the works of N. F. Katanov. The story of the shaman Mamai Kyzlasov, 1892] // NARH. F. R-966. Op. 1. D. 667.
- Genealogicheskoe drevo sem'i L. R. Kyzlasova** [Genealogical tree of the family of L. R. Kyzlasov] / Hakasskij nacional'nyj kraevedcheskij muzej im. L. R. Kyzlasova.
- Dokumenty k publikacii** «Rodovoj sostav i narodnye predaniya o proiskhozhdenii bell'tirov» (materialy etnograficheskij ekspeditsij, vypiski iz nauchnyh statej, arhivnyh dokumentov, vyrezki iz gazet) [Documents for the publication “Clan composition and folk legends about the origin of the Beltires” (materials of ethnographic expeditions, extracts from scientific articles, archival documents, newspaper clippings)]. Vol. 1 // NARH. F. R-966. Op. 1. D. 298.
- Dokumenty o Kyzlasove Romane Afanas'eviche** [Documents about Roman Afanasyevich Kyzlasov] // NARH. F. R-966. Op. 1. D. 602.
- Dokumenty po rodosloviyu Kyzlasovyh** (chernovye zapisi K. M. Patachakova, perepiska, fotografii Kyzlasova Nikolaya Viktorovicha (1970)) [Documents on the genealogy of the Kyzlasovs (draft notes by K. M. Patachakov, correspondence, photographs of Nikolai Viktorovich Kyzlasov (1970))] // NARH. F. R-966. Op. 1. D. 674.
- Imennoj spisok zhitelej** Dal'nekarginskogo roda, iyul' 1832 g. [Name list of residents of the Dalnekarginsky clan, July 1832] // NARH. F. I-2. Op. 1. D. 138.

- Imennye spiski bezvozvratnyh poter' serzhantskogo i ryadovogo sostava 24 gvardejskoj tankovoj brigady za 22–31.03.1945 g.** [Named lists of irretrievable losses of sergeants and privates of the 24th Guards Tank Brigade for March 22–31, 1945] // CAMO. F. 58. Op. 18003. D. 577. [El. resurs]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie4405985/?static_hash=b3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v6 (accessed: 01.05.2023).
- Katanov N. F.** Obrazcy narodnoj literatury tyurkskih plemyon. CHast' IX. Narechiya uryanhajcev (sojotov), abakanskih tatar i karagasov [Samples of folk literature of Turkic tribes. Part IX. The dialects of the Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagas]. SPb., 1907 (in Khakass).
- Kedrov B.** Kem sebya okruzhil Kizlasov? [Who did Kizlasov surround himself with?] / Sovetskaya Hakassiya [Soviet Khakassia]. No. 241, 18.10.1937. P. 3.
- Kniga uchyota** mladshhego nachal'stvuyushchego i ryadovogo sostava, 1945 g. [Accounting book for junior commanders and rank-and-file personnel, 1945] // CAMO. F. 3103. Op. 2. D. 34. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie1152558718/?static_hash=b3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v6 (accessed: 01.05.2023).
- Kyzlasov L. R.** V. D. Gurnickij – pisatel' i chelovek (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) [V. D. Gurnitsky - writer and person (on the 90th anniversary of his birth)] / Uchyonye zapiski HakNIYALI. Vyp. 14. Abakan, 1970. P. 201–205.
- Kyzlasov L. R.** K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Romana Afanas'evicha Kyzlasova (31.12.1896 g. – 21.09.1938 g.) [To the 110th anniversary of the birth of Roman Afanasyevich Kyzlasov (12/31/1896–09/21/1938)] // Kyzlasov Roman Afanas'evich: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya: dnevnik (sentyabr' 1920 – yanvar' 1924); HakNIYALI [sost. V. N. Tuguzhekova]. Abakan, 2007. P. 4–9.
- Kyzlasova K. R.** Dostoino pohvaly stremlenie [Aspiration is worthy of praise] / SHans. No. 5. 01–07 fevralya 2018. P. 21.
- Metricheskaya kniga** Evdokimovskoj cerkvi s. Ust'-Esinskogo dlya zapisi rodivshihsiya, brakom sochetavshihsiya i umershih za 1897 god [The metric book of the Evdokimovskaya Church. Ust'-Esinsky for recording those born and married and those who died in 1897] // NARH. F. I-29. Op. 1. D. 56.
- Metricheskaya kniga** Petropavlovskoj cerkvi s. Askizskogo dlya zapisi rodivshihsiya, brakom sochetavshihsiya i umershih za 1885 god [Metric book of the Peter and Paul Church. Askizsky for recording those born and married and those who died in 1885] // NARH. F. I-29. Op. 1. D. 38.
- Metricheskaya kniga** Petropavlovskoj cerkvi s. Askizskogo dlya zapisi rodivshihsiya, brakom sochetavshihsiya i umershih za 1863 god [Metric book of the Peter and Paul Church. Askizsky for recording those born and married and those who died in 1863] // GAKK. F. 824. Op. 1. D. 75.
- MKU «Arhiv goroda Minusinska»** [MKU “Archive of the city of Minusinsk”] / Arhivy Krasnoyarskogo kraja [Archives of the Krasnoyarsk Territory]. URL: <https://krasmun.krasarh.ru/archives/minusin/funds> (accessed: 01.05.2023).
- Nilogov A. S.** Dokumental'naya rekonstrukciya rodoslovnoj S. D. Majnagasheva (k 135-letiyu so dnya rozhdeniya) [Documentary reconstruction of the pedigree of S. D. Mainagashev (on the occasion of the 135th anniversary of his birth)] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2021. Vyp. 4. P. 148–158.
- Nilogov A. S.** Kyzlasovy [Kyzlasovs] / SHans. No. 48. 30 noyabrya – 06 dekabrya 2017. P. 26.
- Nilogov A. S.** Metricheskaya zapis' o kreshchenii R. A. Kyzlasova [Metric record of the baptism of R. A. Kyzlasov] / Abakan. No. 19. 19–25 maya 2021. P. 11.
- Nilogov A. S.** Nauchnaya verifikaciya hakasskih rodoslovnih predanij: ot mifo- i etnogenealogii k DNK-genealogii [Scientific verification of Khakass genealogical legends: from mythology and ethnogenealogy to DNA genealogy] // Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: historical research]. 2020. No. 1. P. 57–65. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29539 (accessed: 01.05.2023).
- Nilogov A. S.** Prosvetitel'. Najdena metricheskaya zapis' o kreshchenii Romana Afanas'evicha Kyzlasova [Enlightener. A metric record of the baptism of Roman Afanasyevich Kyzlasov was found] / Khakassiya [Khakassia]. No. 69, 20.05.2021. P. 5.
- Nilogov A. S., Pajor E. V.** Proiskhozhdenie hakasskogo roda Majnagashevyyh: ustnye predaniya i DNK-genealogicheskie dannye [The origin of the Khakass family of the Mainagashevs: oral traditions and DNA genealogical data] // Istoricheskiy format. 2020. No. 3. P. 8–17. URL: <http://histformat.com/wpcontent/uploads/2021/2020-3.pdf> (accessed: 01.05.2023).
- Pamyat' naroda** [Memory of the people] / Internet-portal podlinnykh dokumentov o Vtoroy mirovoy 1939–1945 i Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 01.05.2023).
- Patachakov K. M.** Semeyno-rodstvennye otnosheniya u hakasov (materialy k izucheniyu istorii sem'i i braka) [Family and kinship relations among the Khakassians (materials for the study of the history of family and marriage)] / Voprosy etnografii Hakasii. Abakan, 1981. P. 82–100.
- Perepis' naseleniya** Dal'nekarginskogo ulusa Stepoj dumy soedinyonnyh raznorodnyh plemyon [Census of the population of the Dal'nekarginsky ulus of the Steppe Duma of united heterogeneous tribes], 10(22).12.1850 g. // AGM. F. 15. Op. 1. D. 166.

Perepis' naseleniya Stepnoj dумы soedinyonnyh raznorodnyh plemyon, propushchennogo pri perepisi 1858 g., 1858–1859 g. [Census of the population of the Steppe Duma of united heterogeneous tribes, missed during the census of 1858, 1858–1859] // AGM. F. 15. Op. 1. D. 274.

Revizskie skazki na inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dумы, 1858 g. [Revision tales on foreigners of the Minusinsk district of the Sagai Steppe Duma, 1858] // GAKK. F. 160. Op. 3. D. 657.

Revizskie skazki na kochevyh inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dумы soedinyonnyh raznorodnyh plemyon Kijskogo, Dal'nekarginskogo, Karginskogo ulusov, 1850 g. [Revision tales on the nomadic foreigners of the Minusinsk district of the Sagai steppe duma of the united heterogeneous tribes of the Kiya, Dalnekarginsky, Karginsky uluses, 1850] // GAKK. F. 160. Op. 3. D. 455.

Rodoslovnaya Kyzlasovyh (skhema) [Pedigree of the Kyzlasovs (diagram)] // NARH. F. R-966. Op. 1. D. 302.

Rodoslovnaya Kyzlasovyh [Pedigree of the Kyzlasovs] / Lichnyj arhiv sem'i Kyzlasovyh [Personal archive of the Kyzlasov family].

Savel'ev S. V. Morfologiya soznaniya [Morphology of consciousness]. Vol. 1. M., 2018. 208 p.

Spiski kochevogo nacional'nogo naseleniya, prinyavshih kreshchenie i brakosochetavshihsya, 1854 g. [Lists of the nomadic national population who were baptized and married, 1854] // AGM. F. 17. Op. 1. D. 73.

Tokarev S. A. Perezhitki rodovyh otnoshenij u hakasov v XIX v. [Remnants of tribal relations among the Khakass in the 19th century] // Sibirskij etnograficheskij sbornik. Vyp. I. Trudy Instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya [Siberian ethnographic collection. Vol. I. Proceedings of the Institute of Ethnography named after. N. N. Miklouho-Maclay]. Vol. 18. M., L., 1952. P. 108–141.

Har'kov V. N. Markery Y-hromosomy v populyacionnoj genetike: fundamental'nye i prikladnye rezul'taty etnogenomnyh issledovanij [Y-chromosome markers in population genetics: fundamental and applied results of ethnogenomic studies] // Genetika. 2021. Vol. 57. No. 9. P. 981–994.

Elektronnyj katalog GAKK [Electronic catalog of GAKK]. URL: <https://catalog.krasarh.ru/> (accessed: 01.05.2023).

Nilogov Aleksey Sergeevich.

Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Genealogical Research Laboratory, Senior Researcher.

Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

Shchetinkina str., 23, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: Nilogov1981@yandex.ru

К. А. Сагалаев

РЕДКИЙ КАДР (КЕТСКАЯ ФОТО- И КИНОЛЕТОПИСЬ)

Статья посвящена визуальной фиксации традиционной культуры кетов – одного из малочисленных народов Красноярского края. Рассматривается история рисунков (на примере иллюстрации из книги И. Г. Георги) и фотосъемок кетов, начиная с экспедиций В. И. Анучина (1905–1909) и Ф. Нансена (1913) и вплоть до экспедиций А. П. Дульзона (1950–60-е гг.), даются ссылки на фонды в архивах и онлайн-коллекции музеев, где хранятся фотоколлекции. Описываются пятнадцать обнаруженных в открытых источниках и архивах кино- и видеофильмов о кетах, снятых в 1978–2021 гг., производится их анализ с позиций визуальной антропологии. Показаны места съемок, имена и фамилии носителей кетского языка, появляющихся на экране, проанализирован видео- и звукоряд фильмов, особенности режиссуры и авторской позиции по отношению к перспективам развития (или угасания) кетского языка и кетской традиционной культуры в целом. Рассматриваются также собственные полевые видеоматериалы автора, полученные в ходе экспедиций к кетам в 2004–2005 гг. Все рассмотренные фильмы представлены в таблице, содержащей год выпуска, хронометраж, имя режиссера и название студии, изготовившей фильм, язык (русский, кетский и т. д.), ссылку на фильм либо на его трейлер или аннотацию в открытых источниках в сети Интернет. Автор приходит к заключению, что, несмотря на относительную обделенность вниманием со стороны кинематографистов по сравнению с соседними народами (ненцами, эвенками и селькупам), кетская культура все же получила свою репрезентацию на экране. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования фото- и видеофонда, посвященного кетскому языку и культуре с позиций визуальной антропологии с привлечением данных домашних фото- и видеоархивов информантов. Статья может быть интересна для этнологов, фольклористов и специалистов по визуальной антропологии.

Ключевые слова: *фотография, киносъемка, видеосъемка, кеты, визуальная антропология*

Кеты, или, как их называли еще со времен Второй Камчатской экспедиции, енисейские остяки, – народ, окутанный загадками и тайнами. Много научных копий продолжает ломаться до сих пор в попытке ответить на вопросы, кто они, каков и откуда был их путь в эти таежные места. Кетский язык относится к енисейской языковой семье, остальные языки которой – югский, коттский, ассанский, пумпокольский – уже перестали звучать (одни – еще в XIX в., другие – во второй половине прошлого столетия). Лишь в кетском языке еще теплится жизнь, хотя настоящих носителей его можно пересчитать по пальцам. Все исследователи, встречавшие кетов в своих экспедициях, в один голос отмечают их разительную несхожесть – антропологическую, языковую, хозяйственно-культурную – с соседями: ненцами, эвенками, селькупам. Сами кеты называют себя «кето» – «человек» и проживают в пос. Суломай Эвенкийского района и в Туруханском районе Красноярского края. Согласно переписи 2021 г., число кетов составляло около тысячи человек; однако нужно четко понимать, что практически никто из назвавших себя по той или иной причине кетами уже не владеет кетским языком. Тем ценнее для нас те немногие визуальные материалы, репрезентирующие традиционную культуру этого этноса уже с начала XX в.

Кетам на самом деле меньше повезло быть под прицелом фото- либо киноаппарата в руках исследователя, чем, например, их соседям – тунгусам (эвенкам) и самоедам (ненцам). Поискники в сети Интернет на запрос «кино о кетах» выдают все что угодно: котов, китов, рыбу кету... Однако не все так однозначно печально и здесь. Целью данной статьи является обзор и анализ обнаруженных нами в открытых источниках и архивах фактов визуальной фиксации кетов в XX–XXI вв.

Возможно, первым – еще дофотографическим – изображением представителя кетов является гравюра с подписью «Остяк на ловле горностаев» в книге И. Г. Георги «Описание народов, обитающих в Российском государстве» (Георги, 1799: Ч. 1, 23). Тот факт, что подпись под другим изображением в этом же труде конкретизирует этническую принадлежность изображенного персонажа – «Обской остяк», оставляет вероятность того, что здесь мы видим

остяка енисейского, т. е. кета. Об этом же свидетельствуют, например, и детали одежды человека на рисунке. Ряд историков, в частности А. А. Бродников, прямо соотносят данного «остяка» с кетами (Бродников, 2019: 150). Впрочем, за последние 200 с лишним лет это изображение относили и к хантам, и к селькупам, и к югам, так что мы ограничимся лишь осторожным предположением.

Историю собственно фотофиксации кетов следует начать, пожалуй, с Туруханской экспедиции 1905–1909 гг., когда В. И. Анучин, участвовавший в ней, сделал более сотни выразительных фотопортретов представителей этого народа – мужчин, женщин, детей, стариков, а также предметов материальной культуры кетов – жилищ, транспорта. На 135 фотографиях этой экспедиции из 235, хранящихся в архиве МАЭ им. Петра Великого, – кеты. Фотоматериалы доступны для просмотра на сайте музея в разделе онлайн-коллекций¹. В 1911 г. часть материалов была опубликована Н. А. Синельниковым (Синельников, 1911).

В 1913 г. состоялась экспедиция знаменитого норвежского полярника Фритьофа Нансена, прошедшего из Норвегии Северным морским путем на пароходе «Коррект» до низовий Енисея, а затем на «Омуде» – судне поменьше – до Енисейска (далее он отправился на лошадях в Красноярск и оттуда по железной дороге – во Владивосток). Цели экспедиции не были научными: главной задачей была популяризация Северного морского пути для его коммерческого использования. Это не помешало Нансену и одному из его спутников, Степану Востротину, запечатлеть в черно-белых фотоснимках наиболее интересные моменты путешествия, в том числе и жизнь коренных народов – самоедов (ненцев) и остяков (кетов). Фотографиями Нансена была богато проиллюстрирована его книга, вышедшая в 1915 г. в русском переводе под названием «В страну будущего» (Нансен, 2015); фотографии Востротина хранятся в Архиве РАН².

В дальнейшем многие исследователи – лингвисты и этнографы, работавшие с кетами, фиксировали на фотоаппарат и своих информантов, и предметы материальной культуры, и ритуальные атрибуты. Богато иллюстрированы монографии Б. О. Долгих (Долгих, 1934), Е. А. Алексеенко (Алексеенко, 1967); основатель Томской лингвистической школы А. П. Дульзон также оставил после себя фотоархив из многочисленных экспедиций (в том числе к кетам), хранящийся на кафедре языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, а также в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ) и Государственном архиве Томской области (ГАТО)³ (Галкина, 1996: 255–266). Стоит отметить, что, поскольку цели этнографов и лингвистов изначально различны, отличается и важность фотоматериалов для их работы, а в итоге – и их количество. Наиболее полно библиография изучения енисейских народов отражена в монографии американского лингвиста Эдварда Вайды, а история зарисовок и фотофиксации кетов занимает отдельный параграф (Vaida, 2002: 387–388).

Нам не удалось обнаружить упоминаний о том, что в таких масштабных проектах, как «Киноатлас СССР» и т. д., были сняты выпуски, специально посвященные кетскому народу. Это, во-первых, никоим образом не означает, что их нет. Во-вторых, существует вероятность того, что в картинах, посвященных их соседям (например, эвенкам), появляются и кеты, но это все равно «роль второго плана». Впрочем, известно, что енисейские остяки фигурируют в фильме А. И. Гайдуля «Восточная Сибирь» (1935): «Типичные для Енисея остяцкие поселения. Остяки тащат рыболовную сеть. В сетях плещется рыба...» (Головнева, Головнев, 2022: 122). Также можно предположить, что среди туземцев, вошедших в фильм В. А. Сытина конца 1920-х гг. «Туруханский край», также присутствуют енисейские остяки. Впрочем, «полная версия фильма не сохранилась до наших дней – автору статьи удалось обнаружить в Россий-

¹ <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?person=118>.

² АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–11.

³ ГАТО. Ф. 1763. Оп. 1. Д. 136–137, 140–143, 145–146; ТОКМ. Ф/ф. № 1239, 1259, 1265, 1275 1–2, 1311 1–2.

ском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) только часть материалов работы киностудии В. А. Сытина в виде сюжета из „Совкиножурнала“» (Головнев, 2022: 54). Присутствие (либо отсутствие) того или иного народа в советских кинохрониках – тема для большого отдельного исследования, которое, надеемся, появится в обозримом будущем.

Первым документально подтвержденным (и ныне доступным для широкой публики) случаем появления на экране представителя кетского народа мы будем считать небольшую (длительностью в десять с половиной минут) черно-белую ленту эстонского режиссера Марка Соосаара «Музыка народов Сибири» (*Siberi rahvaste muusikat*), выпущенную в 1978 г. студией Eesti Telefilm. В 1976 г. (по другим данным – 1977 г.) по приглашению эстонского Союза композиторов в республику приехали несколько человек, представляющих коренные народы Западной и Восточной Сибири, и дали небольшой концерт, фрагменты которого и составили данный фильм. Большую часть хронометража заняли Григорий и Петр Сайнаховы, исполнившие наигрыш на *санквылтапе* и ритуальные танцы медвежьего праздника манси. Следом мы видим на экране селькупа Михаила Ирикова, исполняющего личную песню. Последним в видеоряде появляется кет Иван Тыганов. К сожалению, мало что удается понять из того, что он говорит со сцены зрителям, так как поверх этого звучит голос диктора на эстонском языке. Можно предположить, что Иван объясняет сферу применения музыкального инструмента *хылем* (жужжалка), аналоги которого можно встретить у многих народов Севера вплоть до Чукотки и Камчатки. Изначально у этих жужжалок была вполне прагматическая функция: ими вызывали ветер, чтобы отогнать гнус от оленей, но со временем они превратились просто в детскую игрушку. В последних кадрах картины Иван Тыганов и Михаил Ириков как раз демонстрируют игру на таких жужжалках двух разных типов (общих и для кетов, и для селькупов).

Вышедшая на экран в том же году лента другого эстонского режиссера – Яна Тооминга «Песни народов небесного лося» (*Taevapõdra rahvaste laulud*) знакомит зрителя с северными кетами и селькупами, живущими за полярным кругом. Фильм намеренно небогат авторским текстом (на эстонском языке), предлагая зрителю самому, во многом интуитивно, догадываться о происходящем на экране, этому способствует и суггестивно выстроенный видеоряд, воздействующий на зрителя через образы, и непонятный для не владеющего ни одним из трех языков (эстонский, кетский, селькупский) звукоязык. Хронометраж фильма четко поделен пополам, и первая часть его посвящена кетам, живущим на озере Мундуйском.

Лента открывается панорамой Енисея и видом скал, очертаниями похожих не то на человека, не то на каких-то мифических существ. Как правило, такие места становятся объектом поклонения у народов, проживающих рядом. Возможно, именно об этом месте пишет Е. А. Алексеенко: «Курейские кеты выделяли гористое место, формой напоминающее человека с островерхой головой. Рассказывают, что в камень (гору) обратился мифический Ундел'. Место это называли *комбанг*. Оказываясь здесь, кеты оставляли *кокс* в виде бус, бисера, пороха; бросали хлеб. Если не сделать этого, в пути может случиться беда: кто-нибудь упадет и сильно ушибется, олень сломает ногу и т. д.» (Алексеенко, 1977: 39). Звуковым сопровождением этому выступают звуки бубна и бессвязные выкрики (в том числе на русском языке). Зрителю остается догадываться, слышит ли он звуки шаманского камлания или что-то другое. Называется имя главного героя кетской части фильма: это Петр Серков. Он и еще несколько мужчин ставят на озере, а потом вытягивают на берег сеть; параллельно мы слышим личную песню на кетском языке, возможно, в исполнении женщины (к сожалению, какие-либо титры с именами исполнителей в картине отсутствуют). Выразительны крупные планы лиц, подчеркивающие антропологическую непохожесть кетов на другие сибирские народы в своем окружении. Следующую песню поет уже сам Петр Серков, одновременно занимаясь починкой сетей. В качестве перебивок выступают кадры пасущихся здесь же оленей и крупные планы детей. Не совсем понятна для зрителя короткая сцена с мальчиком, к голове которого мамой

или бабушкой приложены олени рога. Время от времени в песню снова вклиниваются звуки бубна, видимо наложенные уже в студии при монтаже.

Вторая часть фильма посвящена селькупам и, по некоторым сведениям, снята в поселке Фарково⁴, основные исполнители – Максим Кусамин и Кыпа Ириков. Показано изготовление селькупского обласка, звучат – уже на селькупском – личные песни и фрагмент сказки про Ичу⁵. Завершают ленту крупные планы лиц информантов и скал, уже показанных в начале; звукоряд – хаотично наложенные друг на друга фрагменты песен и речь плюс звуки бубна и варгана. К сожалению, финальные титры содержат информацию только о съемочной группе.

За сценарий к фильму «Оторванные ветром от костра...», снятого на студии «Красноярсктелефильм» в 1991 г., писатель Михаил Перевозчиков был удостоен Международной премии ЮНЕСКО; режиссером выступил Максим Файтельберг. Основная тема картины – безысходность, тупик, в котором оказались представители кетского народа с развалом сложившейся за десятилетия советской власти социалистической модели ведения хозяйства. Социальные реформы, по мнению авторов, и привели кетов к безработице, безделью и в конечном итоге – к пьянству. Единственным источником дохода для местного населения остался сбор брусники. Высыпаемая из ведра кроваво-красная ягода намеренно показана так, чтобы вызвать у зрителя ассоциации с льющейся кровью; звучащая драматическая музыка усиливает этот эффект. Крупные планы шаманских подвесок, снятые на фоне огня (а он фигурирует и в названии ленты), также призваны вызвать у зрителя чувство сопричастности к еще недавно существовавшей культурной традиции. Впрочем, огонь в кадре вполне живой и гаснуть не собирается. Отдельной нитью в фильме проходит мысль о несохранении памяти об уходящей кетской культуре со стороны государства: на фоне существования музеев политических ссыльных – соратников В. И. Ленина – кеты оказались незаслуженно забыты.

Несколько раз в ленте появляются кадры с известным кетским мастером Виктором Харлампьевичем Бальдиным (в титрах не указан), изготавливающим из дерева кетский варган – *пымыль*. Тот факт, что в конце фильма он успешно закончил работу и играет на только что сделанном инструменте, оставляет надежду, что костер кетской культуры еще не погас окончательно. Впрочем, последние кадры картины – пустая люлька, раскачивающаяся на фоне заката, опять-таки уведут зрителя в пессимизм. Заметим, что в 1991 г., когда снимался фильм, число носителей языка и культуры кетов измерялось совсем другими цифрами, нежели теперь.

Отметим и фактические неточности и ошибки, не обошедшие данный фильм стороной. В самом начале ленты авторы устами диктора сообщают нам, что «здесь издавна кочевали тунгусы, в том числе – кеты». На всякий случай уточним: кеты к тунгусам никакого (кроме географического – они соседи) отношения не имеют, кетский язык относится к енисейской языковой семье, тунгусы (эвенки) говорят на эвенкийском языке, входящем в тунгусо-маньчжурскую семью. Фразы: «Кет – таежный и независимый человек, кочующий на оленях» и «Многие семьи держали по 200–300 оленей» также требуют пояснения. Оленеводство у кетов было подсобной отраслью хозяйства: «Стада оленей были немногочисленны, везде рядом с оленными встречались безоленные семьи, а у подкаменнотунгусской группы оленей не было совсем» (Народы Западной Сибири: 655). По поводу многочисленности оленьих стад у кетов в литературе также имеются другие сведения: «стада до 100 голов были для кетов исключением, владельцами их являлись обычно большие семьи, состоявшие из нескольких брачных пар и их детей» (Там же: 656). Впрочем, авторы и не ставили перед собой научных задач, их целью было познакомить широкого зрителя с исчезающей на глазах уникальной культурой, и это им в целом удалось. Думается, что большинство зрителей картины о кетах тогда узнали впервые.

⁴ Информация получена от коренных жителей Фарково канд. филол. наук Е. А. Крюковой, зав. кафедрой языков народов Сибири ТГПУ.

⁵ Информация получена д-ром ист. наук Н. А. Тучковой (г. Ханты-Мансийск) от Александра Кулиша, селькупа по национальности и специалиста по селькупскому языку и культуре (г. Салехард).

Отдельно скажем о деятельности Лаборатории автоматизированных лексикографических систем при МГУ. Несмотря на то что главной задачей лаборатории является сбор лингвистического материала у селькупов, кетов и эвенков и его последующие обработка и изучение, ее сотрудникам во главе с О. А. Казакевич удалось собрать богатый фото- и видеофонд по языку и культуре этих народов. Материалы включают в себя как смонтированные фильмы, так и отдельные песни, рассказы, сказки, воспоминания; они находятся в свободном доступе на сайте лаборатории⁶. Снятый во время экспедиции к селькупам и кетам в 1999 г. видеофильм «**Туруханский край. Люди и их языки**», возможно, не отличается совершенством в плане технического качества съемки и монтажа, однако содержит массу ценных материалов по языку и фольклору как селькупов, так и кетов. Звукоряд картины включает в себя кетские песни в исполнении Антонины Алексеевны Максунной и селькупские – в исполнении Александра Тимофеевича Кусамина. Живым свидетельством того, насколько трудной была жизнь кетов в 1930-х гг., является рассказ Антонины Алексеевны на русском языке о своем детстве. Приведем фрагмент из ее воспоминаний, вошедших в фильм:

«Вот некоторые-то жили хорошо. У них олени, чумы. А у нас кого? Брезент ли, что ли. Холодина градусов пятьдесят, наверно. А костер такой палочкой накладешь, вот такой (маленькой) палочкой... Дым! Глаза ест. Тут (со спины) горит, а тут (спереди) даже и теплом-то не воняет. Так и прожили. И ни под себя, ни на себя, ложишься спать голодный-холодный. И честно сказать – ночи не спишь, голодный-холодный, утром встал – если полбелки сварила, ведро вон... Нормальные ведра. Белок три сварил – соли нету... А чтобы туда макароны положить – этого и в помине нету. И соли нету. Одну воду хлебаешь, а она не отзывается ничем. Ну три белки сварил на ведро – кого? Полбелки съел, и на целый день идешь, в лес уходишь. Придешь домой: уж отец какой был охотник – две-три белки. А птицы не было никакой. Сейчас соболя навалом. А раньше – ни соболя, ни сохатых, ни диких оленей... Вот так ничего не было. С такой жизнью, как жили – я и представить себе не могу. А потом аргишишь, одевать нечего. Аргишишь, отец впереди едет, ведро с собой. Впереди придет, воду сварит, мы взади приедем, замерзнем, дрожим. Одну воду хлебаешь, пьешь, чтобы отогреться. Отогремся – потом снова садимся, опять едем...». Подобные воспоминания, или мемуары, несмотря на кажущуюся простоту, являются ценным историческим документом, срезом эпохи, важным источником знаний о прошлом как для специалистов, так и для широкого круга зрителей и читателей. Вошедшие в фильм материалы были сняты в поселках Фарково, Бакланиха, Верещагино, Сургутиха и Туруханск. В Сургутихе участники экспедиции сняли на камеру торжественную линейку в школе 1 сентября. Обращает на себя внимание поздравление учительницы с новым учебным годом, где среди прочих пожеланий прозвучало и такое: «*Желаю нам всем пережить эту новую зиму*». Фраза явно не случайная, ее точно можно рассматривать как отпечаток времени и места, в которых она была произнесена.

Фильм «**Кеты Мундуйского озера**» (2008), созданный в этой же лаборатории, посвящен самой северной группе кетов, живущей в пос. Мадуйка, расположенном за полярным кругом в Туруханском районе Красноярского края; материалы для него были записаны двумя годами ранее. Это единственное место, где на тот момент еще сохранялся северный диалект кетского языка. Во вступительных титрах автор приводит неутешительную статистику: из 65 кетов свободно говорят на своем языке лишь четверо, в какой-то степени владеют языком 15 человек. Фильм снимался в одном месте и, возможно, за счет этого производит более цельное впечатление, чем описанный выше, а многочисленные титры на русском языке облегчают зрителю понимание происходящего на экране. Неторопливость повествования, отсутствие заранее написанного сюжета, ненавязчивость камеры позволяют отнести ленту к жанру «фильм-наблюдения». Основными информантами стали Нина Федоровна Корзухина (Серкова) – дочь

⁶ <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru>

последнего кетского шамана Федора Агафоновича Серкова, с которым встречался еще в 1959 г. Р. Ф. Итс (Итс, 1990: 209–213), а также Илья Иванович Серков. Также в ленте появляется старейшая жительница Мадуйки Полина Петровна Серкова⁷ (1926 г.р.). Отдельной нитью в картине проходит тема детей, не знающих кетского языка. Детей в поселке действительно много; крупным планом даны их лица во время просмотра видеозаписи с исполнением кетской песни: в основном в них читается интерес (но кто-то и зевает), а титры объясняют все предельно ясно: «*Дети Мадуйки: слушают, но не понимают язык своих предков*».

Тексты, звучащие в фильме на кетском языке, – это воспоминания Ильи Ивановича и Нины Федоровны о случаях в тайге – о встрече с росомхой, о нападении медведя, когда пришлось отбиваться врукопашную. Для городского зрителя эти рассказы – экзотика и триллер, но для жителей тайги – случай не то чтобы совсем рядовые, но из разряда «иногда бывает и так».

Значительную часть ленты занимает сюжет о посещении старого дома и амбара Нины Федоровны, где она демонстрирует предметы кетской старины. Титры сообщают нам: «*Здесь хранятся старые вещи, полезные вещи. Но многие из этих вещей больше не используются*». Это детали оленьей упряжи (титр: «*Вот уже четверть века, как кеты Мадуйки больше не держат оленей*»), лыжную палку со спрятанной в ней пальмой, лучковое сверло, скребок для выделки шкур, железный шаманский лук Федора Агафоновича.

Звукоряд видеofilьма составили записи личных песен жителя с. Келлог Александра Максимовича Котусова, пожалуй, последнего на тот момент настоящего хранителя кетской песенной культуры. После его ухода из жизни в июне 2019 г. этот пласт духовного наследия кетов, видимо, тоже канул в Лету...

В сюжете о посещении родового охотничьего уголья привлекает внимание короткий эпизод, в котором показан некий культовый атрибут, висящий на дереве и представляющий собой нечто вроде кисточки. Титры сообщают нам, что это «*изображение духа-помощника места, охраняющего новую избушку*», в фотоматериалах экспедиции на сайте лаборатории снимок подписан «Охраняющий и приносящий удачу»⁸. К сожалению, точная принадлежность показанного предмета к той или иной категории кетских культовых атрибутов в картине не объяснена. Возможно, под ним на дереве вырезана личина или сам этот предмет когда-то принадлежал шаману, приобретя таким образом сакральный статус, – оставим этот вопрос открытым.

Фильм «**Уходящий народ**» (2002) был снят на реке Подкаменная Тунгуска (поселки Подкаменная Тунгуска и Сулома) и на Енисее (поселки Сумароково и Бор). Через кетский миф об охотниках, заночевавших в берлоге медведя и проспавших там до весны, авторы показывают возможные последствия потери народом своей идентичности, что прямо сейчас и происходит с кетами. Лента рассказывает о проблемах «националов» (представителей коренных малочисленных народов), еще остающихся в поселках и пытающихся вести традиционный образ жизни, т. е. жить охотой и рыбалкой. Мешает им и бюрократическая волокита при получении охотничьих билетов и лицензий, и коррупция при распределении охотничьих участков.

Поселок Сулома за год до съемок фильма был практически полностью смыт половодьем и отстроен заново; вместо старых домов поставили новые на высоком месте, а о том, как ставили чумы, помнят лишь единицы. Татьяна Орловна Дорожкина – одна из немногих жителей Суломая, знающих кетский язык, когда-то она преподавала его в местной школе, но «*весеннее наводнение уничтожило последний национальный букварь в поселке*». Сама Татьяна Орловна с ностальгией вспоминает жизнь в чуме, с чем не согласен ее русский муж: по его мнению, чум – это прошлое, а уж если человек пожил в хороших условиях (т. е. в доме), то жить в чуме его уже не заставишь... В остальных поселках языковая ситуация также

⁷ На сайте лаборатории в материалах экспедиции указана как Пелагея Петровна. См: <http://minlang.srcc.msu.ru/en/node/143>

⁸ Там же.

не внушает оптимизма. Во время застолья в поселке Бор лишь одна женщина смогла вспомнить и исполнить фрагмент кетской песни «Пикуля», дальше уже пели «гимны рыбаков и охотников времен СССР и русские частушки»... Завершает фильм окончание мифа про охотников: *«Когда они вернулись домой, становища уже не было. И потеряли они свое племя...»*.

Отметим и тот факт, что музыкальные фрагменты, отделяющие части фильма друг от друга, – это хай, горловое пение хакасов, к кетской музыкальной традиции не имеющее никакого отношения. Вопросы также вызывают аутентичность и этническая принадлежность танцев с бубном в начале фильма...

Ставший широко известным фильм режиссера Дмитрия Васюкова «Счастливые люди» (2007) показывает нам полный годовой хозяйственный цикл жителей енисейского поселка Бахта. Серии так и называются – «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима». Есть в Бахте и кеты, их мы можем увидеть в двух первых сериях фильма. В серии «Весна» детально показан процесс изготовления кетской долбленной лодки – ветки, одним из мастеров выступил кет Геннадий Тыганов. В серии «Лето» значительный фрагмент посвящен социальным проблемам кетов. По мнению авторов, начались они тогда, когда русские обязали кетов платить ясак, что сломало традиционный хозяйственный уклад. Кеты стали селиться вместе с русскими, на пушнину они покупали водку, а муку и прочие продукты брали в долг: *«в этом долгу остяки и по сей день»*. Другой причиной утраты кетами языка и традиционных занятий названы интернаты, куда свозили детей для обеспечения поголовной грамотности. Была у этой медали и обратная сторона: *«Когда интернаты закрыли, оказалось, что за это время целое поколение грамотных кетов жить в лесу и на реке просто разучилось...»*.

Реликтом традиционных верований, еще сохранившихся у кетов, показаны аллэлы – домашние духи-охранители. Последняя их хранилища – Дарья Тыганова. Когда сгорел ее дом, единственное, что она успела вынести, – это их; все остальное имущество уничтожил огонь. Теперь она уезжает к родне в Суломай и будет жить там. Одной из черт характера народа кетов, нравственной нормой, сохранившейся до наших дней, была и остается забота о старых и недееспособных. Это дает авторам основание для некоторого оптимизма: *«Кетов на земле – не больше тысячи. Но, может, потому они и живы, что у них еще есть выбор? Ведь „кет“ в переводе значит „человек“»*.

Картину «Сказание о народе Кето», снятую в 2012 г., по-видимому, нужно рассматривать скорее как поэтический, чем как этнографический документальный фильм. Причем фильм многослойный: вниманию зрителя предлагаются рисунки песком на стекле, иллюстрирующие авторский текст; стихи о кетах (на русском языке); этнографические и филологические сведения о кетах в прозе; сцены с диалогами на кетском языке с русскими субтитрами; архивные черно-белые киноматериалы, на которых, к сожалению, совсем не кеты... Дальнейшая судьба кетской культуры и языка видится авторам печальной: *«Как видно, пришла пора создавать Красную книгу людей, куда будут занесены все вымирающие народы мира. Народы вымирают не из-за войн, не из-за геноцида, а от равнодушия, а вместе с ними уходит культура, философия, целое мировоззрение, которое уже никогда не возродится»*. Кроме архивных киноматериалов, фильм также содержит фрагменты уже рассмотренной нами картины Дмитрия Васюкова «Счастливые люди», о чем, впрочем, в титрах не упомянуто.

Создатели документальной ленты «Кеты» 2017 г. полемизируют с однозначно негативными и пессимистичными оценками будущего кетов. В отличие от многих созданных ранее (и, вероятно, тех, что будут сняты потом) фильмов эту картину отличает сдержанный оптимизм: мы имеем дело не с угасанием, а с естественным развитием культурной традиции народа. Красноярский этнограф Михаил Баташев объясняет это так: *«То, что язык исчезнет из повседневного общения, – это 100 процентов. Этот процесс идет не только у нас, он идет и в других северных странах, в той же Канаде, и на Аляске... Исчезновение языка не говорит об исчезновении народа. Да, он меняется. Но пока существует самосознание...»*

Мы ведь тоже не похожи на русских эпохи Ивана Грозного). Фильм содержит большое количество архивных фотографий, в том числе из материалов Туруханской экспедиции В. И. Анучина и, скорее всего, из домашних архивов жителей пос. Суломаи, где он был снят.

Интересен рассказ Виктора Хальвина о своих *аллэлах* – как в доме ночью слышатся звуки их деятельности («*Может, мерещится, я не знаю. Я на Ваську, кота, смотрю – вроде бы (не он)*»). Когда создавался музей в пос. Бор, Виктор отправил туда одного из своих *аллэлов*, после чего у сотрудников музея начались разного рода бытовые неурядицы и в жизни наступила черная полоса. Дней через десять они, не выдержав, отправили *аллэла* обратно, и неприятности прекратились сами собой: «*он – родовой, он должен там находиться*».

В картине показан фольклорный ансамбль «Санган» («Искра»), участницы которого сами шьют костюмы для выступлений (оставим проблему аутентичности костюмов и орнаментов на них специалистам по традиционной одежде, а вопрос об исполняемых в фильме танцах – хореографам). К сожалению, в титрах отсутствует имя исполнителя и название кетской песни, под которую танцуют участницы. Можно лишь предположить, что звучит голос Ольги Васильевны Латиковой (Тыгановой), с которой и нам довелось работать в 2004 г. в том же Суломае, но точно утверждать мы не станем. Руководитель ансамбля Ольга Тренихина смотрит в будущее народа кетов с оптимизмом: «*Мы считаем и с гордостью говорим, что мы – кето... Хотим сказать всему миру, что это – мы. Мы – тот народ, который где-то затерялся, но сейчас все восстанавливается*».

Виктор Хальвин убирает *аллэлов* на место, где они и должны храниться. В школе идет урок кетского языка. Бабушка показывает внуку семейные фотографии и рассказывает, кто на них. Передача традиции продолжается... Завершающий фильм авторский текст подводит черту под спорами о будущем кетского народа: «*Мы живем до тех пор, пока существуем в памяти своих потомков. Свойство памяти – забывать, обязанность человека – помнить... Кеты никуда не уйдут, они просто станут другими*».

Самый свежий на данное время фильм о кетах – «**Забывтый голос Сибири**», снятый в 2021 г. режиссером из Красноярска Филиппом Устиновым. В основе сюжета – путешествие трех молодых музыкантов из Красноярска к кетам за новым музыкальным опытом и вдохновением. Результатом, помимо собственно фильма, стал альбом электронной музыки, навеянной общением с кетами, услышанными от них рассказами и сказками и небольшими фрагментами кетской музыкальной традиции, которые все же удалось записать. Среди рассказов информантов – воспоминания о детстве, размышления о кетском языке, причинах пьянства среди кетов и иных социальных проблем, о перспективах (неутешительных), ожидающих в недалеком будущем язык и культуру кетов. Здесь же можно увидеть и кадры из документального сериала журналиста Валентина Казерского «Где ты?» (серия «**Угрюм-река**» (2003)) с поющей О. В. Тыгановой⁹. Приметой времени можно считать упоминания коронавируса: тогда это действительно было еще одним препятствием в полевой работе и дополнительным поводом для недоверия к приезжим. Судя по фильму, съемочная группа с этим осложнением успешно справилась.

Некоторые фильмы, упоминания о которых нам удалось обнаружить в открытых источниках и архивах, оказались недоступными для просмотра в сети Интернет, что не помешает нам кратко рассказать о них в данной статье. Режиссером фильма «**Надломленная ветвь на Подкаменной Тунгуске**» (2003) выступил известный кинодокументалист Юрий Михайличенко. Несмотря на название, снимался он не только на Подкаменной Тунгуске (т. е. в пос. Суломаи), но и в поселках Туруханск, Сургутиха и Келлог. Среди кетов, показанных в ленте, уже упомянутые нами В. Х. Бальдин, Т. О. Дорожкина и О. В. Тыганова, а также заведующая Туруханской языковой лабораторией Зоя Васильевна Максимова, ошибочно

⁹ Нам удалось обнаружить лишь несколько отдельных фрагментов этой серии. В основном речь там идет о пьянстве кетов, о способах помочь им и другим коренным малочисленным народам, об их христианизации (само название сериала – цитата из Ветхого Завета). Ссылку для просмотра содержит приводимая ниже таблица.

названная в титрах кандидатом философских наук (правильно – филологических). Название фильма позволяет предположить, что перспективы сохранения кетского языка видятся авторам непростыми; но, с другой стороны, ветвь надломлена, но не сломана окончательно... Лента «Аллели» режиссера Владимира Васильева снималась в пос. Келлог и, помимо бытовых сцен поселковой жизни, содержит кадры с *аллэлами* – духами-покровителями кетов, что отражено и в названии картины.

В 2015 г. режиссер из Нидерландов Бен ван Лисхаут частично повторил маршрут экспедиции по Сибири Фритьофа Нансена, уже упомянутой в данной статье. В результате была создана картина «Сибирские зарисовки» (Sketches of Siberia), с успехом продемонстрированная на ряде кинофестивалей, в том числе и в России. К сожалению, все, что нам удалось обнаружить во Всемирной паутине, – это 2,5-минутный трейлер к фильму; полный фильм недоступен даже на платных источниках. Остается надеяться, что режиссер еще раз привезет картину на какой-либо фестиваль или фильм все же появится в открытом доступе. Пока лишь можно утверждать, что трейлер содержит фотографии, сделанные Нансеном, и на них – представители кетского народа.

Упомянем и о своем опыте видеофиксации кетского языка и фольклора. В 2004–2005 гг. Институт филологии СО РАН провел две комплексные экспедиции к кетам; целью был сбор материалов для тома «Фольклор кетов» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Работа велась в поселках Суломай, Бакланиха, Верещагино, Сургутиха, Келлог и Верхнеимбатск. Записан большой массив фольклорного материала (сказки, мифы, легенды, воспоминания, песни), полностью снят процесс изготовления *пымыля* и жужжалки *хылем* В. Х. Бальдиным. Аутентичными получились записи кетских песен от А. М. Котусова, сделанные прямо в тайге. Отдельной удачей экспедиции можно считать открытие до тех пор нам не известного сказителя – Павла Егоровича Сутлина (ныне, к сожалению, уже покойного) из поселка Верхнеимбатск. Двумя годами позже Павел Егорович приезжал в Новосибирск в Институт филологии, и наша работа с ним продолжилась. Общая продолжительность видеозаписей 2004–2007 гг. составила более 25 часов; наиболее удачные фрагменты войдут в видеоприложение к томам серии.

Рассмотренные нами кино- и видеоматериалы можно представить в обобщенном виде в следующей таблице:

Год	Название	Хронометраж	Режиссер	Студия	Язык	Ссылка на видео
1978	Музыка народов Сибири (Siberi rahvaste muusikat)	10:31	Марк Соосаар	Eesti Telefilm	Эстонский, русский, селькупский	https://jupiter.err.ee/1145182/siberi-rahvaste-muusikat
1978	Песни народов небесного лоса (Taevapõdra rahvaste laulud)	19:32	Ян Тооминг	Eesti Telefilm	Эстонский, кетский, селькупский	https://jupiter.err.ee/1608732763/taevapõdra-rahvaste-laulud
1991	Оторванные ветром от костра...	09:59	Максим Файтельберг	Красноярск-телефильм	Русский	https://www.youtube.com/watch?v=yge6N30rEDI&t
1999	Туруханский край. Люди и их языки	34:00	Ольга Казакевич, Ольга Парфенова	ЛАЛС НИВЦ МГУ им. Ломоносова	Русский, кетский, селькупский	http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/video/turuhanskiy-kray-lyudi-i-ih-yazyki

2002	Уходящий народ	13:48	Александр Постников, Андрей Богданов	Красноярская ГТРК	Русский	https://livevideos.ru/video-new/hZZ1xnRKFAs
2003	Надломленная ветвь на Подкаменной Тунгуске	50:25	Юрий Михайличенко	Фортуна классик	Русский	http://old.rgakfd.ru/catalog/video/ ¹⁰
2003	Где ты? (Угрюм-река)		Валентин Казерский		Русский	https://vk-gdety.livejournal.com/tag/кеты
2007	Счастливые люди. Серия 1. Весна.	53:57	Дмитрий Васюков		Русский	https://www.youtube.com/watch?v=bITelb4l_SY&ab_channel=ДмитрийВасюков
2007	Счастливые люди. Серия 2. Лето.	52:26	Дмитрий Васюков		Русский	https://www.youtube.com/watch?v=o8-LOmIruRQ&ab_channel=ДмитрийВасюков
2008	Кеты Мундуйского озера	29:30	Ольга Казакевич	ЛАЛС НИВЦ МГУ им. Ломоносова	Русский, кетский	http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/video/kety-munduyskogo-ozera
2011	Аллены	26:00	Владимир Васильев	Красноярская киностудия	Русский	http://old.rgakfd.ru/catalog/video/ ¹¹
2012	Сказание о народе Кето	37:00	Артур Химченко		Русский	https://www.youtube.com/watch?v=AzPH1DhbRQM&t=1272s&ab_channel=АртурХимченко
2015	Сибирские зарисовки (Sketches of Siberia)	01:14:00	Бен ван Лисхаут	Van Lieshout Filmproducties	Русский (перевод)	https://www.filmfestival.nl/en/film/sketches-of-siberia ¹²
2017	Кеты	22:02	Денис Жемчугов	Красноярская ГТРК	Русский	https://www.youtube.com/watch?v=SbPWnFPjVag&ab_channel=ФИЛЬМЫГТРККРАСНОЯРСК
2021	Забытый голос Сибири	01:06:00	Филипп Устинов		Русский	https://www.youtube.com/watch?v=nhgidSXnQzA&t=3871s&ab_channel=ФорумАрктика

Подведем некоторые итоги. Несмотря на меньшую (по сравнению с соседними народами) частоту попадания кетов в объектив исследователя, фото-, кино- и видеофонд, представляющий кетскую культуру и язык и позволяющий сделать те или иные выводы об их современном состоянии и будущих перспективах, оказался достаточно объемным. Это дает будущим исследователям возможность сравнительного анализа обнаруженных фильмов и фотоархивов с целью визуально проследить трансформацию языковой и культурной традиции кетов. Естественно, мы не претендуем на окончательную полноту и завершенность обзора

¹⁰ Ссылка не на видеофайл, а на аннотацию к фильму. В окне поиска нужно задать учетный номер ВФ-447.

¹¹ Ссылка также на аннотацию. В окне поиска нужно задать учетный номер ВФ-3594.

¹² Ссылка не на сам фильм, а на трейлер к нему.

фото- и киноматериалов, представленного в данной статье. Многие фильмы, передачи и видеоролики по разным причинам не вошли в нашу работу; практически неисследованным остается и массив домашних фото- и видеоархивов информантов, содержащий «взгляд изнутри», недоступный для приезжего фотографа либо оператора. Повсеместное распространение смартфонов, бытовых камер и интернета оставляет широкий простор для будущих исследователей. Надеемся, что и новые фильмы, и их анализ с точки зрения визуальной антропологии не заставят себя ждать.

Литература:

- Алексеев Е. А.** Кеты: историко-этнографические очерки / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. 264 с.
- Алексеев Е. А.** Культы у кетов // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1977. Т. 33. С. 29–65.
- Бродников А. А.** К вопросу о происхождении енисейских остяков // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 147–155.
- Галкина Т. В.** К истории научных экспедиций под руководством Андрея Петровича Дульзона // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. IX. С. 232–276.
- Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежды, жилищ, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.
- Головнев И. А.** «Киноатлас СССР»: «Туруханский край» Виктора Сытина // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 50–63.
- Головнева Е. В., Головнев И. А.** «Киноатлас СССР»: учебный фильм «Восточная Сибирь» (1935) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3. С. 117–127.
- Долгих Б. О.** Кеты. Иркутск; М.: ОГИЗ, 1934. 134 с.
- Итс Р. Ф.** Шепот Земли и молчание Неба. Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. М.: Политиздат, 1990. 318 с.
- Нансен Ф.** В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. С портретом автора, 155 рисунками и 3 картами. Авторизованный перевод с норвежского А. и П. Ганзен. Петроград: Изд. К. И. Ксидо, 1915. 454 с.
- Народы Западной Сибири:** Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с.
- Синельников Н. А.** Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина, обработанным Н. А. Синельниковым / под ред. Д. Н. Анучина. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева, 1911. IV, 129 с.
- Vaida E.** Yeniseian Peoples and Languages. A History of Yeniseian Studies with an Annotated Bibliography and a Source Guide. London, 2002. 391 p.

Сагалаев Константин Андреевич.

Младший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 7 октября 2023 г.

K. A. Sagalaev

A RARE PHOTO (KET PHOTOS AND FILM CHRONICLES)

The article is dedicated to the visual record of the traditional culture of the Kets, one of the numerically small peoples of the Krasnoyarsk region. The history of drawings (using the example of an illustration from the book by I. G. Georgi) and photographic records of the Kets is considered, beginning with the expeditions of V. I. Anuchin (1905–1909) and F. Nansen (1913) and ending with the expeditions of A. P. Dulzon (1950s–1960s); references are given to the holdings in archives and online collections of museums where photo collections are kept. Fifteen films and videos about the Kets, shot between 1978 and 2021 and found in open sources and archives, are described and analyzed from the perspective of visual anthropology. The filming locations, the first and last names

of the Ket language speakers who appear on screen, the video and audio sequence of the films, the characteristics of the direction, and the author's position on the prospects of the development (or extinction) of the Ket language and traditional Ket culture as a whole are analyzed. The author's video footage taken during his expeditions to the Ket in 2004–2005 is also considered. All the films examined are presented in a table that includes the year of release, the date, the name of the directors and the name of the studio that produced the film, the language (Russian, Ket), and a link to the film or its trailer or synopsis in open sources on the Internet. The author concludes that the Ket culture has maintained its representation on screen despite its relative neglect by filmmakers compared to neighboring peoples (Nenets, Evenks, and Selkups). The conclusion is that the photographic and video records devoted to the Ket language and culture need to be further studied from the perspective of visual anthropology, including data from the informants' personal photo and video archives. The article may be of interest to ethnologists, folklorists, and specialists in visual anthropology.

Keywords: *photography, filmmaking, videography, Kets, visual anthropology*

References:

- Alekseenko E. A.** Kety: istoriko-etnograficheskie ocherki [Kets: historical and ethnographic sketches] / AN SSSR. In-t etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1967. 264 p.
- Alekseenko E. A.** Kul'ty u ketov [Ket's kults] // Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. 1977. T. 33. S. 29–65.
- Brodnikov A.A. K voprosu o proiskhozhdenii eniseyskikh ostyakov [On the Origin of the Yenisei Ostyaks] // Istoricheskiy kur'er. 2019. No. 5 (7). P. 147–155.
- Galkina T. V.** K istorii nauchnykh ekspeditsiy pod rukovodstvom Andreyana Petrovicha Dul'zona [To the history of scientific expeditions under the leadership of Andrei Petrovich Dulzon] // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya: Sb. statey / Otv. red. Ya. A. Yakovlev. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1996. Vol. 9. P. 232–276.
- Georgi I. G.** Opisanie vsekh obitayushchikh v rossiyskom gosudarstve narodov i ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhdy, zhilishch, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey [Description of all peoples living in the Russian state and their worldly rites, customs, clothing, dwellings, religions and other memorabilia]. SPb., 1799.
- Golovnev I. A.** «Kinoatlas SSSR»: «Turukhanskiy kray» Viktora Sytina ["Cinema Atlas of the USSR": Victor Sytin's "Turukhanskiy Krai"] // Istoricheskiy kur'er. 2022. No. 5 (25). P. 50–63.
- Golovneva E. V., Golovnev I. A.** «Kinoatlas SSSR»: uchebnyy fil'm «Vostochnaya Sibir'» (1935) ["Cinema Atlas of the USSR": educational film "Eastern Siberia" (1935)] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2022. No. 3. P. 117–127.
- Dolgikh B. O.** Kety [Kets]. Irkutsk; Moskva: OGIZ, 1934. 134 p.
- Its R. F.** Shepot Zemli i molchanie Neba. Etnogr. etyudy o traditsion. narodnykh verovaniyakh. [The whispering of the Earth and the silence of the Sky. Ethnographic studies on traditional folk beliefs]. M.: Politizdat, 1990. 318 p.
- Nansen F.** V stranu budushchego. Velikiy Severnyy put' iz Evropy v Sibir' cherez Karskoe more [To the country of the future. The Great Northern Route from Europe to Siberia across the Kara Sea.]. S portretom avtora, 155 risunkami i 3-mya kartami. Avtorizovanny perevod s norvezhskogo A. i P. Ganzen. Petrograd Izdanie K. I. Ksido. 1915 g. 454 p.
- Narody Zapadnoy Sibiri:** Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety. [Peoples of Western Siberia: Khants. Mansi. Sel'kups. Nenets. Ents. Nganasans. Kets]. M.: Nauka, 2005. 805 p.
- Sinel'nikov N. A.** Eniseyskie ostyaki po nablyudeniyam i izmereniyam V. I. Anuchina, obrabotannym N. A. Sinel'nikovym [Yenisei Ostyaks according to the observations and measurements of V. I. Anuchin, processed by N. A. Sinel'nikov] / Pod red. D. N. Anuchina. Moskva: tipo-lit. t-va I. N. Kushnereva, 1911. Vol 4. 129 p.
- Vaida E.** Yeniseian Peoples and Languages. A History of Yeniseian Studies with an Annotated Bibliography and a Source Guide. London, 2002. 391 p.

Sagalaev Konstantin Andreevich.
Junior researcher.

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru

Н. А. Тучкова

КВЭЛДЖУТ (*KÜELDSHUT*) – БОГАТЫРСКИЕ СКАЗАНИЯ СЕЛЬКУПОВ: ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ СЮЖЕТА

Статья посвящена анализу сюжетов 11 фольклорных текстов селькупов, четыре из которых с полным правом можно обозначить как героические сказания, записанные на Средней Оби в середине XIX в. (в 1845 г.) лингвистом М. А. Кастреном; еще один текст XIX в. записан в 1870-х гг. Н. П. Григоровским. В ходе проведенного исследования была выявлена основная сюжетная схема, в которой как базовые мотивы присутствуют сватовство или умыкание богатырем невесты, погоня ее братьев и предыдущих женихов за героем, а также битвы богатырей между собой. Остальные шесть анализируемых текстов были зафиксированы в XX в., они также имеют похожее развитие сюжетного действия; но их запись лаконична, сюжет оформлен как краткий пересказ. В ходе исследования была установлена разница в мотивах между текстами и выявлено несколько сюжетных вариантов, в форме которых существует данный сюжет, – «мужской» вариант, где главным героем является мужчина-богатырь, и «женский» вариант, когда сюжет строится вокруг невесты, которую сватает или умыкает богатырь (но тогда именно женщина является главной героиней, так как повествование концентрируется вокруг нее, и оно исходит от ее лица). Также выявлена существенная внутритекстовая разница в использовании режимов повествования.

Ключевые слова: селькупский фольклор, фольклорные записи М. А. Кастрена, богатырские песни, сюжет, режим повествования

О героических сказаниях селькупов научный мир узнал раньше, чем обо всех иных произведениях их фольклорного наследия, благодаря публикациям М. А. Кастрена. Четыре записанные им в 1845 г. богатырские песни у «Томских Самоедов» были впервые опубликованы уже в 1855 г. (Castrèn, Schiefner, 1855). Записи имели как оригинал на селькупском языке, так и перевод на немецкий язык. Сами песни этого жанра по-селькупски М. А. Кастрен обозначил как *Küeldet*, или *Küeldshut*, что значит «древность», т. е. сказание о старине, древних временах; в немецких переводах эти песни обозначались как *Heldenlieder*. Однако, несмотря на то что с момента фиксации этих сказаний прошло почти 200 лет, с этими текстами практически еще не работали российские фольклористы. Причиной этого в значительной степени являлся тот факт, что тексты не были переведены на русский язык¹.

При подготовке к изданию фольклорного тома «Фольклор южных селькупов»² (в 2012–2013 гг.) был выполнен перевод этих текстов лингвистом-селькуповедом А. А. Ким-Малони с немецкого языка на русский, но, что важно, с опорой на селькупский оригинал (т. е. была проведена сверка как перевода с селькупского на немецкий Александра Кастрена, так и осуществлен максимально буквальный перевод на русский язык). В 2021 г. перевод А. А. Ким-Малони был перепроверен и дополнен лингвистом-селькуповедом А. В. Байдак. Таким образом, можно считать, что на сегодняшний день мы имеем максимально возможный по качеству перевод текстов всех четырех «кастреновских» селькупских героических сказаний на русский язык.

Для исследований в области сюжета (определении вариантов сюжетных линий) важным является следующий вопрос: существуют ли еще, помимо записей М. А. Кастрена, подобные сюжеты в селькупском фольклоре? Автором статьи были проведены поиски текстов с похожими сюжетными линиями по разным источникам – сборникам публикаций селькупского фольклора и неопубликованным архивным собраниям. Было выявлено еще семь фиксаций

¹ На русском языке был опубликован только пересказ самим М. А. Кастреном одного из четырех текстов (Тхт.2) (см. (Кастрен, 1860: 299–301)).

² Фольклорный том «Фольклор южных селькупов» готовился как часть академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; в 2013 г. была подготовлена рукопись тома, которая до настоящего времени пока не опубликована.

подобного сюжета, которые условно можно обозначить как «богатырь украл невесту (жену) у другого богатыря». Один текст – это запись 1870-х гг. Н. П. Григоровского, широко известный как богатырское сказание Кат Ман Пуч, опубликованное Н. Костровым в сборнике «Образцы народной литературы самоедов» (см. Костров, 1882); шесть остальных были записаны в XX в. этнографами Г. И. Пелих, Е. А. Хелимским, А. В. Головневым (Пелих, 1972; Кузнецова, Казакевич и др., 1993; Головнев, 1995).

Таким образом, в распоряжении ученых есть как минимум 11 текстов с подобным сюжетом, но, к сожалению, разного качества фиксации. Дайджесты всех 11 сюжетов с попыткой выделения мотивов, а также информацию об источниках и метаданные см. в *Приложении*.

Внимательное рассмотрение всех 11 выявленных образцов сказаний (четыре текста М. А. Кастрена, один – Н. П. Григоровского и еще шесть, записанных в XX в.) привело к выводу, что, во-первых, сюжеты всех этих произведений очень похожи и укладываются примерно в следующую схему: герой вырос, идет свататься или ворует себе невесту, уходит от погони женихов-предшественников, сражается с врагами, разрушает город или города врагов, в эпилоге обязательно возвращается в свой город, где они с женой «стали жить до конца дней».

Во-вторых, между всеми зафиксированными вариантами сюжета есть определенная разница, которая подчиняется некоторым закономерностям. Выявлению указанной разницы в записанных текстах (помимо полноты излагаемого сюжета и несовпадения ряда мотивов внутри сюжета), а также закономерностей, которым эти несовпадения могут подчиняться, и посвящено данное исследование.

1. Особенности повествования.

Пристальное внимание вызывает прежде всего следующий момент: все сказания как будто похожи по набору ключевых событий, но они все рассказываются по-разному. Возникает ощущение, что это один и тот же сюжет (одна «история»), но каждый раз как-то по-разному рассказанная. Это явление привело к необходимости разобраться, каким в принципе бывает рассказывание в фольклорном повествовании, в чем и как оно может проявляться и как варьироваться.

Режим повествования. Как считают литературоведы (см.: Кожевникова, 1994; Барковская, 2004; Приходько, 2007), вариантов рассказывания немного: наррация (рассказывание) как процесс возможна лишь в форме какого-либо режима повествования, предполагающего выбор повествовательной точки зрения (например, от первого лица или от третьего лица – *наррация от 1-го или 3-го лица*) и выбор «голоса» нарратора, т. е. техники подачи сюжетной информации, например, с помощью *прямого воспроизведения мыслей и чувств персонажа* или *описательно*³.

Анализируя способ подачи информации в четырех текстах, записанных М. А. Кастреном, можно свести варианты использования режимов повествования в сравнительную табл. 1.

В *Txt.2* и *Txt.3* повествование идет в основном от 1-го лица; особенно характерно такое повествование в *Txt.2*: фактически весь рассказ передается именно как прямое воспроизведение мыслей и чувств героя, как будто говорит его внутренний голос. Также в этих текстах мы видим фрагменты, изложенные как внутренний голос (где повествуется от 1-го лица), и при этом есть описательные эпизоды.

³ Как правило, «типы повествования в художественном произведении организованы обозначенным или необозначенным субъектом речи и облечены в соответствующие речевые формы. В повествовании от третьего лица выражает себя или всезнающий автор, или анонимный рассказчик. Первое лицо может принадлежать и непосредственно писателю, и конкретному рассказчику, и условному повествователю» (Кожевникова, 1994: 3–4).

Примеры режимов повествования в текстах 1–4, записанных М. А. Кастреном

<i>Txt.1</i>	<i>Txt.2</i>	<i>Txt.3</i>	<i>Txt.4</i>
Повествование идет от 3-го лица; сюжет рассказывается «закадровым» рассказчиком; но есть множество диалогов	Повествование идет от 1-го лица, но есть лаконичные фрагменты от 3-го лица. Идет переключение режимов повествования	Повествование идет в основном от 1-го лица, иногда от 3-го лица. Идет переключение режимов повествования	Повествование идет от 3-го лица, но есть фрагменты от 1-го лица
Пример описательной подачи информации: (40) Один богатырь поднялся, Наружу вышел, Тетива лука зазвенела – Слугу убил. Богатырь в чум вошел. (45) Между собой разговаривают, Смеясь, спать пошли. Утром она проснулась, С улицы люди зашли: «Слугу твоего убили».	Пример описательной подачи информации: (180) Богатырь в обличье соболя Вниз спустился В человека превратился. Из города Богатырь вышел. (Так говорится об основном герое, от лица которого идет все повествование.) Что видят глаза главного героя: (150) Один богатырь Вышел, взял меч, Вниз к реке побежал, К лодке подбежал, (155) Набросился (я) на него, Богатыря на берегу Напополам перерубил.	Пример описательной подачи информации (но описывает главный герой, а не абстрактный рассказчик): Женщина заплакала, Женщина встала, Из люльки одежду достала, Принесла, на меня одела, (35) Меч мне на пояс привязала, Лук и стрелы дала.	Пример описательной подачи информации: Женщина стоит; Семь богатырей пришли, Семь чашек Вина (она) налила, (100) Подала (им), Семь богатырей поднесли ко рту. (Она) меч вынула, Ударила, Семи богатырей головы (105) Вниз упали,
Пример прямого воспроизведения событий (от лица героя): нет	Пример прямого воспроизведения событий (от лица героя): Когда я сидел, Пол раскололся, Я вниз провалился; (40) После того как я внизу побывал, Я наверх к себе домой поднялся, Вошел я, сию, Осмотрелся вокруг, Лук висит.	Пример прямого воспроизведения событий (от лица героя): Я своей жене Говорю: «Давай вниз спустимся!» Жена говорит: «Давай спустимся». (65) Мы обе птицы Вниз направили, Остановились, Вниз сели.	Пример прямого воспроизведения событий (от лица героя): Вместе с братом Сражаться начали мы; Восемь (115) Богатырей осталось. Мы начали биться, Тетива лука звенит Стрелы летят, Не достигают (120) Семи сажений.

	(45) Одежду взяв, Я оделся, Опоясался мечом, Лук я взял, Сел на орла, (50) Наружу вылетел...		Богатырь, ко мне подойдя, Остановился. Я ударил мечом, Голова отрубленная (125) Упала...
Диалоги с прямой речью: (1) Жена проснулась, Мужу говорит: – Зачем ты меня разбудил? – К отцу, к матери тебя отправлю! (5) – А с кем я пойду? – Со слугой пойдешь. Тебе стыдно будет. – Почему стыдиться я должна?	Диалоги с прямой речью: Отец спит, он про- снулся, он говорит: (20) – Кто пришел? – Я пришел, Младший сын. – Зачем ты пришел? – Я пришел спросить: (25) Мир вокруг ты обошел, Жену не нашел? Отец говорит: – Не нашел, Ты сам ищи!	Диалоги с прямой речью: Богатырь подошел ко мне, говорит: – Почему мой город (105) Ты разрушаешь? – Моих братьев Почему ты убил? Богатырь говорит: – Где ты был? (110) Ты маленький, Зачем пришел, Мы и тебя убьем.	Диалоги с прямой речью: Послав, проснулась, На лодке ее везут, Она говорит: – Куда меня везешь? (30) – В жены тебя забираю. Сюда иди, спать (будем) мы. Я говорю: – Зачем я буду спать?

В *Txt.1* и *Txt.4* повествование идет в основном от 3-го лица. Такая подача информации подразумевает, что есть некое 3-е лицо – «закадровый» рассказчик, кто повествует обо всех происходящих событиях.

Наррация от лица главного героя или главной героини (если повествование в 1-м лице)/или **о событиях вокруг героя или героини** (если в рассказывании используется 3-е лицо).

Чаще всего тексты сказаний ведутся от лица мужчины (героя), или о событиях, которые происходят с главным героем-мужчиной. Но среди 11 текстов селькупских героических сказаний/историй есть четыре текста, где рассказывание идет либо напрямую от лица женщины, либо события выстроены так, что слушатели видят прежде всего то, что происходит с героиней. Появляется такой «женский» взгляд на события, когда не мужчина-герой сватает и ворует себе невесту, а как это выглядит с позиции женщины: ее сватает или умыкает выбранный или не выбранный ею мужчина. Вырисовывается совсем другой «акцент» у проистекающих событий, а сама история становится как будто бы «женской историей» (табл. 2).

Таблица 2

Кто является главным героем – мужчина или женщина?

<i>Txt.1</i>	<i>Txt.2</i>	<i>Txt.3</i>	<i>Txt.4</i>	<i>Txt.5</i>
Женщина	Мужчина	Мужчина	Женщина, но со 120-й строки повествование переходит от героини к ее брату	Мужчина; но есть фрагменты, когда повествование идет вокруг женщины, есть ее внутренняя речь

<i>Txt.6</i>	<i>Txt.7</i>	<i>Txt.8</i>	<i>Txt.9</i>	<i>Txt.10, 11</i>
Мужчина (но он пассивный герой, тогда как его невеста проявляет активность и волшебные качества)	Женщина	Мужчина	Мужчина	Мужчина (младший брат мужа женщины)

2. Важные особенности и ключевые моменты сюжета.

Таких особенностей и сюжетобразующих моментов удалось выявить несколько:

«Мужской» и «женский» варианты линии развития сюжетного действия. Как основную схему сюжета можно принять следующую: герой вырос, идет свататься или ворует себе невесту, уходит от погони женихов-предшественников, сражается с ними как с врагами, разрушает город или города врагов, в эпилоге обязательно возвращается в свой город, где они с женой остаются в качестве правителей. Однако при этом стоит подчеркнуть, что если история рассказывается от лица женщины (развивается вокруг деяний женщины), то схема сюжета заметно меняется, так как главным героем становится женщина: ее сватают или воруют; она активно борется мечом с теми, кто ее украл, или же пассивно наблюдает за битвами, которые ведутся вокруг нее; помогает одному жениху/мужу или сама убегает от другого жениха/мужа и т. д.

Важнейшая точка в развитии сюжетного действия. Анализ всех 11 текстов показывает, что, несмотря на то что есть «мужской» и «женский» вариант истории, в любом из них есть наиважнейший ключевой момент, определяющий ход развития всей сюжетной линии и запуск интриги повествования. Таким моментом является следующий факт: нравится или нет женщине (которую сватают или хотят украсть) первый жених (первые женихи).

Этот ключевой момент делит развитие сюжета на два основных русла повествования, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) женщина высватана, ей **нравится жених**/или у нее уже есть муж, который ей **нравится** (она с ним уже живет какое-то время), но потом приходят некие женихи («с низовской стороны»/или некий «чужой» богатырь); ее воруют, увозят; она не согласна с тем, что ее украли, поэтому борется, сражается сама как богатырша; появляется ее первый жених/муж с воинами и помогает ей победить/спасти;

2) женщина высватана, но ей **не нравится** первый жених. Тогда она сама организывает свой побег от сватов первого жениха; она помогает выиграть какие-то состязания второму жениху (который нередко первоначально не выглядит представительно). Отец женщины и ее братья обычно остаются на стороне первого жениха; они бросаются за ней в погоню. Далее идет описание обстоятельств ее бегства со вторым женихом и сражение этого жениха с догоняющим войском отца невесты и первого жениха. Однако у женщины есть еще младший брат – шурин, который помогает второму жениху; впоследствии как награду шурин получает себе в жены сестру второго жениха.

Имена главных героев. У всех героев в текстах, записанных М. А. Кастреном, нет имен. Любого богатыря в этих текстах называют по-селькупски *Мāдур*. В *Txt.2* главного героя описательно несколько раз называют *Мāдур шилооргонд – богатырь в обличье соболя*; в *Txt.5* его имя *Кат Ман Пуч*, в *Txt.6* – *Кенгат-тю* (это словосочетание не очень похоже на имя, скорее, это некий эпитет – «кенги огонь»), *Txt.8* его имя *Пыганбалк*.

У отца невесты только в *Txt.5* есть имя – *Кадыска*. При этом у отца невесты обычно есть большой город; в *Txt.6* для описания города использовано характерное обозначение: *Ку[ю]нгат кашк амненда – ...туман стоит* (букв.: ...дым сидит), т. е. его многолюдность подчеркнута тем, что над городом стоит туман от дыма, что говорит о множестве очагов, а значит, о большом количестве обитателей города.

Невеста героя только единожды (в *Txt.5*) названа описательно как «белая красавица». В *Txt.7* она представлена как «девушка-царевна» – по сельк.: *Амдель-кок-нем*.

Сведения о главном герое. В трех из 11 текстов в первых строках повествования сообщается о богатыре-младенце, который моментально вырастает и сразу хочет жениться: *Txt.2* «На мысу реки я родился, проснулся, подумал: «Я хочу жениться»; *Txt.3* «Богатырь проснулся, он лежит в люльке»; *Txt.5* «Маленький Богатырь спит в люльке». Из контекста выясняется, что у него есть свой город «на мысу реки» (*Txt.3*) и есть свой народ (*Txt.3*), который страдает после нашествия врагов (*Txt.3*) или из-за мороза: люди не могут ничего добыть и просят его им помочь (*Txt.6*); его родителей убили пришедшие «со стороны болот» 12 богатырей (*Txt.3*), они же разрушили его город. Именно к своему народу и в свой город возвращается герой после путешествий, битв и приключений.

В текстах, записанных в XX в. (*Txt.8, 9*), иногда указано, что богатырь живет в землянке; в текстах северных селькупов (*Txt.10, 11*) – герой живет в чуме.

Сведения о дочери царя (невесте героя) – она же главная героиня в «женском» варианте сюжета. В нескольких текстах отмечается, что невеста, к которой приехали свататься разные женихи, обладает волшебными характеристиками: В *Txt.6* девушка показывает жениху свои волшебные способности – умение превращаться в птиц (ворону, филина, ястреба). В *Txt.5* девушка, которую на лодке приплыл сватать богатырь *Кам Ман Пуч*, ступает по воде по спинам рыб.

Есть и обыденное занятие у героини: она, как и положено женщине в селькупской культуре, рубит дрова топором, везет их домой в город отца на ручной нарте: «...одна девица дрова рубит. Вторая помогает. С девицей там широкий топор. Полну нарту дров нагрузили. Он из-под кедров подкрался, посох между копыльев воткнул. Она дергает, нарта как вкопана. Он засмеялся...» (*Txt.6*). Такой мотив в селькупском фольклоре всегда обозначает флирт.

В *Txt.5, 6* присутствует особый мотив – узнавания девушкой своего суженого: «В день ее рождения летели два лебедя, уронили молитвенную книжицу с золотой коркой. В один день она родилась с богатырем *Кенгат-тю* (огонь). Это в книжечку было записано». В *Txt.5* предопределенность выбора присутствует как ожидание и опознание дочерью царя *Кадыски* именно *Кам Ман Пуч* как главного жениха: героиня, узнав, что он приплыл на лодке с 60 гребцами, сама к нему спускается в лодку, пройдя по спинам семи больших рыб.

География местности. В двух текстах упоминаются названия рек: р. Кенга – герой должен быть «богатырем на Кенге» (*Txt.6*), р. Тым – богатырша жила на Тыму (*Txt.7*).

В *Txt.5* рядом с городом отца невесты находится «трехустье» – впадение притока, т. е. город стоит на устье какого-то притока. Подступ к городу охраняет некая заводь-омут, миновать на лодке которую помогает ритуал по сбрасыванию монет по обе стороны от лодки.

Город героя стоит «на мысу реки». Богатыри, которые сватаются, называются «низовскими», т. е. они с нижнего течения той реки, на которой проживает главный герой.

В *Txt.1*, умыкая чужую жену, богатырь привез ее в верхнее течение той реки, где она жила с первым мужем («До верховьев привезли...»).

Враги «12 богатырей», разрушившие город героя в *Txt.3*, пришли «со стороны болот».

Оружие героя. В *Txt.3* главный герой-богатырь получает отцовский меч, лук и стрелы, которые мать спрятала для него в его люльке. В *Txt.6* он получает лыжи, подбитые мехом выдры, и только одну, но волшебную стрелу, которая сразу может пронзить много врагов подряд или нанизать сразу 10 лосей; в *Txt.2* – стрелу, которая в полете до 500 врагов может пронзить.

В *Txt.8, 9* герой, когда его застают врасплох противники, как мечом сражается палкой от костра (таганом); в *Txt.7* он сражается железным столбом, который привез с собой на Тым после женитьбы на тымской царевне *Амдель-кок-нем*.

Если главный герой – женщина, то она также сражается мечом, как и мужчина: «(Она) меч вынула, ударила, семи богатырей головы вниз упали» (*Txt.4*).

Транспорт героев. Яркой особенностью многих южноселькупских богатырских текстов, записанных М. А. Кастреном, является особый транспорт героев: во всех четырех текстах герой и его соратники (жена/невеста, вторая жена, шурин) перемещаются на птицах (на орле, лебеде) (табл. 3).

Таблица 3

Примеры описаний перемещений богатыря в пространстве на птицах

<i>Txt.1</i>	<i>Txt.2</i>	<i>Txt.3</i>	<i>Txt.4</i>
<p>Женщина лукошко схватила, Побежала, (120) Обернулась: Триста пятьдесят волков бегут, Триста пятьдесят медведей идут. На небо посмотрела, Богатырь летит, (125) На птице, сидя Подлетает, Богатырь вниз спускается...</p> <p>...</p> <p>На птицу сел, (170) Повернул назад. На седьмой день Прилетел в свой край</p>	<p>...Сел на орла, (50) Наружу вылетел; Ровно в полдень Я в путь отправился; На седьмой день Добрался я до дерева; (55) Орел сел; ...</p> <p>Мы вышли, Обратились в соболей, (130) На дерево Мы залезли, На орла Легли мы; ...</p> <p>Женщина на птицу Села, улетела прочь, на север. (220) На орла Я сел и погнался; Преследуя, я догнал ее; ...</p> <p>Наружу вышли (415) На двух птиц Сели, Назад полетели</p>	<p>...Я встал, На орла сел, Женщина на лебедя села, (40) Мы полетели. Орел, покружив, Взлетел. ...</p> <p>Птицей управляю, За мной моя жена (50) На лебеде летит; На север летим, Семь дней летим; ...</p> <p>(60) Я своей жене Говорю: «Давай вниз спустимся!» Жена говорит: «Давай спустимся». (65) Мы обе птицы Вниз направили, Остановились...</p> <p>...</p> <p>(75) На четырех птиц Мы сели, полетели; Семь дней летели, ...</p> <p>Мы опять На трех птиц Сели, взлетели, Летим</p>	<p>...С птицы вниз спустился он. По городу рубить начал, ...</p> <p>Слышит, (что) сзади Сзади богатырь летит, (75) Брат на птице прибыл, ...</p> <p>(85) Проснулась, Птица (ее) несет, Оглянулась, Богатырь несет (ее) ...</p> <p>(90) В город прилетела птица. Четырнадцать богатырей С птицы Вниз спустились. ...</p> <p>На улицу вышли мы с женами, На птиц сели, (160) Назад полетели, Семь дней летели, Прилетел я в свой город, С птиц Вниз сошли, (165) В дом вошли</p>

Если перемещение происходит на птицах, то герой приземляется на дерево, а с дерева сходит в виде соболя: «Орел сел; я осмотрелся... я смотрю по сторонам, на седьмой день я превратился в соболя, вниз сошел...» (*Txt.2*).

В *Txt.1* и *Txt.6* герои перемещаются на лыжах, да еще тянут нарту ручную с дровами, которые собирала женщина, или нарту с припасами: «На столбе лыжи висят, Муж лыжи снял, Жена на ноги их надела. (20) Слуга лыжи надел, Лямку от саней на себя надел. Женщина пошла на лыжах, Слуга пошел на лыжах...» (*Txt.1*).

В североселькупских текстах герои перемещаются на лодках – в тексте хорошо показана речная погоня: «...Собрали селькупы войско и пошли по обоим берегам. Как свернут за поворот, только волны от ненецких лодок видят. Дошли они до седьмого поворота, там волн не видно. Спрятались они и стали ждать. Показались на реке три лодки. Две вдоль берегов идут, а одна – посередине реки. В крайних лодках по два человека сидят, а в центральной – ненецкий вождь и женщина» (Тхт.11).

Во всех селькупских богатырских сказаниях у богатырей **нет коней**, что очень разительно отличает селькупские богатырские тексты от всех тюркских. Этот факт позволяет считать, что сказания селькупов вполне оригинальны и не являются заимствованиями у тюркских соседей, как первоначально считали, например, М. А. Кастрен и К. Доннер.

Мотив богатырского сна и защитой кольчуги. В трех текстах (Тхт.1, 5, 7) из 11 присутствует мотив богатырского сна перед битвой: герой, понимая, что подступают враги, говорит, что ему надо как следует выспаться, просит жену разбудить его, когда враги будут совсем близко, затем засыпает, рассказав ей, как надо его будить (уколоть мечом; отрезать ему мизинец).

Враги совсем окружили город богатыря. Жена в раздумьях: враги подступают, будить ли мужа? Она думает-решает, кто ей дороже – муж или низовский богатырь (Тхт.5), либо сначала не может разбудить, так как не решается отрубить ему мизинец (Тхт.7). В конце концов она «стала снимать свое оружие, чтобы самой биться идти, и уронила нож. Нож упал и отрубил богатырю мизинец. Проснулся он, выскочил из дома, а кругом врагов полно...».

В Тхт.1 приехавший через семь лет спасать свою жену богатырь сообщает ей: «Я тебя давно позабыл, я спал».

В Тхт.11 жена, настроенная на предательство мужа, зашивает рукав его кольчуги; пока он пытается надеть ее, стрела ненецкого врага смертельно ранит его. Есть мотив зашитой кольчуги и в Тхт.5: «Кат Ман Пуч спал. Жена его взяла кольчугу и стала ее ремнями зашивать. Шьет и думает, низовский богатырь на уме у нее, но он черный, страшный. Потом она посмотрела на мужа, он такой молодой, красивый. Она тогда распоролла ремни и повесила кольчугу на место».

Битвы богатырей. Как бы ни складывалась коллизия: а) женщина убегает со вторым женихом, за ними идет погоня от ее отца и первого жениха; б) женщину украли у ее мужа, муж пришел ее отобрать назад; во всех вариантах сюжета есть описания битв. В текстах 2, 3, 4 – битвы многократные, с описанием жестоких подробностей расправы над врагами (табл. 4).

Таблица 4

Примеры описаний битв

Тхт.1	Тхт.2	Тхт.3	Тхт.4
... Жена в лодку села, Назад поехала. Муж ее остался, Меч взял, (165) Сражаться начал, На третий день Закончил убивать	Из города (150) Один богатырь Вышел, Взял меч, Вниз к реке побежал, К лодке подбежал, (155) Набросился на него, Богатыря на берегу Напополам перерубил; Ко второй лодке побежал Богатырь из лодки,	Впереди город виден, (80) 65 богатырей Там видим, На четыре стороны Мы рубить начали, Семь дней сражались. ... Сам (противник) смеется он. Я мечом Ударил,	... На берег, на землю Богатырь сошел. Сверху старший брат [украденной им женщины] идет, Подойдя, берет Богатыря за волосы (40) Схватил (его), О землю (его) ударил, От головы брата, Схватив, кусок остался.

	<p>(160) Как он поднялся, Мечом махнул, Богатыря напололам Перерубил; Снова (165) Два богатыря Прибежали; Богатырь на берегу Разрубил На куски их. (170) Два богатыря Из города прибежали, Вниз к реке побежали; Богатырь на берегу Разрубил (175) Обоих богатырей На куски. *** (185) Я пришел, Богатыря Схватил; Послал его назад в город; Он взял лук, (190) Положил стрелу, Натянул тетиву, выстрелил, Стрела полетела В богатыря, (195) Попала ему в грудь, Прошла насквозь, Спереди вышла, 500 человек убила, Назад вернулась, (200) 500 человек убила. Опять Лук натянул он, Выстрелил, 500 человек убил, (205) Назад вернулся, Снова 500 человек Убил (повторяется 9 раз) Убил всех, Вернулся назад (к дереву)...</p>	<p>(95) Голова его упала, Я вижу, Трое других сражаются, Убивают; Я снова рубить начал; (100) Тетива опять зазвенела; ... Перед собой посмотрел, Тетива звенит, Стрела рядом упала. (130) Богатырь идет, смеется: «Зачем ты пришел? Я чуть тебя не убил». Я мечом ударил, Его голова упала; (135) Опять на своих троих смотрю, Они рубят, убивают; Я вижу, Моя старшая жена упала; Я бегу, богатыря (140) За голову хватаю, На землю бросаю, бью его, Бью, голова богатыря У меня в руках осталась</p>	<p>Принес вниз на берег, (45) Головы кусок в лодку бросил, ... Женщина стоит; Семь богатырей пришли, Семь чашек Вина (она) налила, (100) Подала (им), Семь богатырей поднесли ко рту. (Она) меч вынула, Ударила, Семи богатырей головы (105) Вниз упали,</p>
<p><i>Txt.6</i></p>	<p><i>Txt.7</i></p>	<p><i>Txt.9</i></p>	<p><i>Txt.10, 11</i></p>
<p>...Те богатыри под- кralись. Бой начался. Девка говорит:</p>	<p>...И схватил он желез- ный столб и этим столбом всех перебил.</p>	<p>Схватил богатырь таган, побил нескольких людей</p>	<p>Ненцев всех убил (стрелами) ...</p>

<p>«Давай, ты без кольчуги, простой. Никуда не ходи. Мы сами воевать будем». Воевать начали саблями, пиками. Всех перебили, а про жениха и забыли. Ищут – нигде нет. А его из стрелы подстрелили. Стрела через бок вышла. Он нырнул в озеро и вынырнул из-под лопуха. Дышит.</p>	<p>Побежали они, а богатырь за ними. Когда он вернулся домой, и кто пробрался в столицу, он тоже всех этим столбом поубивал.</p>	<p>и бежать. Те выстрелили залпом – стрелы все воткнулись ему в спину. Он упал.</p>	<p>Собрали селькупы войско и пошли по обоим берегам. ...Всех ненцев селькупы убили. Женщину вместе с военной паркой старшего брата вытащили на берег.</p>
---	--	---	---

В текстах 1 и 11 присутствует, помимо описаний битв, индивидуальная расправа с виновником умыкания женщины (табл. 5).

Таблица 5

Индивидуальная расправа над виновником умыкания женщины

<i>Txt. 1</i>	<i>Txt. 11</i>
<p>Богатырь дунул. Его одежда с него упала. «Мою жену куда хотел увезти?» Богатырь снова дунул, (155) Тот богатырь сразу умер.</p>	<p>– Оня (жена старшего брата), подними вверх военную парку брата, чтобы не замочить ее, когда я стрелять начну! Ненецкий вождь говорит: – Дайте мне одеться. Но только он голову поднял, как младший брат пустил стрелу и убил его.</p>

Наказание жены-предательницы. Важно отметить, что в североселькупских текстах отсутствует вся предыстория о первом женихе и его воинах, но, судя по всему, этот жених нравился женщине (в этой роли у северных селькупов обычно в сюжете выступает ненецкий вождь и воины-ненцы), так как она без раздумий начинает ему помогать, когда он со своим войском приходит к стойбищу ее мужа. При полном отсутствии этой значимой части сюжета, объясняющей мотивы ее поступков, поведение женщины выглядит преступным и коварным. Помощь женщины врагам мужа представляется рассказчиком как ее предательство не только собственного мужа, но и всего селькупского народа.

В таком развороте сюжета обычно бывает мотив наказания женщины, из-за которой погибло много людей, как со стороны ее мужа, так и со стороны его врагов (табл. 6).

Таблица 6

Наказание жены за предательство (побег)

<i>Txt. 2</i>	<i>Txt. 10, 11</i>
<p>Моя жена сидит у двери. Шурина Говорю я:</p>	<p>Невестке сказал: «Костер разожги, чтобы* я портянки высушил*». 29. Сам рожень (=заостренную палку для жарения рыбы) сделал.</p>

<p>(400) «Свою сестру сам суди». Шурин говорит: «Отец тебе ее отдал». Я ее схватил, Наружу вытащил, (405) Убил ее, на дерево повесил.</p>	<p>30. Возле костра невестку платье сушит. 31. А он взял, невестку в костер в огонь толкнул рожнем. 32. Невестку огнем сжег. ... Женщину вместе с военной паркой старшего брата вытащили на берег. Младший брат говорит женщине: – Ты промокла, и я промок, пока за тобой гнался. Сделай костер, погреемся и поедем домой. Еще сруби высокую тонкую березу и заостри с обоих концов. Я согну ее, и будем на ней одежду сушить. А я пока отдохну. Женщина все сделала так, как он сказал. Младший брат встал, взял длинный тонкий ствол березы и на острый его конец посадил женщину так, что конец кола до головы ее дошел. Затем он над костром ее повесил. Ее губы, нос и глаза вырезал и в костер положил.</p>
---	---

Итак, в ходе проведенного исследования было установлено:

1) пять выявленных героических (богатырских) сказаний селькупов (четыре записи М. А. Кастрена и одна Н. П. Григоровского – Кат Ман Пуч) являются самыми ранними из всех записанных фольклорных текстов (время фиксации – 1845 г.; 1870-е гг.) относительно иных записанных фольклорных текстов в рамках всего фольклорного наследия селькупского этноса;

2) тексты XIX и XX вв. имеют существенную разницу в полноте сюжета (тексты XX в. выглядят как краткие пересказы того, что рассказывалось в XIX в.). Помимо полноты и качества изложения, тексты различаются несовпадением ряда основных мотивов, формирующих сюжет;

3) сюжетное действие имеет варианты, которые группируются в две основные схемы развития сюжетного действия – «мужской» вариант, где главным героем является мужчина-богатырь, и «женский» вариант, когда сюжет строится вокруг невесты, которую сватает или умыкает богатырь (но тогда именно женщина является главной героиней, так как повествование концентрируется вокруг нее, и оно исходит от ее лица);

4) весьма существенной является внутритекстовая разница в режимах повествования, которые использованы в текстах, записанных в XIX в.;

5) в XIX в. эпицентр распространения героических сказаний находился в ЮДА⁴ на Средней Оби, выше шешкупского ареала (если исходить из анализа диалектных особенностей, на котором были записаны тексты, – см.: Глушков, Байдак, 2016). Если же ориентироваться на тех носителей сюжета, от которых он был записан в XX в., то наибольшее количество записей приходится на юрты Старо-Сондоровы (бывшая Тискинская инородческая волость). В ЦДА у чумылкупов, вероятно, существовал свой ареал подобного сюжета, так как есть записи с р. Кенги (на среднем и нижнем течении р. Парабели таких сюжетов не отмечено) и на р. Тым. В СДА этот сюжет проник в верховья р. Таз и на р. Тольку в очень усеченном состоянии (фактически отсутствует вся завязка сюжета с умыканием женщины у первых сватов), поэтому он бытует как сюжет о наказании жены, предавшей своего мужа и весь селькупский народ.

⁴ ЮДА – Южный диалектный ареал распространения селькупского языка (сюссыкумский); ЦДА – Центральный диалектный ареал (чумылкупский); СДА – Северный диалектный ареал (селькупский).

Литература:

- Барковская Н. В.** Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 1 (11). С. 16–25.
- Глушков С. В., Байдак А. В.** О диалектной принадлежности четырех героических песен М. А. Кастрена [Dialectal Affiliation of Four Selkup “Heroic Songs” by M. A. Castrèn] // LINGUISTICA URALICA. LII. 2016. 4. С. 282–288.
- Головнев А. В.** Говорящие культуры. Традиции обских угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995.
- Кастрен М. А.** Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледелия и путешествий. Географический сборник. М., 1860. Т. VI. Ч. 2. 495 с.
- Кожевникова Н. А.** Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994. 336 с.
- Костров Н. А.** Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.** Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993. 36 с.
- Пелих Г. И.** Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.
- Приходько Т. Ф.** Образ рассказчика и авторская точка зрения в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2007. С. 98–101.
- Castrèn M. A., Schiefner A.** Wörterverzeichnisse aus den samojeischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. P. 340–369.

Тучкова Наталья Анатольевна.

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей Природы и Человека.

Ул. Мира, 11, Ханты-Мансийск, 628011.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 11 сентября 2023 г.

N. A. Tuchkova

KÜELDSHUT – THE HEROIC TALES OF THE SELKUPS: NARRATIVE FEATURES AND CENTRAL PLOT POINTS

This article is devoted to the analysis of eleven folklore Selkup texts, four of which can actually be called heroic tales. They were recorded in the middle of the XIX century (1845) by the linguist M. A. Castrèn in the Middle Ob; another text from the XIX century was recorded in the 1870s by N. P. Grigorovsky. In the course of the study, the main plot scheme was revealed, in which the main motifs are courtship or bride kidnapping by a hero, the hunt for the hero by her brothers and former grooms, and fights between the heroes. The other six texts analyzed are from the twentieth century and also show a similar plot development, but their recording is more concise, and the plot is laid out as a “short retelling”.

In the course of the study, the difference in motifs between the texts was noted, and several plot variations were identified in which form this plot exists – a ‘male’ version where the main character is a male hero and a ‘female’ version where the plot revolves around a bride who is courted or abducted by a hero (but then the woman is the main character as the narrative focuses on her and begins from her perspective).

There is also a significant difference in the use of narrative within the text.

Keywords: *Selkup folklore, folklore recordings by M. A. Castrèn, heroic songs, plot, narrative style*

References:

- Barkovskaja N. V.** Tipy povestvovanija i ikh analiz [Types of narration and their analysis] // Filologičeskij klass. [Philological class]. 2004. №1 (11). P. 16–25 (in Russian).
- Glushkov S. V., Bajdak A. V.** Dialectal Affiliation of Four Selkup “Heroic Songs” by M. A. Castrèn // LINGUISTICA URALICA. LII. 2016. 4. P. 282–288. DOI: 10.3176/LU.2016.4.05
- Golovnev A. V.** Govorjashchie kul'tury. Tradicii obskikh ugrov i samodijtsev [Speaking cultures. Traditions of the Ob Ugrians and Samoyeds]. Ekaterinburg, 1995 (in Russian).
- Castrèn M. A.** Puteshestvie Alexandra Kastrena po Laplandii, severnoy Rossii i Sibiri [Alexander Castrèn's travels through Lapland, northern Russia and Siberia] // Magazin zemlevedeniya i puteshestviy. Geograficheskiy sbornik. [Geography and travel store. Geographical collection]. Moscow, 1860. Vo. VI. Part. 2 (in Russian).

Kozhevnikova N. A. Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vv. [Types of narration in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Moscow, 1994. 336 p. (in Russian).

Kostrov N. A. Obrazcy narodnoy literatury samojedov. [Samples of Samoyed folk literature]. Tomsk, 1882 (in Russian).

Kuznetcova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Ju., Helimski E. A. Oчерки po sel'kupskomu yazyku. Taz dialect. [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vo. 2. Moscow, 1993 (in Russian, in Selkup).

Pelikh G. I. Proiskhozhdenie selkupov. [Origin of the Selkups]. Tomsk, 1972 (in Russian).

Prihod'ko T. F. Obraz rasskazchika i avtorskaya tochka zreniya v romane Dostoevskogo "Bratya Karamazovy" [The image of the narrator and the author's point of view in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"] // Literatura XX veka: itogi i perspektivy izuchenija [Literature of the 20th century: results and prospects of study]. Moscow, 2007. P. 98–101 (in Russian).

Castrèn M. A., Schiefner A. Wörterverzeichnisse aus den samojeischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. P. 340–369.

Tuchkova Natalia Anatol'evna.

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of History and Ethnography.

Museum of Nature and Man.

Mira str., 11, Khanty-Mansiysk, Russia, 628011.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Дайджесты героических сказаний селькупов

Рассказчик	Краткое содержание сюжета (с выделением мотивов)	Место записи; год записи	Кто записал; где опубликовано
Неизвестен	<p><i>Тхт.1:</i> «Жена проснулась, Мужу говорит: «Зачем ты меня разбудил?»</p> <p>1. Жена спрашивает мужа, зачем разбудил. Он отвечает: «Домой к своим родителям поедешь. Мой слуга тебя сопровождать будет».</p> <p>2. Снарядил муж нарту (мясо, шкуры положил), на жену шубу надел, лыжи ей дал. Слуга тоже лыжи надел. Пошли они к ее родителям. Идут на лыжах, слуга за лямку нарту тянет.</p> <p>3. Женщина к отцу своему пришла. Видит, отец постарел. В его доме три ее брата стоят, и два чужих богатыря сидят, хохочут.</p> <p>4. Женщина слугу отправляет к своему мужу: «Скажи, что чужие богатыри пришли». Слуга надел лыжи, пошел. Но один из чужаков вышел и, стрелой выстрелив, убил гонца. Утром женщине сообщили, что ее слугу убили.</p> <p>5. Женщина заснула, проснулась, видит: ее куда-то на лодке везут. Украли. Спрашивает: «Зачем везете?» / «В жены тебя взяли».</p> <p>6. До верховьев реки привезли. Прибыли. Богатырь на берег вышел.</p> <p>7. Женщина в лодке сидит, выходить не хочет. К ней двух женщин отправили, они ее из лодки вытащили, но она сопротивлялась, женщин побила. Они ушли, ее оставили.</p> <p>8. Сидит-сидит. Никого нет. Сама на верх берега поднялась, в дом богатыря зашла.</p> <p>9. Богатырь приказывает: «Иди сюда!» Она с ним спорит: «Зачем? Воды принести?» / «Нет. Воду пусть другие принесут, ты спать со мной иди!»</p> <p>10. Пять братьев у богатыря спрашивают: «Сколько денег за жену отдал?» / «Почему я должен платить? Я ее украл!» / «Зачем? Ее муж придет, нас всех убьет». Заплакали, предчувствуя беду.</p> <p>11. И еще один брат с богатырем тот же разговор ведет. (Повтор диалога.) Заплакал, вышел.</p>	Ср. Обь	М. А. Кастрен; Castrèn M. A., Schiefner A., 1855: 340–344

	<p>12. 7 лет прошло. Женщина за водой пошла. Вдруг шум. Обернулась: 350 волков бегут, 350 медведей бегут. Ее 1-й муж на птице сидя летит. Подлетает. Она плачет. Он ее целует.</p> <p>13. Муж отправляет женщину сказать ее нынешнему мужчине: пусть выйдет, «я посмотрю – высокий он или низкий». Женщина так сказала: «На улицу выйди, человек к тебе пришел».</p> <p>14. Встретились два мужа Женщины. 1-й богатырь на 2-го дунул, с него вся одежда упала; другой раз дунул, он умер.</p> <p>15. 1-й муж говорит Женщине: На лодке домой возвращайся». Сам бороться начал. 3 дня бился с воинами.</p> <p>16. Взял у богатыря жену [другую?], сел на птицу. На 7-й день прилетел в свои края. В дом вошел, у его жены [в этот день] сын родился.</p> <p>17. Жену убитого богатыря сыну отдали. Спать легли. Так и стали жить.</p>		
<p>Неизвестен</p>	<p><i>Txt.2:</i> «Богатырь в обличии соболя...»</p> <p>1. Я родился. Хочу жениться. К отцу пошел. 7 дней под землей шел.</p> <p>2. Я – младший сын. Отец, не нашел ли ты мне жену?; Не нашел. Сам ищи!; Пошел искать. Пойду на гору, где обугленное дерево, за дочкой царя.</p> <p>3. К себе домой пришел. Одежду взял. Лук. Меч. Сел на орла. 7 дней летел на орле. Сел орел на дерево.</p> <p>4. Внизу город. 3 богатыря из другой страны в гости пришли (женихи?). Люди гуляют, обнимаются, пьют вино. Смеются, поют.</p> <p>5. Богатырь в соболя превратился, вниз спустился. В дом царя зашел. За печкой за поленицей лег. 7 дней так лежал.</p> <p>6. У царя 7 сыновей. Он им говорит: «За печкой кто-то лежит». Старшие сыновья (по двое – три раза) его тянут за обе руки – не вытянули. Младший сын вытянул. За стол меня усадил.</p> <p>7. Отец сказал седьмому (младшему) сыну: Сестру свою приведи. Сестру привели, со мной рядом посадили. Начали мы пить вино. 7 дней пили.</p> <p>8. Встали. За руки взял ее. В соболе обратился. На Орла соболями залезли. Легли. Смотрим:</p>	<p>Ср. Обь</p>	<p>М. А. Кастрен; Castrèn M. A., Schiefner A., 1855: 345–356</p>

	<p>9. Из города вышли Богатыри. Один из них выстрелил в город. Пробил крышу. Из города вышел Богатырь с мечом. Битва. Один, стоящий на берегу богатырь, рубит напополам/на куски приходящих из города богатырей. Женщина (в облике соболя) плачет: Это ее братьев убивают.</p> <p>10. Богатырь в облики соболя вниз спустился. Битва. Одной стрелой 500 человек убил. Повтор 9 раз.</p> <p>11. Вернулся назад к дереву, в облики соболя на дерево залез.</p> <p>12. Жена на птицу села, улетела на север. [Он подумал, что] жену украли.</p> <p>13. Я на Орла сел. Погнался за ней. Догнал. Впереди город виден. Спустился в город. Битва с местными Богатырями.</p> <p>14. Один Богатырь (из защитников города) спросил: – Почему убиваешь? / «Отдайте мне мою жену». / «Почему? Она сама к нам пришла». / «Если не отдадите, я город разрушу».</p> <p>Продолжение битвы. (Повтор этой темы 3 раза.)</p> <p>15. Жены место замерзло. Она на север на птице улетела. Я сел на Орла. Догнал. Внизу город. 35 богатырей вышли. Я перепугался: как мне их рубить? Битва. (Повтор пунктов 13–14.)</p> <p>16. В разгар битвы птица приближается. Младший брат (шурин) прилетел. Вдвоем рубить стали.</p> <p>17. Снова диалог с защитником города: «Почему убиваешь?» / «Отдайте мою жену?» / «Мы не украли ее...».</p> <p>18. 7 лет боролись. Заснул на 7 лет. Проснулся: шурин всех победил.</p> <p>19. Вместе с шурином в дом зашли: жена моя у двери дома сидит. Говорю шурину: «Свою сестру сам суди». Шурин ответил: «Отец ее тебе отдал». Я ее схватил. Убил. На дерево повесил.</p> <p>20. В дом вошел. Низовский богатырь свою сестру отдал. Пировали 7 дней.</p> <p>21. Эпилог. Полетели на птицах к моему отцу – в Город на речном мысу. Сели за стол в доме отца. Я свою сестру шурину отдал.</p> <p>В мой дом войдя, мы как муж с женой спать легли. До конца дней.</p>		
--	--	--	--

<p>Неизвестен</p>	<p><i>Тхт.3:</i> «Богатырь проснулся, он лежит в колыбели; Женщина качает его...»</p> <p>1. Богатырь из люльки выглянул, видит березу и трех убитых братьев.</p> <p>2. Вопросы (богатырь у Женщины спрашивает): Ты откуда? / Твой отец меня привел. / Кто разрушил мой город? / Со стороны болот 12 богатырей пришли и разрушили.</p> <p>Где моя одежда? / Твоя мать ее в люльку спрятала.</p> <p>3. Женщина из люльки достала одежду богатыря, одела на него; меч на пояс привязала, лук и стрелы дала.</p> <p>4. Я встал, на Орла сел. Женщина на Лебедя села. Мы полетели.</p> <p>5. На север мы с женой полетели. 7 дней.</p> <p>6. Впереди город сожженный видно. Спустились. Местные люди стол накрыли. 7 дней пировали. Местный богатырь свою сестру мне отдал.</p> <p>7. Вчетвером летим: я, две моих жены и местный богатырь (шурин). Вдали город. 65 богатырей в нем. Приземлились. «На четыре стороны» рубить начали. 7 дней сражались.</p> <p>8. Один из вражеских богатырей меня спрашивает: «Мы отца и мать твоих убили, а ты где был?» Смеется. Я мечом ему голову отсек.</p> <p>9. Другой богатырь-враг спрашивает то же самое. Я мечом ударил, его голова прочь отлетела.</p> <p>10. Третий богатырь идет, смеется. Я его мечом ударил, его голова прочь упала.</p> <p>11. Старшая жена упала в битве. Помогаю ей справиться с богатырем. Ее спас, в дом отправил. Втроем сражаемся. 20 богатырей осталось.</p> <p>12. Еще богатырь подходит: повтор разговора. «ты маленький, где ты был, когда мы твоих братьев убивали...» Мечом рублю я, голова его упала. 10 богатырей осталось.</p> <p>14. Еще один богатырь подходит, насмехается. И его голова отлетела. Трое богатырей осталось.</p> <p>15. Еще один богатырь смеется... Мечом рублю. ...Смотрю, больше и нет никого. Только мы – трое – остались. И моя старшая жена ко мне из дома выходит.</p>	<p>Ср. Обь</p>	<p>М. А. Кастрен; Castrèn M. A., Schiefner A., 1855: 356–364</p>
-------------------	---	----------------	--

	<p>16. Во дворец зашли, за стол сели. 7 дней пируем.</p> <p>17. Мы своих людей собрали, говорю им: Идите назад, домой, в два города (в мой и город шурина).</p> <p>18. Мы на птиц сели, полетели. Шурина говорит: «Зять, ты с двумя женщинами спишь, а у меня ни одной нет». Отвечаю: «Сам себе найди и привези».</p> <p>19. Мы 7 дней летели. Город. Там 75 богатырей. Мы остановились. Я жителям говорю: «Мы пришли сватать вашу сестру». В дом нас пригласили. Сидим. На 7-й день брат сестру выводит. К шурина ее посадил. Пир 7 дней. Породнились.</p> <p>20. Встали. Впятером вышли из города. Жители нас провожают, кланяются. Мы на птиц сели. 7 дней летели.</p> <p>21. В город шурина прилетели, его с женой там оставили. Я сказал ему: «Здесь навсегда оставайся!»</p> <p>22. До моего города добрались. Мой народ город обустроил (восстановил). Пировать сели. Потом спать легли. До конца наших дней так и жили...</p>		
<p>Неизвестен</p>	<p><i>Txt.4:</i> «Женщина, проспав, проснулась, Снизу идет лодка (к их городу на горе)...»</p> <p>1. Женщина проснулась. Ее город стоит на горе. У нее 3 брата.</p> <p>2. Снизу пришла лодка, причалила. На ней приехал Богатырь, хочет ее украсть. Она сама зашла на лодку, нож за пазуху положила.</p> <p>3. Богатырь расправился с двумя ее братьями: «брата за волосы схватил, о землю ударил, от головы брата кусок в лодку бросил». Богатырь вниз по течению на своей лодке поплыл, в свой город приплыл.</p> <p>4. Расправа с богатырями из города мужа: «7 богатырей вышли, 5 из них вниз спустились на берег; Женщина 5 чашек вина подала, они вино ко рту поднесли; она меч схватила и всем пятерым головы отрубила; двое из семи в город вернулись».</p> <p>5. Младший брат прилетел к Женщине на птице, спасать ее. Пошел по городу рубить головы богатырям.</p> <p>6. Женщина спит, проснулась, видит: птица ее несет. Оглянулась: Богатырь ее несет, в жены увозит. С ними еще 14 богатырей летело.</p>	<p>Ср. Обь</p>	<p>М. А. Кастрен; Castrèn M. A., Schiefner A., 1855: 365–369</p>

	<p>Прилетели. Город. Их вышли встречать 7 Богатырей (7 чашек вина подала, всем семерым богатырям Женщина головы отрубила).</p> <p>7. Брат ее младший на птице прилетел. Вместе с братом она по городу шла и всем Богатырям головы рубила. Одного за другим.</p> <p>8. Один из оставшихся богатырей предложил Брату женщины: «Твою Сестру мне дай! Я тебе свою Сестру дам».</p> <p>9. В дом зашли. Богатырь свою сестру вывел, посадил за стол со стороны Брата Женщины. 7 дней пировали. «На века родственниками стали».</p> <p>10. Полетел Богатырь в свой город с женой.</p> <p>11. Эпилог: С птицы вниз сошли. В дом вошли. Выпивали. Спать легли. До конца дней легли.</p>		
<p>Неизвестен</p>	<p><i>Тхт.5:</i> Кат Ман Пуч</p> <p>1. Маленький богатырь спит в люльке. Зовут его Кат Ман Пуч.</p> <p>2. Вырос, стал большим. Просит сделать ему лодку на 60 гребцов.</p> <p>3. Семь дней делали такую лодку. Сел с гребцами, поехал.</p> <p>4. Приехал к трехустью. Заводь – препятствие. Монеты с двух сторон лодки опустил, проехали.</p> <p>5. Приехал к городу царя Кадыски. У города стоят 7 больших рыб. Герой свою лодку позади рыб поставил. Не выходит из лодки, сидит ждет.</p> <p>8. В доме царя идет сватовство дочери Кадыски – белая красавица. Низовские богатыри сватаются. Она не хочет. Она ждет Кат Ман Пуча.</p> <p>9. Она отправилась сама к нему. По спинам всех семи больших рыб дошла до лодки Кат Ман Пуча.</p> <p>10. Герой девушку в лодку свою посадил, и поплыли они вниз.</p> <p>11. Заводь как препятствие-вход. Помогли монеты.</p> <p>12. Жена спрашивает, как он прошел заводь. Он ей все рассказал, показал, куда монеты высыпал.</p> <p>13. Богатыря в сон клонит. Он говорит, что его можно разбудить только, если ткнуть седьмым самым маленьким мечом в ногу.</p>	<p>Обь</p>	<p>Запись: Н. П. Григоровского. Публ.: Костров Н. А., 1882: 6–9</p>

	<p>14. Жена пошла за дровами. Поплыла вверх по реке. Встретила богатырей своего отца, своего старшего брата и низовского богатыря. Брат подговаривает ее зашить кольчугу своего мужа, чтобы он не смог ее надеть.</p> <p>15. Свекровь догадалась по лицу, что она виделась с низовским богатырем.</p> <p>16. Женщина не захотела зашивать кольчугу мужа. Уколола мужа в ногу маленьким мечом, он проснулся.</p> <p>17. Битва Кат Ман Пуча с низовским богатырем. Бьется (рубит) большим мечом. Победил Кат Ман Пуч своих врагов.</p> <p>18. Стали после битвы снова жить. У него родились потом сын и дочь.</p> <p>19. Жена верной мужу осталась, помогла ему бороться с низовским богатырем.</p>		
<p>Соиспаев Александр Гаврилович М.р. – ю. Соиспаевы, р. Парабель (мать его Ипокова Авдотья родом с р. Кенга, ю. Золотые)</p>	<p><i>Txt.6: Кенгат-Тю</i></p> <p>1. Богатырь – младенец в люльке. Сын царя. Должен быть богатырем на Кенге. Отца нет, только мать рядом. Есть имя-эпитет Кенгат-Тю – Кенги огонь.</p> <p>2. Его народ (охотники) в мороз не могут ничего добыть. Обращаются к матери, пусть его разбудит. Мать будит сына.</p> <p>3. Мать дает лыжи, подбитые выдрой, и стрелу с луком достает с дерева лиственницы. Гонит 11 лосят. Стреляет одной стрелой, сразу нанизывает 10 лосей. Один лосенок убегает.</p> <p>4. Догоняшки. Лосенок превращается в ворона, филина, ястреба, заманивает на болото.</p> <p>5. Очнулся герой на чистом болоте. Слышит звук топора. Идет на звук. Видит, две девушки дрова рубят. Полная нарта дров. Не дает начать движение нарт. Выходит.</p> <p>6. Девушка и богатырь знакомятся. Она знает, что это ее суженый (они в один день родились), поэтому не хочет выходить замуж за низовских богатырей (они едят змей и ящериц), а хочет за этого парня. Он согласен.</p> <p>7. Идут в город отца девушки, дрова тащат (на Обь!). Зашел в дом царя. Все в кольчугах, он в кырняжке (дохе из шкуры). Стал в дверях, как обиженный. Возле порога спать лег.</p> <p>8. Девушка ему ночью на ногу надавила. Вышел, она на улице нарту приготовила. Предлагает бежать. Убегают. Подруга девушки тоже.</p>	<p>Пос. Нельмач, р. Парабель, 1960</p>	<p>Записи и публикация: Пелих Г. И., 1972: 349–351</p>

	<p>9. Погоня. Журавли-разведчики. Враги их окружили. Девушки сами биться начали. Героя стрелой ранило. Девушки стрелу вырвали с двух сторон, его спасли.</p> <p>10. Еще одна битва. Спаслись.</p> <p>11. К матери героя пришли. Она сына не узнает. Молоко из груди матери – как проверка. Затем мать бичом с 12 концами девушек бьет, чтобы их хитрые шкуры полопались. Они стали обычными людьми. Стали жить.</p>		
<p>Пычкина Леканида Устиновна, ю. Варганан- жины, р. Тым</p>	<p><i>Txt.7:</i> 1. Богатырша жила на Тыму. Чужой богатырь женился на ней, но жить пришел на Тым. Принес свой железный столб. Был город.</p> <p>2. Враги наступают.</p> <p>3. Богатырь лег спать, сказал, когда придут совсем близко, его надо разбудить, отрезав мизинец.</p> <p>4. Враги близко, жена не решается отрезать мизинец. Сама собирается на битву, роняет нож на мизинец.</p> <p>5. Богатырь просыпается. Железным столбом всех перебил.</p>	<p>Варгананжино, р. Тым, 1953</p>	<p>Пелих Г. И., 1972: 331–332</p>
<p>Сондоров В. М., М.р.: пос. Сондорово</p>	<p><i>Txt.8:</i> 1. Богатырь Пыгынбалк. Отобрал жену у другого богатыря. Привез к себе.</p> <p>2. Через год пришли войной за ней. Она видит. «Свои прут (свои пришли)». Мужу ничего не сказала.</p> <p>3. Окружили землянку богатыря. Он таганом с врагами бился. Там, где упал (от стрел в спину), появилось озеро «Лисья голова».</p>	<p>Пос. Каргасок, р. Обь, 1960</p>	<p>Пелих Г. И., 1972: 343</p>
<p>Кайдалов А. А., 1891 г.р., м.р. Ст. Сондорово, р. Обь</p>	<p><i>Txt.9:</i> 1. Богатырь отобрал жену.</p> <p>2. За женой пришли другие богатыри. Застали врасплох, окружили. Бился таганом (палкой от костра). Выстрелили в спину. Упал, на месте его гибели образовалось озеро.</p> <p>3. Где погибли (погребены) другие богатыри (его сторонники бились с пришедшими воинами), сопки появились (курганские захоронения!) и березы толстые выросли.</p>	<p>Новоюгино, Нижний Васюган, 1952</p>	<p>Пелих Г. И., 1972: 324</p>
<p>Мороков Илья Владимиров., 1960 г.р.</p>	<p><i>Txt.10:</i> 1. Живут два брата в одном чуме. У старшего брата жена есть. Жена уходит в лес за ягодой, а приходит с глухарями.</p> <p>2. Младший брат ее мужа заподозрил, что она встречается с чужими людьми (ненцами). Он советует своему брату ночью спать в кольчуге.</p> <p>3. Жена ночью просит мужа снять кольчугу (в чуме же жарко). Он снял, она зашила рукав кольчуги.</p>	<p>Пос. Толька, 1977</p>	<p>Хелимский Е. А., запись на верхне-тазов- ском диалекте. Опубл.: Кузнецова, Казакевич и др., 1993: 76–77 (текст № 23)</p>

	<p>4. Ненцы пришли, чум окружили. Младший брат кольчугу надел, старший стал надевать, не смог в рукав залезть. Ненец стрелой его смертельно ранил в грудь.</p> <p>5. Женщина на улицу выбежала, кричит ненцам (как своим): «В меня не стреляйте!»</p> <p>6. Младший брат через дымовое отверстие выскочил, на берег к своей лодке прибежал, лук и стрелы взял. На лодке за ненцами погнался.</p> <p>7. Погоня. Описание.</p> <p>8. Застрелил главного ненца-старика. Всех ненцев стрелами убил. Невестку на берег вывел.</p> <p>9. Костер развел. Она платье сушит. Он рожнем (острой палкой) ее в костер загнал, огонь ее съел.</p> <p>10. К брату в чум пришел. Брат еще не умер. Наказ дает: Меня на лабаз положи, сам иди к людям. Так и сделал младший брат.</p>		
<p>Калин Ф. Н.</p>	<p><i>Тхт.11</i>: 1. Живут два брата. У старшего есть жена и грудной ребенок... Жена в лес ходит по ягоды. Как домой возвращается, то рябчика, то глухаря приносит. Куда-то ходит...</p> <p>2. Младший брат ее мужа заподозрил, что она встречается с чужими людьми (ненцами).</p> <p>3. Однажды легли спать. Женщина хитростью не дала своему мужу надеть военную парку.</p> <p>4. Когда все уснули, женщина с ребенком вышла из чума и ушла к ненцам.</p> <p>5. Ненцы напали на селькупское стойбище, убили всех. Только младший брат мужа женщины спасся.</p> <p>6. Он пришел в стойбище других селькупов, рассказал о вероломном нападении ненцев. Жители собрали погоню.</p> <p>7. Погоня за лодками ненцев.</p> <p>8. Младший брат хитростью заставляет поднять главного ненца свою военную парку, оголить торс, и убивает его стрелой. Битва. Всех ненцев перебили. Жену брата за волосы на берег выволокли.</p> <p>9. Расправа над коварной женщиной.</p> <p>10. Попытка оживить своего старшего брата, вложив внутрь его тела органы собаки – печень, почки, сердце, язык. Не удалось.</p>	<p>Толька</p>	<p>Головнев, 1995: 141–142</p>

СООБЩЕНИЯ

Н. В. Полякова

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОМСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ А. П. ДУЛЬЗОНА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются направления научных исследований томской лингвистической школы А. П. Дульзона за период с 2017 по 2023 г., описываются результаты научной, наставнической и просветительской деятельности, направленной на исследование языков миноритарных автохтонных этносов Сибири, очерчиваются перспективы дальнейших научных изысканий. За данный период было подготовлено и защищено три диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, опубликовано три сборника аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала, включающих материал по селькупскому, кетскому, чулымско-тюркскому, телеутскому, хантыйскому и чулымско-тюркскому языкам, четыре монографии по селькупскому и чулымско-тюркскому языкам, реализовано четыре исследовательских проекта. В настоящее время продолжаются исследования по хантыйскому, селькупскому, чулымско-тюркскому, кетскому и телеутскому языкам с применением современных достижений лингвистики, фольклористики и других смежных наук.

Ключевые слова: лингвистическая школа А. П. Дульзона, исследования исчезающих языков, индигенные этносы, селькупский язык, хантыйский язык, кетский язык, чулымско-тюркский язык, телеутский язык

О выдающемся ученом, наставнике, педагоге Андрее Петровиче Дульзоне и его научной школе написано большое количество статей (Галкина, Осипова, 2000; Осипова, 2011; и др.). Однако для личности такого масштаба это не удивительно, поскольку вклад Андрея Петровича в науку сложно переоценить. Заслуживающим внимания является то, что лингвистическое направление, основанное А. П. Дульзоном, развивается, сохраняет заложенные им традиции, в том числе и в преемственности научных знаний, что особенно актуально в Год педагога и наставника.

В 2022 г. научная школа отметила свой 75-летний юбилей, что и послужило причиной подведения некоторых итогов. В 2016 г. Е. А. Крюковой была опубликована статья «Лингвистическая школа А. П. Дульзона: от описательной лингвистики к междисциплинарным исследованиям», в которой представлен обзор истории развития и освещено современное состояние исследований научной школы (Крюкова, 2016). Елена Александровна обращается к истокам создания лингвистической школы, подчеркивает многогранность таланта Андрея Петровича Дульзона в создании крупнейшего центра по изучению топонимики в 50–70-е гг. прошлого века, исследовании кетского языка, подготовке кандидатов и докторов наук по индоевропейским языкам и языкам народов Сибири, вспоминает ярких представителей лингвистической школы, которых, к сожалению уже нет с нами, но ученики которых продолжают вести активную исследовательскую деятельность: О. А. Осипову, В. В. Быконя, Т. И. Поротову, М. Н. Валл, Ю. А. Морева. Наряду с историческим экскурсом в статье представлено описание современного состояния междисциплинарных исследований индигенных лингвокультур (Крюкова, 2016, с. 18–20).

В данной статье будут описаны научные исследования представителей томской лингвистической школы А. П. Дульзона с 2017 по 2023 г. За время полевых исследований, организованных А. П. Дульзоном и позднее его учениками и учениками его учеников, был накоплен бесценный эмпирический материал по исчезающим языкам индигенных этносов Сибири, часть этого архива долгое время была недоступна широкой научной общественности, несмотря на огромный интерес лингвистов, типологов, культурологов. Для обеспечения доступности уникальных материалов начали выпускаться сборники фольклорных и бытовых текстов

обско-енисейского языкового ареала. За неполные семь лет (2017–2023 гг.) было подготовлено и опубликовано три таких сборника (Сборник... 2017; Сборник ... 2020; Сборник ... 2021).

Каждый из сборников включает тексты по диалектам восточных ханты, южных селькупов и чулымских тюрков, телеутов, нганасан и кетов. Тексты записаны в период 1960–1990 гг. представителями томской лингвистической школы. Однако в сборники включены также и более современные тексты, записанные во время полевых исследований в 2000-х гг. Тексты представлены в оригинальной транскрипции, в современной международной академической транскрипции IPA, снабжены поморфемным глоссированием, переводом на русский и английский языки и анализом их фольклорных характеристик (Сборник... 2017).

Шестой том – продолжение проекта по публикации наследия лингвистической школы А. П. Дульзона. Языковой материал сборника включает тексты по диалектам хантыйского, селькупского, чулымско-тюркского, телеутского, нганасанского и кетского языков, записанные в период 1960–2010-х гг. (Сборник... 2020).

Языковой материал текстов представлен в седьмом томе в дополненной аннотации, совмещающей в себе морфемное глоссирование, аргументную и прагматическую структуру каждой клаузы, в современной фонетической и фонематической транскрипции, орфографии на основе кириллицы, а также снабжены пословным (лемматизированным) и переведены на русский и английский языки (Сборник... 2021).

Помимо публикации фольклорных и бытовых текстов, с 2010 г. выпускается «Томский журнал лингвистических и антропологических исследований». Он был задуман как площадка для обмена научными идеями исследователей, занимающихся изучением исчезающих языков и культур в лингвистическом и антропологическом аспектах.

Наряду с высокой публикационной активностью представители лингвистической школы А. П. Дульзона осуществляют большую исследовательскую и наставническую деятельность. В 2017 г. под руководством А. Ю. Фильченко состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук С. В. Ковылина «Отрицание и способы его выражения в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка» (Ковылин, 2017).

Диссертация Сергея Васильевича Ковылина стала первым сопоставительным исследованием способов и стратегий выражения отрицания в диалектах двух языков: хантыйского (ваховском и васюганском диалектах) и селькупского (центральных и южных диалектах). Проанализированы факторы, влияющие на выбор единственного или множественного отрицания (Ковылин, 2017).

Под руководством Н. В. Поляковой были подготовлены и защищены две кандидатские диссертации: Е. Ю. Юрченковой в 2018 г. «Сопоставительный анализ когнитивных стратегий номинации растений в русском и немецком языках: на материале отзоонимных фитонимов» (Юрченкова, 2018) и А. С. Персидской «Структурно-семантические особенности соматической лексики в индигенной лингвокультуре» в 2022 г. (Персидская, 2022).

В своей диссертации Елизавета Юрьевна Юрченкова представила классификацию когнитивных стратегий номинации растений; разработала методологию сопоставительных исследований номинации; выявила причины и механизмы развития синонимии, омонимии и антонимии в народной ботанической номенклатуре (Юрченкова, 2018).

Диссертация Анастасии Сергеевны Персидской стала первым исследованием соматической лексики селькупского языка, в котором представлена классификация соматизмов индигенного языка; разработан алгоритм анализа соматической лексики в индигенной лингвокультуре, обоснован комплексный подход к исследованию лексики младописьменных языков с позиций лингвокультурологии; предложены оригинальные суждения по заявленной теме, основанные на результатах многоаспектного анализа соматизмов, свидетельствующих о том, что соматическая лексика индигенной лингвокультуры является базовой, не подверженной

языковому сдвигу и несократимой; доказана перспективность использования предложенного алгоритма анализа лексики применительно к индигенным лингвокультурам, а также в сравнительно-сопоставительном аспекте (Персидская, 2022).

В настоящее время в аспирантуре под руководством А. А. Ким и Е. А. Крюковой обучаются три человека, которые проводят исследования по исчезающим языкам народов Сибири.

Высокий научный потенциал исследователей находит свое воплощение в проектах, поддержанных различными научными фондами. 2017 г. стал завершающим в работе над проектом «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия» (руководитель: Н. В. Полякова). В ходе реализации проекта на основе комплексного анализа средств репрезентации образов пространства и времени в языках автохтонных и аллохтонных этносов были выявлены константы и переменные в вербализации данных образов, а также сходства и различия в инструментарии средств объективации данных образов в индигенных и неиндигенных лингвокультурах. Исследование эмпирического материала, записанного в разные периоды проведения полевых исследований представителями томской лингвистической школы А. П. Дульзона, позволило установить наличие изменений как в составе средств вербализации образов пространства и времени, так и в содержании данных образов у представителей разных поколений одного и того же этноса и позволило определить направление данных трансформаций у представителей разных индигенных и неиндигенных лингвокультур.

2017 г. стал завершающим годом в реализации проекта «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала», выполняемого под руководством А. Ю. Фильченко. Фокус исследовательского внимания данного проекта был направлен на решение задачи создания типологии посессивности на материале исчезающих языков Сибири, часть из которых никогда не анализировалась в аспекте изучения средств, стратегий выражения посессивности. Цель проекта заключалась в типологическом описании посессивных конструкций в языках, находящихся в отдаленном родстве или принадлежащих к разным языковым семьям, локализуемых в обско-енисейском языковом ареале. В орбиту научных исследований вовлечены как именные, так и предикативные посессивные конструкции (Полякова, Воробьева, 2018).

В 2018–2020 гг. осуществлялась работа по исследовательскому проекту «Типология простого предложения в языках обско-енисейского языкового ареала: информационная и аргументная структуры» под руководством Е. А. Крюковой, в результате было составлено типологическое описание порядка слов и коммуникативной структуры предложения в обско-енисейском языковом ареале (Крюкова, 2018). В рамках проекта были рассмотрены основные традиционные и современные подходы к исследованию структуры простого предложения (Полякова, 2018), изучены основные тенденции изучения информационной структуры простого предложения и их применение к материалу тюркских языков (Токмашев, 2020), проанализирована структура предложения в фольклорных текстах (Полякова, Крюкова, Коротких, 2020), исследован порядок слов и информационная структура предложения в языках обско-енисейского языкового ареала (Крюкова и др., 2020: 19–29).

В настоящее время проводятся научные изыскания по проекту «Интегральное описание чулымско-тюркского языка на основе электронного корпуса языковых данных», руководителем которого выступает В. М. Лемская, а в число исполнителей которого, помимо доцента Д. М. Токмашева, включены двое обучающихся Института иностранных языков и международного сотрудничества Алина Кузьмина и Марк Зимин, что обеспечивает преемственность научных традиций лингвистической школы.

Признанием научного потенциала школы А. П. Дульзона является также частотность предложений, поступающих кафедре языков народов Сибири от различных научных

и образовательных организаций высшего образования, выступить в качестве ведущей организации по кандидатским и докторским исследованиям. В 2022 г. был подготовлен отзыв на диссертацию С. В. Опиной «Способы выражения побуждения в хантыйском языке», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук (Опина, 2022), в 2021 г. – на кандидатскую диссертацию Т. В. Тимкина «Система гласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка по экспериментальным данным (в сопоставительном аспекте)» (Тимкин, 2021), в 2020 г. – на кандидатскую диссертацию Башбуга Фырата «Особенности послеложных конструкций в чулымском языке» (Фырат, 2020).

Активные исследования ведутся по целому ряду языков народов Сибири: селькупскому, хантыйскому, кетскому, чулымско-тюркскому, телеутскому (Ким-Малони, Терещенко, 2018; Персидская, 2022; Полякова, 2022; Сайнакова, Ковылин, 2020; Ковылин, 2021; Nefedov, Kryukova, 2019; Filchenko, 2019; Лемская, 2022; Токмашев, 2021).

Исследования по селькупскому языку охватывают широкий спектр различных вопросов: от анализа соматической лексики (Персидская, 2020; Персидская, Полякова, 2022), изучения лексики верований селькупов (Ким, 2018), лингвокультурологического анализа топонимов (Ким-Малони, Терещенко, 2018) до исследования цветообозначений (Дубровская, Ким, 2018).

А. А. Ким в 2018 г. опубликовала монографию «Лексика верований селькупов как этнолингвистический источник для реконструкции картины мира», посвященную системному описанию и комплексному анализу лексики, отражающей верования селькупов. Предложена классификация и представлен семантический и структурно-генетический анализ лексики. Впервые для репрезентации селькупской лексики сферы верований использовался тезаурусный метод, стратегия которого была разработана автором (Ким, 2018).

В 2022 г. С. В. Ковылин в соавторстве с Ю. В. Норманской опубликовал монографию «Кириллические памятники на уральских и алтайских языках» (Ковылин, Норманская, 2022). Монография посвящена описанию двух первых книг «Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края» (1887) и «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» (1900), созданных святителем Макарием (Невским) в рамках его миссионерской деятельности. В монографии выполнено системное описание графико-фонетических, морфологических и синтаксических особенностей этих книг. Книги святителя Макария созданы с высокой степенью точности и отражают ряд архаизмов, не представленных в других доступных источниках по селькупскому языку, но реконструированных ранее для прасамодийского языка. При анализе морфологии были привлечены данные всех доступных источников по другим диалектам селькупского, в том числе материалы еще неизданных картотек, и показано, как менялись ареалы распространения тех или иных аффиксов.

Большое внимание уделяется также просветительской деятельности, результатам которой посвящена статья С. В. Ковылина, Е. А. Крюковой «Сохранение и популяризация языков и культур (из опыта кафедры языков народов Сибири ТГПУ)» (Ковылин, Крюкова, 2022). В статье рассматривается деятельность кафедры языков народов Сибири (ЯНС) Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) по сохранению и популяризации языков и культур, исследованием научной проблематики которых в университете занимаются уже более 70 лет. В работе описывается социолингвистическая ситуация кетского, селькупского, вах-васюганского хантыйского, телеутского и чулымско-тюркского языков, обсуждается количество говорящих, функционирование письменности, а также практическое использование языков и их диалектов, что определяет общий контекст их существования. Представлены основные проекты языкового активизма, успешно реализуемые кафедрой, которые подразумевают диалог автохтонного населения с учеными-исследователями языков и культур, а также вовлеченность в проекты автохтонного и аллохтонного населения. Мероприятия включают в себя проведение научно-популярных лекций, круглых столов, открытых уроков и тематических вечеров (Ковылин, Крюкова, 2022).

Результаты исследований по чулымско-тюркскому языку отражены в монографии В. Ф. Кондиякова и В. М. Лемской «Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края», изданной в двух томах (Кондияков, Лемская, 2021а; Кондияков, Лемская, 2021б).

Первый том содержит русско-чулымский словарь, словоформы (в том числе минимальные контексты) с переводом, примеры грамматических форм слов (парадигмы) по соответствующим категориям (Кондияков, Лемская, 2021а).

Во второй том включены фольклорные тексты, песни, частушки и тексты, переведенные с русского языка на чулымский язык (Кондияков, Лемская, 2021б).

Результаты исследований по фольклору телеутов нашли свое воплощение в двух учебных пособиях, предназначенных для уроков телеутского языка и литературы в средних образовательных учебных заведениях, а также для самостоятельной работы – «Телеутский фольклор. Лирика» (Функ, Токмашев, 2022), «Телеутский фольклор. Эпос» (Функ, Токмашев, 2022). В пособиях представлены уникальные произведения телеутов, снабженные переводом на русский язык и аудио- и видеозаписями в виде QR-кодов. К каждому тексту разработана система упражнений, направленных на формирование у обучающихся навыков устной и письменной речи.

Область научных интересов Д. М. Токмашева связана с фонологией телеутского языка. В статье «О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка» рассмотрены согласные фонемы /k:/~k/ и /t:/~t/ телеутского языка в интервокальном положении. Проведен сопоставительный анализ сонограмм телеутских словоформ, полученных от разных дикторов и иллюстрирующих долготу согласных звуков [k] и [t] в интервокальной позиции, выполненный с помощью программы Praat. Автором предложено противопоставлять телеутские взрывные интервокальные согласные по наличию работы голосовых связок. Озвончение интервокальных смычных также подтверждается данными сонограмм (Токмашев, 2022).

По мнению Д. М. Токмашева, «сохраняя древнюю киргизско-кыпчакскую подоснову, телеутский язык фонетически и морфонологически сближается с северными диалектами как результат конвергентного развития» (Токмашев, 2021, с. 158).

Обмену научными идеями, презентации результатов исследований в сфере изучения языков и культур миноритарных этносов способствует организация и проведение международных конференций «Дульзоновские чтения», последняя из которых состоялась в сентябре 2023 г. (Крюкова, 2023).

Научный фундамент лингвистической школы, заложенный А. П. Дульзоном, позволяет сохранять традиции, привносить инновации и вести активную исследовательскую деятельность уже нескольким поколениям ученых, занимающихся комплексным изучением сибирских индигенных лингвокультур.

Литература:

- Башбуг Ф.** Особенности послеложных конструкций в чулымском языке: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 260 с.
- Воробьева В. В., Полякова Н. В.** Именные посессивные конструкции с местоименным посессором в васюганском, среднеобском и нарымском диалектах селькупского языка // *Язык и культура*. 2018. № 41. С. 40–54.
- Галкина Т. В., Осипова О. А.** А. П. Дульзон и его школа // *Вопросы языкознания*. 2000. № 3. С. 3–11.
- Дубровская Н. В., Ким-Малони А. А.** Особенности семантики цветообозначения «белый» в фольклорных и лексикографических материалах тазовского диалекта селькупского языка // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. Вып. 4 (193). С. 84–89.
- Ким А. А.** Лексика верований селькупов как этнолингвистический источник для реконструкции картины мира. Томск, 2018. 188 с.
- Ким-Малони А. А., Терещенко А. В.** Лингвокультурологический анализ топонимов в селькупской мифологии (на материале шаманского путешествия по миру) // *Язык и культура*. Сборник статей XXVIII Международной конференции. Томск, 2018. С. 231–236.

- Ковылин С. В.** Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края за 1887 год св. Макария (Невского): словоизменительная морфология глагола // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 211–230.
- Ковылин С. В.** Отрицание и способы его выражения в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 234 с.
- Ковылин С. В., Крюкова Е. А.** Сохранение и популяризация языков и культур (из опыта кафедры языков народов Сибири ТГПУ) // Социоллингвистика. 2022. № 4 (12). С. 71–89.
- Ковылин С. В., Норманская Ю. В.** Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Серия: Методы культуры: филология. Т. 2. Памятники селькупской письменности XIX в., созданные святителем Макарием (Невским). М., 2022. 301 с.
- Кондияков А. Ф., Лемская В. М.** Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края (2007–2021 гг.). Т. 1. Словарь, формы слов и грамматические примеры. Томск, 2021а. 204 с.
- Кондияков А. Ф., Лемская В. М.** Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края (2007–2021 гг.). Т. 2. Тексты с переводом и анализом. Томск, 2021б. 246 с.
- Крюкова Е. А., Ковылин С. В., Лемская В. М., Токмашев Д. М., Фильченко А. Ю.** Порядок слов и информационная структура предложения в языках обско-енисейского языкового ареала // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Труды кафедры языков народов Сибири. Томск, 2020. С. 19–29.
- Крюкова Е. А.** Типологические исследования языков коренного населения Сибири в Томском государственном педагогическом университете // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 75–83. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-75-83
- Крюкова Е. А.** 30-я юбилейная международная конференция «Дульзоновские чтения» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 47 (3). С. 99–102.
- Лемская В. М.** Проблемы междиалектного морфологического варьирования при разметке в корпусе миноритарного языка (на примере чулымско-тюркского) // Родные языки в современном меняющемся мире. 2022. № 1. С. 31–42.
- Онина С. В.** Способы выражения побуждения в хантыйском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 594 с.
- Осипова О. А.** Многогранность профессора А. П. Дульзона (1900–1973). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 63 с.
- Персидская А. С.** Отражение соматического кода селькупской культуры в соматизмах, относящихся к телу в целом // Язык. Общество. Образование. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Кобенко. Томск, 2020. С. 89–94.
- Персидская А. С.** Структурно-семантические особенности названий мышцы и сухожилия в селькупском языке // *Иностранный язык и межкультурная коммуникация*. Материалы XVI Международной студенческой научно-практической конференции. Томск, 2022. С. 10–12.
- Персидская А. С.** Структурно-семантические особенности соматической лексики в индигенной лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2022. 233 с.
- Персидская А. С., Полякова Н. В.** Соматическая лексика селькупского языка: морфосинтаксический анализ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 5 (194). С. 43–46.
- Полякова Н. В.** Индигенные этносы Томской области: социоллингвистическая ситуация и языковая витальность // Язык. Общество. Образование. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Кобенко. Томск, 2022. С. 81–85.
- Полякова Н. В.** Структура простого предложения: традиционные и современные подходы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 8 (197). С. 56–61. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-56-61
- Полякова Н. В., Крюкова Е. А., Коротких Г. В.** Структура предложения в фольклорном тексте (на материале селькупских частушек) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 111–116. DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-111-116
- Сайнакова Н. В., Ковылин С. В.** Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы šöšqum/šöšqur и подтверждения промежуточного статуса среднеобско-го (шёшкумского/шёшкупского) диалекта селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 130–139. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-130-151
- Сборник** аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала: труды кафедры языков народов Сибири / отв. ред. А. Ю. Фильченко. Т. 5. Томск: Аграф-Пресс, 2017. 318 с.
- Сборник** аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала: труды кафедры языков народов Сибири / отв. ред. А. Ю. Фильченко. Т. 6. Томск: Аграф-Пресс, 2020. 376 с.
- Сборник** аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала: труды кафедры языков народов Сибири / отв. ред. Е. А. Крюкова, А. Ю. Фильченко. Т. 7. Томск: Аграф-Пресс, 2021. 220 с.

- Тимкин Т. В.** Система гласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка по экспериментальным данным (в сопоставительном аспекте): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 411 с.
- Токмашев Д. М.** Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1 (81). С. 268–277.
- Токмашев Д. М.** О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 1 (89). С. 138–152.
- Токмашев Д. М.** Язык бачатских телеутов в системе алтайских диалектов – фонология и морфонология (на материале Das Altaitürkische О. И. Прицака) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 158–187.
- Функ Д. А., Токмашев Д. М.** Телеутский фольклор. Лирика: учебное пособие для учащихся 5–9 классов. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. 120 с.
- Функ Д. А., Токмашев Д. М.** Телеутский фольклор. Эпос: учебное пособие для учащихся 5–9 классов. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. 144 с.
- Юрченко Е. Ю.** Сопоставительный анализ когнитивных стратегий номинации растений в русском и немецком языках: на материале отзоонимных фитонимов: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2018. 225 с.
- Nefedov A., Kryukova E.** The Lord's Prayer in Ket: A linguistic analysis // Родной язык: лингвистический журнал. 2019. № 2 (10). С. 76–86.
- Filchenko A., Lemskaya V., Liliavina E., Tokmashev D.** Comprehensive documentation and archiving of Teleut, Eushta-Chal, and Melets Chulym: Three areally adjacent critically endangered Turkic Languages of Siberia // Turkic Languages. 2019. No. 23. P. 265–295.

Полякова Наталья Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru

N. V. Polyakova

MODERN SCIENTIFIC RESEARCH OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF LINGUISTICS FOUNDED BY A. P. DULZON: RESULTS AND PROSPECTS

The article examines the directions of scientific research of the Tomsk Linguistic School founded by A. P. Dulzon from 2017 to 2023, describes the results of scientific, supervisory, and pedagogical activities aimed at studying the languages of the autochthonous ethnic minorities of Siberia, and outlines the prospects for further scientific research. During this period, three dissertations were written and defended for the degree of candidate of philological sciences, three annotated folklore and everyday prose texts in the languages of the Ob Yenisei region were published, including material on the Selkup, Ket, Chulym-Turkic, Teleut, Khanty and Chulym-Turkic languages, four monographs on the Selkup and Chulym-Turkic languages and four research projects were carried out. At present, the Khanty, Selkup, Chulym-Turkic, Ket, and Teleut languages are being researched with the help of modern achievements in linguistics, folklore, and other related sciences.

Keywords: *linguistic school by A.P. Dulzon, studies of endangered languages, indigenous ethnic groups, the Selkup language, the Khanty language, the Ket language, the Chulym-Turkic language, the Teleut language*

References:

- Bashbug F.** Osobennosti poslelozhnykh konstrukciy v chulymskom yazyke [Features of postpositional constructions in the Chulym language]. Dis. ... kand. filol. nauk. Mytishchi, 2020. 260 p. (in Russian)
- Vorobeva V. V., Polyakova N. V.** Imennye possessivnye konstrukcii s mestoimennym possessorom v vasyuganskom, sredneobskom i narymskom dialektakh sel'kupskogo yazyka [Adnominal possessive constructions with a pronominal possessor in Narym, Vasyagan and Middle-Ob Dialects of Selkup] // Yazyk i kul'tura. 2018. No. 41. P. 40–54 (in Russian).
- Galkina T. V., Osipova O. A.** A. P. Dul'zon i ego shkola [Dulzon and his school] // Voprosy yazykoznaniiya. 2000. No. 3. P. 3–11 (in Russian).

- Dubrovskaya N. V., Kim-Maloney A. A.** Osobennosti semantiki cvetooboznachenija «belyi» v fol'klornykh i leksikograficheskikh materialakh tazovskogo dialekta sel'kupskogo yazyka [Peculiarities of semantics of “white” in folklore and lexicographic materials of the Taz dialect of the Selkup language] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. No. 4 (193). P. 84–89 (in Russian).
- Kim A. A.** Leksika verovaniy sel'kupov kak etnolingvisticheskiy istochnik dlya rekonstrukcii kartiny mira [The vocabulary of Selkup beliefs as an ethnolinguistic source for reconstructing the worldview]. Tomsk, 2018. 188 p. (in Russian).
- Kim-Maloney A. A., Tereshchenko A. V.** Lingvokul'turologicheskii analiz toponimov v sel'kupsКОЙ mifologii (na materialle shamanskogo puteshestviya po miru) [Linguoculturological analysis of toponyms in Selkup mythology (based on the material of shamanic travel around the world)]. Yazyk i kul'tura [Language and Culture]. Sbornik statei XXVIII Mezhdunarodnoy konferencii [Proceedings of the 28th International Conference]. Tomsk, 2018. P. 231–236 (in Russian).
- Kovylin S. V.** “Materialy dlya oznakomleniya s narechiem ostyakov Narymskogo kraja za 1887 god sv. Makariya (Nevskogo): slovoizmenitel'naya morfologiya glagola” [“Materials for acquaintance with the Ostyak dialect of the Narym kraj” for 1887 of st. Makarius (Nevsky): inflectional verb morphology] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2021. No. 3. P. 211–230 (in Russian).
- Kovylin S. V.** Otricanie i sposoby ego vyrazheniya v vahovskom i vasyuganskom dialektakh hantiyskogo yazyka, central'nykh i yuzhnykh dialektakh sel'kupskogo yazyka. [Negation and ways of its expression in the Vakhovsky and Vasyugan dialects of the Khanty language, central and southern dialects of the Selkup language]. Dis. ... kand. filol. Nauk. Novosibirsk, 2017. 234 p. (in Russian).
- Kovylin S. V., Kryukova E. A.** Sokhranenie i populyarizaciya yazykov i kul'tur (iz opyta kafedry yazykov narodov Sibiri TGPU) [Preservation and popularization of languages and cultures (from the experience of the Department of Siberian indigenous languages, Tomsk State Pedagogical University)] // Sociolingvistika. 2022. No. 4 (12). P. 71–89 (in Russian).
- Kovylin S. V., Normanskaya Yu. V.** Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altayskikh yazykakh [Cyrillic ancient manuscripts in the Uralic and Altaic languages] / Ser. Metody kul'tury: filologija. Vol. 2. Pamjatniki sel'kupskoj pis'mennosti XIX v., sozdannye svjatitelem Makariem (Nevskim) [Ser. Methods of culture: philology. Vol. 2. The Selkup ancient manuscripts of the 19th century, created by St. Macarius (Nevsky)]. Moscow, 2022. 301 p. (in Russian).
- Kondiyakov A. F., Lemskaya V. M.** Chulymskiy yazyk d. Pasechnoe Tyukhtetskogo rayona Krasnoyarskogo kraja (2007–2021 gg.) [The Chulymsky language, Pasechnoe village, Tyukhtetsky district, Krasnoyarsk Krai (2007–2021)]. Vol. 1. Slovar', formy slov i grammaticheskie primery [Vol. 1. Dictionary, word forms and grammatical examples]. Tomsk, 2021a. 204 p. (in Russian).
- Kondiyakov A. F., Lemskaya V. M.** Chulymskiy yazyk d. Pasechnoe Tyukhtetskogo rayona Krasnoyarskogo kraja (2007–2021 gg.) [The Chulymsky language, Pasechnoe village, Tyukhtetsky district, Krasnoyarsk Krai (2007–2021)]. Vol. 2. Teksty s perevodom i analizom [Vol. 2. Texts with translation and analysis]. Tomsk, 2021b. 246 p. (in Russian).
- Kryukova E. A., Kovylin S. V., Lemskaya V. M., Tokmashev D. M., Filchenko A. Yu.** Poryadok slov i informacionnaya struktura predlozheniya v yazykakh obsko-eniseiskogo yazykovogo areala [The word order and information structure of the sentence in the languages of Ob-Yenisei area] / Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseiskogo yazykovogo areala. Trudy kafedry yazykov narodov Sibiri [Annotated folklore and daily prose texts of the language of Ob-Yenisei area]. Proceedings of the Department of Languages of the Peoples of Siberia. Tomsk, 2020. P. 19–29 (in Russian).
- Kryukova E. A.** Tipologicheskie issledovaniya yazykov korenного naseleniya Sibiri v Tomskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete [Typological and areas studies of indigenous languages in Tomsk State Pedagogical University] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [TSPU Bulletin]. 2018. No. 4 (193). P. 75–83 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-75-83
- Kryukova E. A.** 30-ya yubileinaya mezhdunarodnaya konferenciya «Dul'zonovskie chteniya» [30th Anniversary International Conference “Dulzon Readings”] // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023. No. 3 (iss. 47). P. 99–102 (in Russian). DOI: 10.25205/2312- 6337-2023-3-99-102
- Lemskaya V. M.** Problemy mezhdialektного morfologicheskogo var'irovaniya pri razmetke v korpuse minoritarnogo yazyka (na primere chulymsko-tyurkskogo) [Problems of interdialect morphological variation when marking in the corpus of a minority language (on Chulym-Turkic)] // Rodnye yazyki v sovremennom menyayushhemsya mire [Native languages in the modern changing world]. 2022. No. 1. P. 31–42 (in Russian).
- Onina S. V.** Sposoby vyrazheniya pobuzhdeniya v hantiyskom yazyke. [Ways of expressing motivation in the Khanty language]. Dis. dokt. filol. nauk. Moscow, 2022. 594 p. (in Russian).
- Osipova O. A.** Mnogogrannost' professora A. P. Dul'zona (1900–1973) [Professor A. P. Dulzon's versatility (1900–1973)]. Tomsk, 2011. 63 p. (in Russian).

Persidskaya A. S. Otrazhenie somaticheskogo koda sel'kupskoj kultury v somatizmakh, odnosyashkhihsya k telu v celom [Reflection of the somatic code of the Selkup culture in somatisms related to the body as a whole]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovanie. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod redakciej Yu. V. Kobenko* [Language. Society. Education. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Edited by Yu.V. Kobenko]. Tomsk, 2020. P. 89–94 (in Russian).

Persidskaya A. S. Strukturno-semanticheskie osobennosti nazvaniy myshcy i suhozhiya v sel'kupskom yazyke [Structural and semantic features of the names of muscles and tendons in the Selkup language]. *Inostrannyj yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Materialy XVI Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Foreign language and intercultural communication. Proceedings of the 16th International Student Scientific and Practical Conference]. Tomsk, 2022. P. 10–12 (in Russian).

Persidskaya A. S. Strukturno-semanticheskie osobennosti somaticheskoy leksiki v indigennoj lingvokul'ture. [Structural and semantic features of somatic vocabulary in indigenous linguoculture]. *Dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2022.* 233 p. (in Russian).

Persidskaya A. S., Polyakova N. V. Somaticheskaya leksika sel'kupskogo yazyka: morfosintaksicheskij analiz [Somatic vocabulary of the Selkup language: morphosyntactic analysis] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [TSPU Bulletin]. 2018. No. 5 (194). P. 43–46 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-43-46

Polyakova N. V. Indigennye etnosy Tomskoj oblasti: sociolingvisticheskaya situaciya i yazykovaya vital'nost' [Indigenous ethnic groups of the Tomsk region: sociolinguistic situation and linguistic vitality]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovanie. Sbornik nauchnyh trudov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod redakciej Yu. V. Kobenko – Language. Society. Proceedings of the 3d International Scientific and Practical Conference. Edited by Yu. V. Kobenko.* Tomsk, 2022. P. 81–85 (in Russian).

Polyakova N. V. Struktura prostogo predlozheniya: tradicionnye i sovremennye podhod [Structure of a simple sentence: traditional and modern approaches] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [TSPU Bulletin]. 2018. No. 8 (197). P. 56–61 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-56-61

Polyakova N. V., Kryukova E. A., Korotkikh G. V. Struktura predlozheniya v fol'klornom tekste (na materiale sel'kupskikh chastushek) [Sentence structure in a folklore text (on a material of Selkup four-line folk rhymes)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [TSPU Bulletin]. 2020. No. 2 (208). P. 111–116 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-111-116

Saynakova N. V., Kovylin S. V. Materialy po toponimike Ketskogo Priob'ya kak osnova dlya vyyavleniya granic rasseleniya dialektno-lokal'noy gruppy šošqum/šošqup i podtverzheniya promezhutochnogo statusa sredneobskogo (shyoshkumskogo/shyoshkupskogo) dialekta sel'kupskogo yazyka [Materials on toponymy of the Ket Ob region as a basis for identification of the settlement border of the Šošqum/Šošqup dialect local group and confirmation of the intermediate position of the Middle Ob (Sheshkum/Sheshkup) dialect of the Selkup language] // *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies]. 2020. No. 3 (38). P. 130–139 (in Russian). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-130-151

Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-enisejskogo yazykovogo areala. *Trudy kafedry yazykov narodov Sibiri* [Annotated folklore and daily prose texts of the languages of Ob-Yenisei area. Proceedings of the Department of Languages of the Peoples of Siberia]. Ed. A.Yu. Filchenko. Vol. 5. Tomsk : Agraf-Press, 2017. 318 p. (in Russian).

Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-enisejskogo yazykovogo areala. *Trudy kafedry yazykov narodov Sibiri* [Annotated folklore and daily prose texts of the languages of Ob-Yenisei area. Proceedings of the Department of Languages of the Peoples of Siberia]. Ed. A.Yu. Filchenko. Vol. 6. Tomsk: Agraf-Press, 2020. 376 p. (in Russian).

Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-enisejskogo yazykovogo areala. *Trudy kafedry yazykov narodov Sibiri* [Annotated folklore and daily prose texts of the languages of Ob-Yenisei area. Proceedings of the Department of Languages of the Peoples of Siberia]. Ed. E.A. Kryukova, A.Yu. Filchenko. Vol. 7. Tomsk: Agraf-Press, 2021. 220 p. (in Russian).

Timkin T. V. Sistema glasnyh fonem surgutskogo dialekta hantyjskogo jazyka po jeksperimental'nym dannym (v so-postavitel'nom aspekte). [The system of vowel phonemes of the Surgut dialect of the Khanty language according to experimental data (in a comparative aspect)]. *Dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2021.* 411 p. (in Russian).

Tokmashev D. M. Informacionnaya struktura prostogo predlozheniya v teleutskom yazyke: k postanovke problemy [Simple Sentence Information Structure in Teleut: Problem Statement] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2020. Vol. 22, No. 1 (81). P. 268–277 (in Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

Tokmashev D. M. O statuse intervokal'nykh [k:] i [t:] v fonologicheskoy sisteme teleutskogo yazyka [Status of Intervocalic [k:] and [t:] in the Phonological System of the Teleut language] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2022. Vol. 24, No. 1 (89). P. 138–152 (in Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-1-138-152

Tokmashev D. M. Yazyk bachatskikh teleutov v sisteme altajskikh dialektov – fonologiya i morfonologiya (na materiale Das Altaitürkische O. I. Pricaka) [Teleut in the system of Altai dialects – phonetics and morphophonology (based on Das Altaitürkische by Omeljan Pritsak)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Tomsk State University Journal of Philology]. 2021. No. 74. P. 158–187 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/74/10.

Funk D. A., Tokmashev D. M. Teleutskiy fol'klor. Lirika. Uchebnoe posobie dlja uchashhihsja 5–9 klassov [Teleut folklore. Lyrics. A textbook for students of grades 5–9]. Moskva: Izd-vo Instituta etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN, 2022. 120 p. (in Russian).

Funk D. A., Tokmashev D. M. Teleutskiy fol'klor. Epos. Uchebnoe posobie dlya uchashhihsja 5–9 klassov [Teleut folklore. Epos. A textbook for students of grades 5–9]. Moskva: Izd-vo Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN, 2022. 120 p. (in Russian).

Yurchenkova E. Yu. Sopostavitel'ny analiz kognitivnyh strategiy nominacii rasteniy v russkom i nemeckom yazykakh: na materiale otzoonimnyh fitonimov. [Comparative analysis of cognitive strategies of plant nomination in Russian and German: based on the material of zoonymic phytonyms]. Dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2018. 225 p. (in Russian).

Nefedov A., Kryukova E. The Lord's Prayer in Ket: A linguistic analysis // Rodnoy Yazyk: Linguistic Journal. 2019. No. 2 (10). P. 76–86 (in Russian).

Filchenko A., Lemskaya V., Liliavina E., Tokmashev D. Comprehensive documentation and archiving of Teleut, Eushta-Chal, and Melets Chulym: Three areally adjacent critically endangered Turkic Languages of Siberia // Turkic Languages. 2019. Vol. 23. P. 265–295 (in Russian).

Polyakova Natalia Vladimirovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kyevskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru

А. А. Ким, Е. А. Крюкова

КОНФЕРЕНЦИЯ «ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

С 21 по 24 сентября 2023 г. в Томском государственном педагогическом университете (ТГПУ) прошла Юбилейная 30-я Международная конференция «Дульзоновские чтения» «Комплексное изучение языков и культур народов России».

Конференция «Дульзоновские чтения» уже давно стала признанным научным брендом Томского государственного педагогического университета, так же как и лингвистическая школа профессора Андрея Петровича Дульзона и экспедиционный и научный архив по языкам народов Сибири. Конференция восходит к деятельности доктора филологических наук, профессора Томского государственного педагогического университета, лауреата Государственной премии Андрея Петровича Дульзона по комплексному изучению проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков, которую он сформулировал в середине 40-х гг. и начал разрабатывать вместе со своими учениками – лингвистами, археологами и этнографами. В июне 1958 г. по инициативе профессора А. П. Дульзона при поддержке Томского пединститута, Томского областного краеведческого музея и Новосибирского отдела Всесоюзного географического общества была проведена первая конференция по этой проблеме. Тогда она называлась «Межвузовская научно-практическая конференция по проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков», но в ней уже принимали участие не только представители томских вузов, но и ученые из других регионов страны. В 1969 г. состоялась вторая конференция по этой же проблеме, где Андрей Петрович говорил не только о древних связях этносов Сибири с другими северными этносами по данным языка, но и предложил лингвистические приемы установления отдаленного родства языков. В этой конференции участвовало 314 человек, представлявших 40 вузов и научно-исследовательских учреждений из 24 городов Советского Союза (Галкина, 2003: 243; Осипова, 2011).

В 1973 г. после смерти А. П. Дульзона состоялась третья конференция, посвященная памяти Андрея Петровича Дульзона. Данная конференция уже приобрела статус всесоюзной «Происхождения аборигенов Сибири и их языков». Эту конференцию организовывали ученики А. П. Дульзона: в оргкомитет входили Э. Г. Беккер, К. Ф. Гриценко, Р. Ф. Деннинг, О. А. Осипова, Т. И. Поротова. Они начали обобщать научный вклад своего учителя (Гриценко, Осипова, 1973: 6). Эту конференцию можно назвать программной, так как ведущие ученые страны представили свои теоретические идеи и перспективные направления исследований, например Н. М. Терещенко «Обоснование исконного родства самодийской группы», Г. А. Меновщиков «Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам», Г. И. Пелих «Ретроспективные возможности этнографии», В. В. Иванов «Типологическое и генетическое истолкование сходств между кетским и американскими индейскими мифами о разорителе орлиных гнезд», В. М. Кулемзин «Иноэтнические элементы в шаманизме васюганских и ваховских хантов» и др. На этой конференции была высказана идея продолжать такие комплексные научные встречи и назвать их в честь А. П. Дульзона «Дульзоновские чтения». За период с 1974 по 1994 г. на 17-х «Дульзоновских чтениях» выступили с докладами ведущие ученые страны и многочисленные ученики А. П. Дульзона по многим перспективным направлениям (Галкина, Осипова, 1995: 40).

¹ Исследование выполнено по проекту «Проектирование модели организационно-методического и кадрового обеспечения образовательной деятельности на русском языке в системе образования Кении» (QZOY-2023-0006), который реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ, в рамках государственного задания.

Обмен мнениями по проблемам происхождения аборигенов Сибири и их языков был продолжен на последующих научных конференциях «Дульзоновские чтения» вплоть до нашего времени. В 1990-х гг. конференции начали приобретать статус международных (с открытием Томска для посещения коллег из-за рубежа). Традиционно на них обсуждались следующие вопросы: 1) итоги и задачи изучения языка и древней истории аборигенов Сибири; 2) методы комплексного изучения этногенеза; 3) способы выявления близкого и отдаленного родства народов и их языков; 4) алтайские общности, урало-алтайские общности, урало-алтайско-енисейские общности; 5) критерии для определения характера общностей (генетическое родство, заимствования, субстратные реликты); 6) типологические общности неродственных языков и культур; 7) новые данные по древней истории, этнографии и языку народов Сибири; 8) использование новых данных по проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков. В последние годы тематика конференций была значительно расширена за счет включения в обсуждаемые вопросы исследования по индоевропейским языкам и по методике преподавания различных языков, в том числе языков аборигенных народов.

Например, 21-е «Дульзоновские чтения» (1997) обращались сразу к трем важным проблемам: «Проблемы документации исчезающих языков и культур», «Вопросы грамматической и лексической типологии» и «Проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе». В программе конференции уже значились зарубежные участники: Ф. Меннесье (Франция), Э. Вайда (США), П. Джордан (Великобритания), Я. Алатало (Финляндия). Особо следует отметить участие представителей коренных народов Сибири: Г. Р. Малахова (Белояровка), В. К. Киргеев (Колпашево), Н. П. Иженбина (Иванкино), Т. В. Волдина (Ханты-Мансийск).

Обмен мнениями по указанным вопросам способствовал расширению круга ученых, не только интересующихся данной проблемой, но и активно включившихся в ее дальнейшую разработку. Так, Б. Комри представил доклад «Язык и предыстория: междисциплинарный подход» на 22-х «Дульзоновских чтениях» (2000 г.). Отметим еще несколько ключевых докладов, сделанных на 22-х «Дульзоновских чтениях»: Е. А. Керимбаев (Казахстан) «К проблеме родства и происхождения языков»; А. Т. Липатов (Марий Эл) «Протоуралия и индоевропейский этнос»; В. В. Напольских (Удмуртия) «Древние лингвистические связи между Азией и Америкой: историкографический обзор»; Д. Дечи (США, Блумингтон) *Beyond Nostratic in time and space*; А. М. Малолетко (Томск) «Миграция человека и языки Европы и Северной Азии»; Ф. Менесье (Франция) «Типология актантных отношений в Северной Евразии» и др.

«Дульзоновские чтения» 2014 г. впервые организованы третьим и четвертым поколением ученых лингвистической школы, созданной А. П. Дульзоном, так как в 2013 г. ушла из жизни ученица Дульзона и преемница всех дульзоновских традиций О. А. Осипова, а весной 2014 г. нас покинула В. В. Быконя, ученица Э. Г. Беккер.

Круг участников конференций постоянно расширялся, поскольку проблема происхождения аборигенов Сибири и их языков представляла не только локальное значение, она многочисленными нитями была связана с древнейшей историей народов Европы, Азии, Америки и в конечном итоге с происхождением языка вообще. А. П. Дульзон в свое время отмечал, что со временем изучение языков Сибири будет играть все большую роль в разрешении проблемы происхождения языка. Описание отдельных сторон того или иного языка не просто важно с точки зрения только проблемы происхождения аборигенных языков Сибири, но также и в том плане, что полученные данные могут использоваться гораздо шире, т. е. при сопоставлении в типологическом и генетическом планах различных языковых семей. Сейчас конференции проводятся один раз в три года. Изменяется и техническая составляющая конференций – во время и после пандемии конференции проводятся в смешанном формате: очно с возможностью синхронного подключения в онлайн.

Организация конференций отражает поколения ученых школы А. П. Дульзона:

1. «Родитель», основоположник школы и научной проблемы А. П. Дульзон

2. «Дети». Ученики А. П. Дульзона (или его коллег-ученых, к которым сотрудники пединститута были направлены в аспирантуру) первого поколения (Э. Г. Беккер, О. А. Осипова, А. И. Кузьмина, Г. Г. Едиг, Г. К. Вернер, Н. М. Гришина, В. А. Сусеков, Я. А. Глухий, Ю. А. Морев и др. – всего 45 человек).

3. «Внуки». Ученики второго поколения (всего 49 человек, в ТГПУ это поколение представляют А. А. Ким, А. Ю. Фильченко, О. С. Потанина, Е. А. Крюкова, Д. Ф. Мымрина, А. В. Диденко).

4. «Правнуки». Ученики третьего поколения (более 20, в ТГПУ это поколение представляют В. М. Лемская, С. В. Ковылин, Н. В. Полякова, Э. В. Сатеева).

5. «Праправнуки». Ученики четвертого поколения. В ТГПУ это А. С. Персидская (ученица Н. В. Поляковой).

В конференции 2023 г. кроме традиционных секций «Лингвистика», «Археология и этническая история», «Этнография», «Фольклористика» добавились такие секции, как «Диалекты российских немцев: история и современное состояние», «Русский жестовый язык», «Коренные народы мира». В рамках последней был проведен круглый стол «Изучение этнокультурных и образовательных процессов в странах Африки», где обсуждались вопросы создания образовательной модели для преподавания русского языка как иностранного в Кении.

Как всегда, конференция была представлена значительным количеством участников (около 100 человек) из многих городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ханты-Мансийска, Уфы, Аксарки, Якутска, Ижевска, Таганрога, Екатеринбургa, Тулы, Красноярска, Абакана, Элисты, Салехарда, Сыктывкара, Сургута, Томска. Более 10 ученых, представителей коренного населения Сибири, выступили с научными докладами, среди них ненцы, якуты, телеуты, кеты.

Соорганизаторы Юбилейной 30-й Международной конференции «Дульзоновские чтения» – Институт филологии СО РАН г. Новосибирска (ИФЛ СО РАН) и Музей Природы и Человека г. Ханты-Мансийска. Сотрудники этих организаций, в особенности Н. Б. Кошкарева, Н. С. Уртегешев, А. В. Байыр-оол (ИФЛ СО РАН) и Н. А. Тучкова, Н. В. Сайнакова (Музей Природы и Человека) внесли огромный вклад в формирование программы конференции и модерирование пленарных и секционных заседаний.

Следующая конференция, 31-е «Дульзоновские чтения», будет организована в сентябре 2026 г.

Информацию о программе, докладах, фотогалерею двух прошедших конференций можно посмотреть на сайте по ссылкам https://siblang.tspu.edu.ru/grant/?page_id=508 (29-е «Дульзоновские чтения»), https://siblang.tspu.edu.ru/grant/?page_id=212 (30-е «Дульзоновские чтения»).

Публикации по материалам отдельных докладов будут размещены в номерах Томского журнала лингвистических и антропологических исследований за 2023 и 2024 гг. В настоящем номере (№ 4, 2023) размещены статьи из программы 30-х «Дульзоновских чтений»:

– секция «Русский жестовый язык»: С. И. Буркова, Е. А. Денисова «Религиозная терминология в русском жестовом языке», Е. В. Филимонова «Цепочечный реципрок в русском жестовом языке»;

– секция «Лингвистика»: Н. В. Кондратьева «Реализация признаков сравнения компаративных тропов с дендронимами в современном удмуртском языке»;

– секция «Археология, этнография, фольклор»: Е. В. Барсуков, А. А. Идимешев «Перспективы археологических исследований правобережных притоков реки Кети (на примере реки Орловки)».

Литература:

Галкина Т. В. Томская лингвистическая школа А. П. Дульзона. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2003. 320 с.

Галкина Т. В., Осипова О. А. А. П. Дульзон: к 95-летию со дня рождения. Томск: Томский государственный педагогический университет, 1995. 74 с.

Гриценко К. Ф., Осипова О. А. А. П. Дульзон – исследователь истории аборигенов Сибири и их языков // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Томский государственный университет, 1973. С. 6–8.

Осипова О. А. Многогранность профессора А. П. Дульзона (1900–1973). Томский государственный педагогический университет. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2011. 63 с.

Ким Александра Аркадьевна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: kim@tspu.edu.ru

Крюкова Елена Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

A. A. Kim, E. A. Kryukova

“DULZON READINGS CONFERENCE: HISTORY AND MODERNITY”

References:

Galkina T. V. Tomskaya lingvisticheskaya shkola A. P. Dul'zona [Tomsk Linguistic School by A. P. Dulzon]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet, 2003. 320 p.

Galkina T. V. Osipova O. A. А. П. Дульзон: к 95-летию со дня рождения [A. P. Dulzon: On the 95th anniversary of the birth]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet, 1995. 74 p.

Gricenko K. F., Osipova O. A. А. П. Дульзон – issledovatel' istorii aborigenov Sibiri i ih jazykov [A. P. Dulzon – Researcher of the History of Siberian Aborigines and their Languages] // Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov [Origin of Siberian aborigines and their languages]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny universitet, 1973. P. 6–8.

Osipova O. A. Mnogogrannost' professora A. P. Dul'zona (1900–1973) [The versatility of Professor A. P. Dulzon (1900–1973)]. Tomskiy gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet. Tomsk: Tomskiy gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet, 2011. 63 p.

Kim Alexandra Arkadievna.

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kim@tspu.edu.ru

Kryukova Elena Aleksandrovna.

Candidate of Science, Associate Professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Бадмаев А. А.* — Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии СО РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.
E-mail: badmaeva@ngs.ru
- Барсуков Е. В.* — Научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.
E-mail: barsukovevg@mail.ru
- Буркова С. И.* — Старший научный сотрудник Лаборатории мультимедиа коммуникации.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, Москва, 125009.
— Доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент.
Новосибирский государственный технический университет.
Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073.
E-mail: burkova_s@mail.ru
- Волдина Т. В.* — Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.
Ул. Мира, 14а, Ханты-Мансийск, 628011.
E-mail: tatyanaoldina@yandex.ru
- Денисова Е. А.* — Выпускник магистратуры.
Новосибирский государственный технический университет.
Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073.
E-mail: veta5897@yandex.ru
- Идимешев А. А.* — Старший преподаватель.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: asap.i@mail.ru
- Ким А. А.* — Доктор филологических наук, доцент, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: kim@tspu.edu.ru
- Кондратьева Н. В.* — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.
Ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004.
— Ведущий научный сотрудник.
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.
Ул. Александра Солженицына, 25, Москва, 109004.
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru
- Крюкова Е. А.* — Кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: elenakrjukova@tspu.edu.ru
- Никаева Т. М.* — Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.
E-mail: elizarovat@mail.ru
- Нилогов А. С.* — Кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований,
старший научный сотрудник.
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
Ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017.
E-mail: Nilogov1981@yandex.ru

- Персидская А. С. — Кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: persidskayaas@tspu.edu.ru
- Печетова Н. Ю. — Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.
E-mail: pechetovan@mail.ru
- Полякова Н. В. — Кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru
- Сагалаев К. А. — Младший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: bigbeatle@inbox.ru
- Тазранова А. Р. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: atazranova@mail.ru
- Тучкова Н. А. — Доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
Музей Природы и Человека.
Ул. Мира, 11, Ханты-Мансийск, 628011.
E-mail: natatutschkova@yandex.ru
- Филимонова Е. В. — Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник.
Институт языкознания Российской академии наук.
Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.
Российский государственный гуманитарный университет.
Миусская площадь, 6, Москва, 125047.
E-mail: ev.filimonova@list.ru

AUTHORS

- Badmaev A. A.* — *Doctor of History Science, Leading Researcher Fellow.*
Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian branch RAS.
Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: badmaevaa@ngs.ru
- Barsukov E. V.* — *Researcher.*
Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS.
Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: barsukovevg@mail.ru
- Burkova S. I.* — *Senior Researcher at the Laboratory of Multichannel Communication.*
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.
— *Associate Professor at the Department of Foreign Languages,*
PhD, Associate Professor.
Novosibirsk State Technical University.
K. Marx Ave., 20, Novosibirsk, Russia, 630073.
E-mail: burkova_s@mail.ru
- Denisova E. A.* — *Master's Graduate.*
Novosibirsk State Technical University.
K. Marx ave., 20, Novosibirsk, Russia, 630073.
E-mail: veta5897@yandex.ru
- Idimeshev A. A.* — *Senior Lecturer.*
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: asap.i@mail.ru
- Filimonova E. V.* — *Candidate of Philology, Junior Researcher.*
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.
Russian State University for the Humanities.
Miuskaya ploshchad', 6, Moscow, Russia, 125047.
E-mail: ev.filimonova@list.ru
- Kim A. A.* — *Doctor of Philology, Associate Professor, Professor.*
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kim@tspu.edu.ru
- Kondratieva N. V.* — *Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher.*
Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch RAS.
Lomonosova str., 4, Izhevsk, Russia, 426004.
— *Leading Researcher.*
Institute of System Programming RAS.
Alexandra Solzhenitsyna str., 25, Moscow, Russia, 109004.
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru
- Kryukova E. A.* — *Candidate of Science, Associate Professor.*
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru
- Nikaeva T. M.* — *Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department.*
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.
Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.
Email: elizarovat@mail.ru
- Nilogov A. S.* — *Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Genealogical Research Laboratory,*
Senior Researcher.
Khakass Research Institute of Language, Literature and History.
Shchetinkina str., 23, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: Nilogov1981@yandex.ru

- Pechetova N. Yu.* — *Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department. North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000. Email: pechetovan@mail.ru*
- Persidskaya A. S.* — *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Tomsk State Pedagogical University. Kiyevskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061. E-mail: persidskayaas@tspu.edu.ru*
- Polyakova N. V.* — *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Tomsk State Pedagogical University. Kyevsкая str., 60, Tomsk, Russia, 634061. E-mail: nvp@tspu.edu.ru*
- Sagalaev K. A.* — *Junior researcher. Institute of Philology of the Siberian Branch RAS. Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090. E-mail: bigbeatle@inbox.ru*
- Tazranova A. R.* — *Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher. Institute of Philology SB RAS. Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090. E-mail: atazranova@mail.ru*
- Tuchkova N. A.* — *Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of History and Ethnography. Museum of Nature and Man. Mira str., 11, Khanty-Mansiysk, Russia, 628011. E-mail: natatutschkova@yandex.ru*
- Voldina T. V.* — *Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow. Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development. Mira str., 14a, Khanty-Mansiysk, Russia, 628011. E-mail: tatyनावoldina@yandex.ru*

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc** и **pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

ISSN 2307-6119



9 772307 611005

Издательство  *ТТПУ*